

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Нижнетагильская государственная
социально-педагогическая академия»

На правах рукописи

Зыкин Иван Валерьевич

Лесопромышленный комплекс Уральского региона (конец 1929 г. – первая
половина 1941 г.)

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
В. М. Кириллов,
доктор исторических наук, профессор

Нижний Тагил – 2014

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Трансформации лесопромышленного комплекса Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г.: причины, закономерности и особенности	
1. 1. Лесопромышленный комплекс Уральского региона как модель для изучения истории отечественного лесного комплекса.....	33
1. 2. Тенденции развития отрасли в конце 1929 г. – первой половине 1941 г.....	43
1. 3. Трансформация технологии, техники лесоэксплуатации и производственной инфраструктуры предприятий.....	64
Глава 2. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса	
2. 1. Численность, социальный состав и квалификация.....	75
2. 2. Оплата труда.....	91
2. 3. Особенности размещения, планировки и застройки рабочих поселков при предприятиях.....	100
2. 4. Продовольственное обеспечение.....	117
Глава 3. Социально-экономическая эффективность функционирования лесопромышленного комплекса Уральского региона	
3. 1. Эффективность труда работников.....	130
3. 2. Социально-экономическая эффективность функционирования предприятий.....	148
Заключение.....	165
Список сокращений.....	172
Список источников и литературы.....	173
Приложение 1. Схема. Концентрация предприятий лесопромышленного комплекса в Уральском регионе в 1930-х гг.....	190

Приложение 2. Схема. Запас древесины спелых и переспевающих хвойных и лиственных насаждений в лесоэкономических районах Урала в начале 1930-х гг.....	191
Приложение 3. Схема. Распределение лесопользователей по подсистемам лесного комплекса с точки зрения охвата видов деятельности в лесоэксплуатации в конце XX в. – начале XXI в.....	192
Приложение 4. Схема. Распределение лесопользователей по подсистемам лесного комплекса с точки зрения охвата видов деятельности в лесоэксплуатации в 1930-х гг.....	193
Приложение 5. Схема. Распределение лесов Уральского региона между основными лесозаготовителями в начале 1930-х гг.....	194
Приложение 6. Таблица. Заготовка, вывозка древесины и производство пиломатериалов в Уральском регионе в 1925–1938 гг.....	195
Приложение 7. Таблица. Показатели лесопользования в Уральском регионе в 1937–1940 гг.....	196
Приложение 8. Таблица. Объем заготовки и вывозки леса, производства пиломатериалов в Уральском регионе в 1937–1940 гг.....	197
Приложение 9. Таблица. Производство продукции предприятиями лесопромышленного комплекса Уральского региона, РСФСР, СССР в 1940 г.....	198
Приложение 10. Таблица. Удельный вес дровяной древесины в общем объеме заготовленного леса в 1937–1955 гг.....	199
Приложение 11. Таблица. Распределение рабочих по занятиям в лесном комплексе Уральского региона (включая «районную промышленность»), по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г.....	200
Приложение 12. Таблица. Среднемесячная начисленная заработная плата по СССР, промышленности, отдельным отраслям и предприятиям лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930–1940 гг.....	202

Приложение 13. Таблица. Оклады, начисленная заработная плата и суммы, удержанные заводоуправлением с заработков работников Черноярского ЛЗ, в мае, июне 1940 г.....	204
Приложение 14. Таблица. Месячные оклады работников предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона.....	207
Приложение 15. Таблица. Месячные оклады работников Сосьвинского ДОКа в 1932–1939 гг.....	211
Приложение 16. Схема. Спецпоселок Верхотурского ЛЗ.....	213
Приложение 17. Таблица. Картотека жилых и социальных объектов спецпоселка Верхотурского ЛЗ (современное состояние).....	214
Приложение 18. Схема. Планировка двухквартирного дома 1931–1932 гг. постройки (спецпоселок Верхотурского ЛЗ).....	220
Приложение 19. Схема. Планировка двухквартирного дома 1936 г. постройки (спецпоселок Верхотурского ЛЗ).....	221
Приложение 20. Схема. Спецпоселок Лобвинского ЛК.....	222
Приложение 21. Таблица. Картотека жилых и социальных объектов спецпоселка Лобвинского ЛК (современное состояние).....	223
Приложение 22. Интервью Н. И. Буркица (Скрипник).....	230
Приложение 23. Таблица. Показатели работы трестов и предприятий лесопромышленного комплекса Свердловской области в 1940 г.....	232
Приложение 24. Таблица. Удельный вес механизированной вывозки древесины в общем объеме вывезенного леса в 1933–1946 гг.....	234
Приложение 25. Таблица. Удельный вес механизированной валки, трелевки, вывозки древесины в общем объеме заготовленного леса в 1940–1955 гг.....	235
Приложение 26. Таблица. Производство пиломатериалов за рамосмену предприятиями лесопромышленного комплекса в 1928–1939 гг.....	236
Приложение 27. Таблица. Изменения фактических показателей работы Верхотурского ЛЗ в 1933–1948 гг.....	237

Введение

Актуальность темы исследования. Темы индустриализации, репрессий 1930-х гг. в Союзе советских социалистических республик (далее везде – СССР) – одни из наиболее актуальных в отечественной историографии. В них выделяется круг малоизученных вопросов, одним из которых является проблема индустриализации в лесопромышленном комплексе¹. Сформированные базовые, структурообразующие элементы общественных систем характеризуются устойчивостью и мало меняются со временем², что позволяет прояснить механизмы экономических, социальных, общественно-политических трансформаций во взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим. Тем более что одним из важных условий принятия правильных решений в сфере лесозаготовки является «использование накопленной годами информации об особенностях трансформации лесного комплекса страны и, прежде всего, о трансформациях лесного хозяйства и лесозаготовок»³.

Современные исследователи, анализирувавшие историю отечественного лесного комплекса в XX в., пришли к выводу, что после распада СССР «не было объективных причин переформулировать лесную политику страны»⁴, поэтому с 1920-х гг. кардинально не изменилась ни система комплекса, ни его организационная структура. Важную роль в развитии отрасли сыграли индустриализационные преобразования. Поскольку одной из ее главных задач в этот период являлось производство лесоматериалов и пилопродукции для военно-промышленного и строительного комплекса, зарубежных стран, приоритет целей лесной политики госу-

---

¹ Антонова Н. Е. Лесная политика: теория и применение // *Пространственная экономика*. 2010. № 2. С. 44. Автор выделяет основные виды деятельности в рамках лесного комплекса – лесное хозяйство и лесопромышленная деятельность (лесопромышленный комплекс), в которой выделяются три передела: заготовка древесины и недревесных ресурсов; их физическое преобразование (механическая обработка); химическое преобразование (глубокая переработка лесных ресурсов). Соответственно этому, можно выделить лесопромышленные комплексы (так же, как и в целом, лесные комплексы) на уровне всей страны, региона, географического района; Гашев А. Лесной рынок Уральской области // *Хозяйство Урала*. 1929. № 1. С. 111. Автор выделяет субъекты лесопромышленного комплекса Уральского региона, работавшие на удовлетворение собственной потребности (металлургия, местное население и др.) и рыночной потребности (специализированные предприятия). В диссертационном исследовании будет проанализирована история предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона, реализовывавших продукцию на рынок.

² Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации : Дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2006. С. 3.

³ Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск, 2008. С. 7.

⁴ Писаренко А. И. Какая лесная политика нужна России? // *Лесное хозяйство*. 2006. № 2. С. 2–5.

дарства был сделан в пользу экономических интересов. Лесохозяйственные и природоохранные проблемы были оставлены без должного внимания, игнорировались местные особенности лесозаготовки (способы рубок, приемы, повторяемость, размер выборки и т. д.)⁵.

Одним из наиболее интенсивно развивавшихся в конце 1920-х – 1930-х гг. стал лесопромышленный комплекс Уральского региона⁶ (в границах Уральской области, существовавшей в 1923–1934 гг., площадь, покрытая лесом, составляла 364 тыс. км², или 22 % территории области, или 11 % лесной площади Российской советской федеративной социалистической республики (далее везде – РСФСР)⁷; 66 % лесов подлежали эксплуатации; запас древесины – 2,8 млрд. м³, в т. ч. 2 млрд. м³ – хвойной)⁸. Он был наиболее перспективным в плане размещения предприятий по заготовке, механической обработке и глубокой переработке древесины и занимал в 1928–1937 гг. первое место по освоению капиталовложений в лесопромышленный комплекс в СССР⁹.

Объект исследования – лесопромышленный комплекс Уральского региона.

Предметом исследования выступают трансформации лесопромышленного комплекса Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г., определившие его дальнейшее социально-экономическое развитие.

Территориальные рамки изучаемого объекта – территория Урала между 57,5 ° и 60 ° северной широты и 55 ° и 66 ° восточной долготы, в районах с наиболее высокими показателями лесистости – от 57 до 87 %¹⁰, где расположена основная часть предприятий лесной промышленности. Исследование будет осуществляться

⁵ Онушин А. А. О принципах экосистемного управления лесами // Лесная таксация и лесоустройство. 2005. № 1. С. 81–82; Антонова Н. Е. Указ. соч. С. 34–35.

⁶ Бакунин А. В. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. С. 4. Авторы определяют экономический регион как «целостное образование, характеризующееся общностью природно-географической среды и исторического прошлого, определенными связями отраслей производства и единством административно-хозяйственного управления». В диссертационном исследовании будет анализироваться социально-экономическая история лесопромышленного комплекса Уральского региона (предприятий по механической и глубокой переработке лесных ресурсов, их связей с лесным хозяйством и лесозаготовительными предприятиями), включающего в себя лесопромышленные комплексы географических районов, в 1930-х гг.

⁷ История Урала. В. 2-х т. Т. 2. Пермь, 1977. С. 178.

⁸ Горчаковский П. Лесные богатства Урала. Свердловск, 1948. С. 73, 74.

⁹ Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1979. С. 11; Петров Б. С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала. М.; Л., 1952. С. 72.

¹⁰ Уральский торгово-промышленный справочник: 1925 год. Пермь, 1925. С. 95.

на примерах трех наиболее крупных лесопромышленных комплексов Уральского региона¹¹ – Предуралья (его средняя и северная части; 24 % от общего запаса годных к рубке насаждений в регионе, по данным на 1 октября 1927 г.), Северного (район рек Тура, Ляля, Лобва, Каква; 23 %) и Восточного Зауралья (район Тавды; 10 %)¹². Это позволит выявить те закономерности и особенности функционирования системы, которые трудно заметить при исследовании в масштабах региона, страны.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1929 г. по первую половину 1941 г. Он связан с активным развитием лесопромышленного комплекса Уральского региона в рамках индустриализационных преобразований в СССР. После реформы лесного хозяйства, суть которой была изложена в «Положении о советских лесных хозяйствах» (конец 1929 г.), началось активное освоение лесных массивов Среднего и Северного Урала, строительство крупных промышленных предприятий, которые сыграли важную роль в увеличении объемов производства продукции механической обработки и глубокой переработки древесины, в удовлетворении потребностей в этих видах продукции внутри страны, в пополнении государственного бюджета за счет экспорта лесоматериалов.

Верхняя граница хронологических рамок связана с завершением индустриализационных преобразований в лесопромышленном комплексе Уральского региона, функционированием большей части построенных и реконструированных предприятий, формированием устойчивой поселенческой сети, транспортной и социальной инфраструктуры. Начало Великой Отечественной войны обусловило новые трансформации в социально-экономическом развитии отрасли.

Степень изученности темы. Историография истории лесопромышленного комплекса Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г. весьма ограничена. Это вызвано следующими обстоятельствами. Во-первых, Урал является регионом с высокой концентрацией предприятий тяжелой промышленности,

---

¹¹ Раков А. А. «Деревню опустошают»: сталинская коллективизация и «раскулачивание» на Урале в 1930-х гг. М., 2013. С. 104, 172. Существует несколько вариантов деления Урала. С севера на юг Урал принято делить на Полярный, Приполярный, Северный, Средний, Южный. С запада на восток регион условно делится на Приуралье, Горный Урал и Зауралье. Также существует деление Уральского региона на Северное Предуралье, Центральное и Южное Предуралье, Горнозаводской Урал, Северное Зауралье, Центральное и Южное Зауралье.

¹² Тарасевич В. Лесное хозяйство Урала в системе Урало-Кузнецкого комбината... С. 42.

и лесная промышленность выступает в качестве второстепенной отрасли в народном хозяйстве, хотя ее роль в экономике региона высока. В этом отношении более активно исследовалась история горнодобывающей, металлургической, машиностроительной промышленности. Во-вторых, часть лесов Урала была приписана, в соответствии с целевым назначением, министерствам тяжелой промышленности и путей сообщения. Лесопромышленные предприятия, подведомственные металлургическим предприятиям, железной дороге, следует рассматривать в качестве вспомогательных подразделений, выпускавших продукцию для удовлетворения текущих потребностей. Исследователи использовали факты из истории таких предприятий, видя в них основную функцию отрасли – заготовку деловой и дровяной древесины, и фактически не рассматривали либо затрагивали поверхностно деятельность специализированных лесопромышленных производств. В связи с этими обстоятельствами многие вопросы темы диссертационного исследования остались вне поля зрения ученых.

В историографии темы диссертационного исследования можно выделить два основных этапа: 1) 1930-е гг. – конец 1980-х гг.; 2) с конца 1980-х гг. по настоящее время.

На первом этапе исследователи уделяли внимание таким вопросам, как реформирование системы управления лесным комплексом, строительство и реконструкция новых предприятий, освоение передовой техники, социалистическое соревнование, трудовые достижения отдельных работников и предприятий, социалистические обязательства и т. п., что обуславливалось идеологическими причинами и политической конъюнктурой.

Среди обобщающих работ по истории отечественного лесного комплекса, в которых рассматривается, в частности, развитие отрасли в конце 1920-х – начале 1940-х гг., можно выделить следующие труды¹³. Необходимо отметить «Очерки истории советского лесного хозяйства» В. Я. Колданова¹⁴, в которых рассмотрено

---

¹³ См. н-р: Бененсон Г. М. Лесозаготовительная промышленность в народном хозяйстве СССР: Очерки развития лесной промышленности. Вып. 1. М.; Л., 1952; Бумажная промышленность СССР. 1917–1957 гг. / Под ред. К. А. Вейнова. М.; Л., 1958; Тягай Д. Н. Бумага и бумажная промышленность в СССР. М., 1937.

¹⁴ Колданов В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/rusles/koldanovocerk/Koldanov.htm> (дата обращения: 02.12.2013).

поступательное реформирование системы управления отраслью, отмечаются не только положительные, но и отрицательные результаты преобразований.

На региональном уровне в 1930–1950-х гг. издавались работы, в которых рассматривались особенности развития лесного комплекса Урала, прежде всего лесного хозяйства. Они были написаны специалистами отрасли и касались анализа проблем развития лесного комплекса в дореволюционный период и в первые десятилетия советской власти, а также определения перспектив его развития.

Обобщающим трудом по истории лесной промышленности Урала, начиная от XVII в. и заканчивая серединой 1940-х гг., являются «Очерки о развитии лесной промышленности Урала» Б. С. Петрова¹⁵. Автор рассмотрел основные особенности становления отрасли в контексте развития отечественной лесной промышленности, уделил внимание вопросам строительства новых предприятий и экономическим показателям. В книге констатировались и некоторые проблемы развития лесной промышленности Урала, однако из анализа не предпринималось.

И. Дульский, касательно развития лесной промышленности Урала в период индустриализации, рассматривал вопросы освоения новых лесных массивов в соответствии с новыми подходами в лесозексплуатации и потребностями народного хозяйства региона, страны, определения запасов древесины и способов ее транспортировки¹⁶. Автор ввел в научный оборот большой объем статистических сведений о лесном хозяйстве Урала.

В книгу «Леса Урала» под редакцией М. Е. Ткаченко¹⁷ включен очерк истории лесного хозяйства, приведены показатели механизации лесозексплуатации, эффективности функционирования предприятий лесной промышленности. Ученый, анализируя проблемы рационализации лесного хозяйства на Урале в связи с Великой Отечественной войной¹⁸, видел причины сложившегося положения отрасли («размещение деревообрабатывающих производств было недостаточно рацио-

---

¹⁵ Петров Б. С. Указ. соч.

¹⁶ Дульский И. Лесные богатства Урала. Свердловск; М., 1934.

¹⁷ Леса Урала. Свердловск, 1948.

¹⁸ Ткаченко М. Е. Рационализация лесного хозяйства на Урале в связи с обороной страны. Свердловск, 1943.

нальным; ряд предприятий не был обеспечен сырьем»¹⁹) в проблемах, которые возникли в 1930-х гг.

П. Горчаковский, Н. Коновалов и Р. Урванов в книге «Лесные богатства Урала» несколько очерков посвятили развитию лесопромышленного комплекса с конца 1930-х до конца 1940-х гг.²⁰ Авторы описали деятельность основных лесозаготовителей, отдельных предприятий, проследили динамику лесоустройства и механизации лесозаготовок в указанный период.

В книге «Лесная индустрия Прикамья»²¹ помещены очерк об истории лесозаготовки на территории Пермской области до 1951 г., исторические справки о целлюлозно-бумажных предприятиях. Лесная промышленность представлена как поступательно развивающаяся отрасль, приводится динамика показателей 1940–1960-х гг.

В первом, единственном, томе «Уральской советской энциклопедии», изданном в 1933 г., содержатся статьи о бумажной промышленности и Вишерском целлюлозно-бумажном комбинате (далее везде – ЦБК)²². Авторы дали характеристику развития бумажной промышленности в стране и на Урале, отдельным предприятиям отрасли. В статью о Вишерском ЦБК включено подробное описание строительства предприятий, инфраструктуры населенного пункта, где он расположен, и технологического процесса производства бумаги.

В статьях журнала «Хозяйство Урала» за 1926–1933 гг.²³ проанализированы проблемы организации и проведения лесоустройства, лесозаготовок, размещения производств и производственных комплексов, источников комплектования коллективов предприятий на стадии планирования и начала реализации индустриали-

¹⁹ Там же, с. 3.

²⁰ Горчаковский П. Указ. соч.

²¹ Лесная индустрия Прикамья. Пермь, 1968.

²² Бумажная промышленность // Уральская советская энциклопедия. Т. 1. М.; Свердловск, 1933; Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат // Там же.

²³ Гашев А. Указ. соч.; Мухин В. Больше внимания лесной промышленности // Хозяйство Урала. 1928. № 4; Некрасов П. Перспективы развития уральского лесозаготовительного комплекса // Хозяйство Урала. 1928. № 5–6; Переход В. К вопросу о лесозаготовительном макро- и микрорайонировании Уральской области // Хозяйство Урала. 1929. № 2; Соловов, М. К. К пятилетнему плану капитального строительства Урала // Хозяйство Урала. 1926, № 15–16; Степанов П. Вопросы генерального плана хозяйства Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 1; Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие // Хозяйство Урала. 1933. № 4; Он же. Лесное хозяйство Урала в системе Урало-Кузнецкого комбината...; Он же. Перспективы развития лесного хозяйства Урала // Хозяйство Урала. 1926. № 17; Он же. Пятилетний план лесопромышленного хозяйства Урала // Хозяйство Урала. 1929. № 6; Он же. Рабочая сила на лесозаготовках Урала // Хозяйство Урала. 1928. № 7.

зационных преобразований, результаты выполнения первого пятилетнего плана в отрасли и перспективы ее развития во второй пятилетке.

В 1930-х гг. выпускались книги, в которых от имени передовиков производства (их участие в подготовке изданий было косвенным) рассказывалось о строительстве предприятий, организации труда, стахановского движения, трудовых рекордах. Так, в книге Д. И. Воронина, рамщика-стахановца Тавдинского лесного комбината (далее везде – ЛК), рассказано об истории предприятия, его оснащении в период индустриализации и достижениях автором «трудовых рекордов»²⁴. Приведенные технико-экономических показатели позволяют оценить эффективность социалистического соревнования и роль в развитии производства.

В 1960 – конце 1980-х гг. изучением особенностей развития лесной промышленности Урала, наряду со специалистами отрасли, занялись профессиональные историки. В этих работах подводились промежуточные итоги развития отрасли в первые десятилетия советской власти, отмечались достижения в строительстве новых промышленных объектов, увеличении объемов выпуска продукции, социалистическом соревновании, формировании инфраструктуры рабочих поселков при предприятиях.

А. Ф. Кузнецов в кандидатской диссертации и ряде статей рассмотрел развитие лесной промышленности Урала в годы второй пятилетки как результат работы партийных организаций, осветил достижения в отрасли, ввел в научный оборот большой объем данных центральных и региональных архивов. Ученый отмечал, что за 1933–1937 гг. «лесная промышленность Урала достигла такого уровня, когда, в отличие от союзной промышленности, могла считаться индустриальной отраслью, способной идти вровень с развитием народного хозяйства страны»²⁵. Системные проблемы в развитии лесной промышленности автор не исследовал. Тот же ученый в своей статье²⁶ рассмотрел вопросы подготовки кадров для лесной промышленности Урала в годы второй пятилетки.

---

²⁴ См. н-р: Воронин Д. И. Стахановские методы работы тавдинцев. М., 1938.

²⁵ Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности... С. 15.

²⁶ Кузнецов А. Ф. Партийное руководство подготовкой кадров для лесной и лесоперерабатывающей промышленности Урала (1933–1937) // Партийные организации во главе культурного строительства. Свердловск, 1978.

Социалистическую индустриализацию Предуралья изучал В. Тиунов²⁷. В его труде большое внимание уделено развитию лесопромышленного комплекса, одной из ведущих отраслей региона, содержится богатый фактический материал. Автор остановился на темах строительства предприятий, их технического оснащения, технико-экономических показателей, социалистического соревнования и т. п. Научный анализ достижений и проблем развития отрасли отсутствует.

Основные направления развития лесного комплекса Уральского региона, сведения о стройках первых пятилеток отражены в учебных пособиях по истории Урала²⁸, работах по истории экономики региона²⁹. Методологическое содержание учебных пособий устарело, а сведения о социально-экономическом развитии региона, в том числе лесопромышленного комплекса, дублируются из более ранних научных и научно-публицистических трудов.

Данные о развитии отдельных административно-территориальных единиц Уральского региона, в том числе лесопромышленного комплекса, публиковались в статистических сборниках³⁰. В более поздних аналогичных изданиях сведения о периоде 1930-х – начала 1940-х гг. дублируются.

В 1950–1980-х гг. издавались книги, публиковались статьи о лесных ресурсах региона, об истории предприятий лесопромышленного комплекса и населенных пунктов, в которых они функционировали³¹. Авторы отмечали достижения советской власти по возведению предприятий, строительству и благоустройству населенных пунктов, трудовые успехи рабочих. Научного анализа проблем развития предприятий и поселений не предпринималось.

На втором этапе историки, наряду с пересмотром ряда положений советских авторов о развитии лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930-х

---

²⁷ Тиунов В. Индустриальные пятилетки Западного Урала. Пермь, 1977.

²⁸ См. н-р: История Урала. В. 2-х т. Т. 2. Пермь, 1977

²⁹ История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Ч. 1. Свердловск, 1988.

³⁰ См. н-р: Народное хозяйство в Свердловской области в 1939–1941 гг. Свердловск, 1941; Народное хозяйство Молотовской области: Стат. сб. Молотов, 1957; Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска: Стат. сб. Свердловск, 1956.

³¹ См. н-р: 25 лет в строю. Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат. М., 1966; Анимица Е. Г. Города Среднего Урала. Свердловск, 1975; Бабкин Н. Зеленое золото // В нашем краю: статьи и очерки о Свердловской области. Свердловск, 1953; Камскому комбинату – 20 лет. Краснокамск, 1956; Николаев С. Зеленая кладовая. Пермь, 1967; Новоселов А. И. Туринск. Свердловск, 1990; Чашихин В. С. Бумкомбинат в годы предвоенных пятилеток // Знамя Ленина. 1965, 16 июня; 1965, 27 июня; Шувалов Е. Л. Тавда – город леса. Свердловск, 1964.

гг., уделили внимание проблемам, которые до конца 1980-х гг. не находили адекватного отражения в советской литературе (например, роль «спецконтингента» в развитии отрасли, отношение к труду, его эффективность), анализировали проблемы развития отрасли.

Обобщающим научно-публицистическим трудом, в котором анализируется развитие лесного комплекса страны с момента его зарождения до современного состояния, является монография И. Р. Шегельмана «Лесные трансформации (XV–XXI вв.)»³². Автор выделил основные периоды в истории комплекса, остановился на ключевых проблемах структурных компонентов отрасли, раскрыл их на примере лесного комплекса Республики Карелии.

На современном этапе возрос интерес к проблемам управления лесным комплексом страны. А. И. Писаренко и В. В. Страхов исследовали особенности развития лесного хозяйства, взаимоотношения государства и предприятий лесного комплекса³³. Особенности развития лесного комплекса Уральского региона в 1920-х – начале 1940-х гг. рассмотрены в общих чертах в контексте функционирования Северо-Уральского лесного комплекса.

О. И. Кулагин и И. Р. Шегельман исследовали особенности управления лесопользованием в стране в начале 1930-х гг.³⁴ Они указывали, что государство рассматривало лесные ресурсы как «источник деловой и энергетической древесины для внутренней экономики страны и поставок за рубеж, при этом использовало жестокую, а порой и жесточайшую систему директивного управления и репрессии»³⁵. Однако авторы опустили рассмотрение реформ лесного хозяйства, развития системы управления лесной промышленностью, смены подходов к лесозексплуатации.

---

³² Шегельман И. Р. Указ. соч.

³³ Лесное хозяйство России: от пользования – к управлению. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/les/noy/eho/zya/yst/vo/index.htm>.

³⁴ Кулагин О. И. Трансформация системы управления лесопользованием в СССР в начале 1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14). В 4-х ч. Ч. III. Тамбов, 2011.

³⁵ Там же, с. 208.

В статьях Н. Е. Антоновой, А. А. Онучина, А. И. Писаренко, В. В. Страхова, Е. А. Шварца³⁶ дается критическая оценка развития лесного комплекса страны в XX в., выявляются причины кризиса в отрасли, предлагается ряд решений для выведения лесного комплекса из застойного состояния на современном этапе.

В книге «История целлюлозно-бумажной промышленности России» рассмотрено развитие отрасли в 1917–1941 гг., в частности в Уральском регионе. Приводятся сведения из истории отдельных предприятий – Соликамского, Камского, Вишерского ЦБК, Краснокамской бумажной фабрики (далее везде – БФ) «Гознак»³⁷.

Наиболее подробно основные моменты истории лесопромышленного комплекса Свердловской, Челябинской областей изложены в изданиях краеведческого характера³⁸. Авторы, сотрудничавшие с краеведами и предприятиями, собрали, систематизировали и обобщили сведения об организационном и экономическом развитии предприятий. В изданиях прослежено развитие лесного комплекса страны, регионов, касательно периода конца 1920-х – первой половины 1941 г. приведены статические данные об объемах выпуска пилопродукции, сведения о технико-технологической модернизации, рационализации производственных процессов. Однако авторами не затрагиваются вопросы использования принудительного труда, «социальной истории» предприятий.

Предметом исследований ученых становились различные аспекты истории лесной промышленности Урала. С. А. Шевырин в изучении развития лесной отрасли Пермской области в 1930-х – начале 1950-х гг. сделал акцент на использовании принудительного труда. Он говорил о «долговременной аномалии экономического развития лесной промышленности, основным признаком которой являлся экстенсивный характер развития отрасли при явном тяготении к использованию ручного труда. Новые технологии и техника стали активно внедряться в лесное про-

³⁶ Антонова Н. Е. Указ. соч.; Онучин А. А. Указ. соч.; Писаренко А. И. Указ. соч.; Страхов В. В. О реформе лесостроительства в России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2010. № 3; Шварц Е. А. Лесное хозяйство, экономическое развитие и биоразнообразие: отказаться от мифов прошлого // Устойчивое лесопользование. 2003. № 2.

³⁷ История целлюлозно-бумажной промышленности России. Архангельск, 2009.

³⁸ Глузман В. Л. Лесозаготовительные предприятия Среднего Урала. Екатеринбург, 2001; История лесного хозяйства и лесоводы Челябинской области. В 2 т. Т. 1. Челябинск, 2006; История развития лесной промышленности Среднего Урала. Екатеринбург, 1997.

изводство только в конце 1940-х – начале 1950-х гг.»³⁹ Следует отметить, что низкий уровень механизации лесозэксплуатационных работ был присущ отрасли в целом, независимо от того, кто, «вольнорабочие», временные рабочие, спецпереселенцы или заключенные, трудился на предприятиях.

А. Ф. Кузнецов отмечал, что «время массовых репрессий сопровождалось явным спадом в развитии лесной отрасли Урала»⁴⁰, репрессиям подверглись в значительной степени рабочие. Тем не менее, политические репрессии являлись одним из факторов спада в лесной промышленности. Снижение объемов заготовки и вывозки леса, производства продукции механической обработки и глубокой переработки древесины, по отношению к предыдущему году, имело место в 1933, 1936, 1938, 1940 гг.

Разрабатывались специальные курсы по истории лесного комплекса Урала для подготовки специалистов в данной отрасли. А. Ф. Кузнецов в спецкурсе⁴¹, изданном в 1996 г., в период кризиса лесного комплекса страны и Урала, в частности, поднял ряд актуальных проблем: об ответственности правящего режима за нерациональную лесозэксплуатацию с начала 1930-х гг. и о цене, заплаченной населением за создание на Урале мощного лесопромышленного комплекса в период индустриализации.

Сведения о развитии лесопромышленного комплекса в 1930-х гг. приводятся в учебных пособиях по истории Урала⁴². Об истории предприятий и населенных пунктов, связанных с отраслью, изданы книги, опубликованы статьи⁴³. В этих изданиях, основанных на материалах местных архивов, музеев, газетных публикациях и воспоминаниях очевидцев, прослеживается развитие предприятий и поселений. В них приводятся основные факты истории, в некоторых случаях противопо-

---

³⁹ Шевырин С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье в 1930–1950-е гг. URL: <http://www.politarchive.perm.ru/publikatsii/stati/razvitie-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html>.

⁴⁰ Цит по: Сосновских С. В. Политические репрессии середины 1930-х гг. на Урале в творчестве современных историков // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. С. 324.

⁴¹ Кузнецов А. Ф. Химико-лесной комплекс Урала: история и современность (XV–XX вв.): Мат. к спецкурсу. Екатеринбург, 1996.

⁴² См. н-р: История Урала: XX век. Екатеринбург, 1998; Прикамье. Век XX. Пермь, 1999.

⁴³ См. н-р: Вихнин И. С. Люди, которые построили Пермь. Пермь, 2005; Голдин В. Н. На Тавдинских пристанях: культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2007; Гордин А. А. Лобва. 100 лет. Серов, 2005; Дерябин К. История Верхотурского лесозавода // Новая жизнь. 1990. 4 ноября; Лесоперерабатывающий комбинат «Урал-Лобва». 1910–2010. Серов, 2010; Новая Ляля: к 75-летию города. Екатеринбург, 2013.

речащие архивным источникам. Эмпирический и теоретический анализ не принимался, что снижает информационный потенциал изданий.

При исследовании социально-экономической истории страны, Уральского региона в первой половине XX в., ученые обращались к примерам из истории лесопромышленного комплекса⁴⁴. Используемые ими исторические источники – архивные фонды (к примеру, органов власти, партийных организаций, органов внутренних дел), периодическая печать, документы личного происхождения, интервью – позволяют расширить представление об особенностях функционирования лесопромышленного комплекса.

Так, в монографии «Урал в панораме XX века»⁴⁵ проанализированы, в частности, трансформации в экономике региона в период индустриализации, роль принудительного труда в развитии промышленности. Авторы указывали, что «основная функция лесного хозяйства Урала сводилась к обеспечению сырьем и топливом промышленных производств»⁴⁶. Следует отметить, что деятельность большинства небольших лесозаводов носила вспомогательный характер по отношению к основным производствам, предприятиям тяжелой промышленности. Она не оказала того влияния на развитие лесной промышленности, какое оказали построенные и реконструированные крупные предприятия, подведомственные Народному комиссариату лесной промышленности (далее везде – Наркомлес) СССР.

А. А. Антуфьев проанализировал особенности развития промышленности в Уральском регионе, в частности лесопромышленного комплекса, в 1938–1945 гг.⁴⁷ Исследователь ввел в научный оборот большой массив статистических сведений, касающихся, в том числе, экономической деятельности, социокультурного облика рабочих, и провел научный анализ основных тенденций развития отрасли. А. А.

---

⁴⁴ Мазур Л. Н. Сельское расселения на Среднем Урале в XX в.: направления и варианты трансформации поселенческой сети: Дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2006; Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1999; Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России (1900–1941 гг.). М., 2009; Он же. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.). Екатеринбург, 2006; Терехов В. С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург, 2003; Фельдман В. В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926). Свердловск, 1989.

⁴⁵ Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000.

⁴⁶ Там же, с. 214.

⁴⁷ Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

Антуфьев рассматривал Урал как экономический район с современным административно-территориальным делением, что затрудняет проведение сравнительного анализа показателей деятельности лесопромышленного комплекса в 1929–1936 гг. и 1937–1940 гг.

Анализируя проблемы формирования Уральского промышленного комплекса в конце 1920-х–1930-х гг., А. Э. Бедель отмечал, что в регионе, в частности, «лесохимия находилась только в стадии становления», «рост лесозаготовок не удовлетворял возросшие потребности Урала в лесоматериалах», а «большинство лесопильных предприятий были цехами крупных заводов тяжелой промышленности или построены вблизи них». Тем не менее, согласно выводу ученого, в 1930-х гг. «лесная промышленность стала индустриальной отраслью»⁴⁸. Продолжая исследование данной темы, А. В. Бакунин и А. Э. Бедель рассмотрели также развитие лесной промышленности Урала в конце 1920-х – начале 1940-х гг. в контексте формирования единого многоотраслевого комплекса⁴⁹. К комплексообразующим отраслям ученые отнесли, наряду с черной металлургией, металлообработкой, машиностроением, лесную отрасль⁵⁰.

Важный аспект истории лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930-х гг. – роль «спецконтингента»⁵¹ в развитии отрасли. Исследование репрессивной политики Советского государства, начавшееся со второй половины 1980-х гг., коснулось всех основных форм репрессий: тюрем, лагерей, спецпоселений, депортации и ссылки.

В монографиях Н. А. Ивницкого, В. М. Кириллова, Т. И. Славко, А. Б. Сулова, И. А. Фомичева⁵²; диссертациях И. В. Бердинских, Л. В. Захаровского, В. Н. Зем-

⁴⁸ Бедель А. Э. Формирование Уральского промышленного комплекса в реконструктивный период: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 17.

⁴⁹ Бакунин А. В. Уральский промышленный комплекс...

⁵⁰ Там же, с. 144.

⁵¹ Кармазин А. С. Историография социальной политики советского государства в отношении рабочего класса Урала в 1921–1941 гг. (на материалах Уральского региона) : Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2006. С. 19. Уральские исследователи А. В. Бакунин, Р. С. Бикметов, Р. Т. Москвина, А. Б. Сулов определили понятие «спецконтингент» как совокупность различных категорий репрессированного населения, насильственно вовлеченного в производственные процессы и содержавшегося на режимных условиях.

⁵² Ивницкий Н. А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004; Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. Ч. 1. Нижний Тагил, 1996; Славко Т. И. «Кулацкая» ссылка на Урале (1930–1936). М., 1995; Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М., 2010; Фомичев И. А. Политические репрессии в Надеждинске. 1918–1952 гг. В 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2012.

скова, А. Б. Сулова, С. А. Шевырина⁵³; статьях Е. И. Елисеевой, В. Н. Земскова, Н. М. Игнатовой, В. М. Кириллова, Л. Н. Мазур, А. Б. Сулова⁵⁴ и др. анализируются экономика, инфраструктура, «социальная история» структурных компонентов Объединенного главного политического управления (далее везде – ОГПУ), Народного комиссариата внутренних дел (далее везде – НКВД) в 1930-х – начале 1950-х гг.: спецпоселений, исправительно-трудовых лагерей, в частности специализировавшихся на заготовке, механической обработке и глубокой переработке древесины, как в масштабах страны, так и на примере Уральского региона. Ученые провели анализ эффективности функционирования изучаемых объектов, труда «спецконтингента». Передача НКВД во второй половине 1930-х гг. ряда уральских лесозаготовительных трестов, предприятий, в том числе строившихся, была обусловлена неудовлетворительной работой Наркомлеса СССР и его главных управлений, однако добиться реального повышения эффективности труда трудпоселенцев и заключенных не удалось. В вышеуказанных исследованиях проблемы трудового использования, условий жизни «спецконтингента» в лесопромышленном комплексе Уральского региона рассмотрены фрагментарно, в контексте изучаемых тем.

Относительно зарубежной историографии истории лесной промышленности Урала в конце 1920-х – начале 1940-х гг. следует отметить, что ученые использовали факты из истории отрасли при написании работ, посвященных экономическим и общественно-политическим процессам в Советском Союзе. В частности,

⁵³ Бердинских И. В. Особенности формирования инфраструктуры спецпоселений СССР в 1931 – 1940-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2007; Захаровский Л. В. Политика «ликвидации кулачества как класса» и ее проведение в Уральской области. 1929–1933 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960 гг.: Дис. ... докт. ист. наук. М., 2005; Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2004; Шевырин С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края: конец 1920-х - середина 1950-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2008.

⁵⁴ Елисеева Е. И. Кулацкая ссылка в Надеждинском (Серовском) районе Свердловской области // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2006; Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) // Отечественная история. 1994. № 1; Игнатова Н. М. Использование труда спецпереселенцев – «бывших кулаков» в лесной промышленности и других отраслях в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар, 2001; Она же. Осуществление политики спецпереселения и изменения численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар, 2001; Кириллов В. М. Страницы истории среднеуральских «островов» ГУЛАГа (1936–1953) // Страницы истории Урала: Сб. ст. и инф. мат. Вып. 3. Пермь, 1998; Мазур Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2002; Сулов А. Б. Принудительный труд на Урале (кон. 1920-х – нач. 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: экономика принудительного труда. М., 2008.

британский историк Р. Дэвис провел анализ темпов роста промышленного производства, в том числе в лесной отрасли, накануне «Большого террора»⁵⁵. Он сделал вывод, что в 1936 г. «экономическое развитие было очень динамичным»⁵⁶. Канадский ученый Л. Виола изучала историю спецпереселения (крестьянской ссылки) в 1930-х – середине 1950-х гг. в стране, более подробно на Европейском Севере, и в частности, на Урале⁵⁷. В этих регионах значительная часть спецпереселенцев была занята в лесной промышленности. Л. Виола проанализировала причины, планирование, реализацию и окончание политики спецпереселения, «социальную историю» этого явления.

Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод, что история лесопромышленного комплекса Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г., несмотря на его важную роль в экономике СССР, не становилась самостоятельным объектом изучения. Это дает возможность всесторонне подойти к исследованию истории лесопромышленного комплекса региона, уделив особое внимание социальному аспекту.

Исходя из степени изученности избранной темы исследования, в качестве главной проблемы нами определено системное изучение развития лесопромышленного комплекса Уральского региона в контексте процессов ускоренной модернизации конца 1920 – 1930-х гг.

Цель работы – проанализировать основные тенденции развития и особенности функционирования лесопромышленного комплекса Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г.

Задачи работы:

- применить системный подход для определения места лесопромышленного комплекса Уральского региона в региональной экономике, отечественном лесном комплексе, режимов его функционирования;
- проанализировать особенности становления и трансформации отрасли с начала XX в. по первую половину 1941 г.;

---

⁵⁵ Дэвис Р. Советская экономика и начало «Большого террора» // Экономическая история: Ежегодник. 2006. М.: РОССПЭН, 2006. С. 439–474.

⁵⁶ Там же, с. 458.

⁵⁷ См. н-р: Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М., 2010.

- рассмотреть технико-технологическое развитие отрасли в конце 1929 г. – первой половине 1941 г.;
- проанализировать реализацию, особенности и результаты политики партийных и государственных органов СССР по индустриализации лесопромышленного комплекса Уральского региона;
- изучить численность, социальный состав и квалификацию, составить «социальный портрет» работников отрасли;
- проанализировать особенности оплаты труда, строительства и формирования инфраструктуры рабочих поселков, продовольственного обеспечения;
- провести анализ эффективности труда работников, социально-экономической эффективности лесопромышленного комплекса Уральского региона.

Источниковедческая основа. Комплекс источников по теме диссертационного исследования включает законодательные источники, программные и директивные документы Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (далее везде – ВКП (б)), материалы планирования развития народного хозяйства, делопроизводственные материалы, массовые, статистические источники, периодическую печать, источники личного происхождения, устные источники, фотодокументы, публицистику, произведения литературы и искусства.

Для исследования общих тенденций развития лесопромышленного комплекса страны, Уральского региона использовались опубликованные документы сборников⁵⁸. Работа с документами регионального уровня о планировании и реализации курса форсированной индустриализации во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. проводилась по следующим направлениям: анализ целей и задач индустриализации, сравнение планов индустриализации с конкретными историческими фактами и явлениями, планируемых показателей с фактическими. Это позволило выявить основные тенденции развития лесопромышленного комплекса Уральского региона в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

---

⁵⁸ Индустриализация СССР. 1926–1928 гг.: Док. и мат. М., 1969; История индустриализации Урала: док. и мат. 1933–1937. Свердловск, 1983; История индустриализации Урала (1926–1932 гг.). Свердловск, 1967; Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг.: Сб. док. и мат. Петрозаводск, 2005.

Для исследования роли спецпереселенцев и заключенных в развитии лесопромышленного комплекса Уральского региона привлекались опубликованные документы из сборников⁵⁹. Использовались также опубликованные документы сборников «Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион», «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», «Продовольственная безопасность Урала в XX в.», «Общество и власть. Российская провинция. 1917–1940. Пермский край»⁶⁰.

Из неопубликованных источников (девять фондов пяти архивов) наибольший интерес представляют материалы фонда 7637 (Министерство лесной промышленности СССР) Российского государственного архива экономики (далее везде – РГАЭ), относящиеся к периоду 1932–1940 гг. В комплексе документов фонда имеются протоколы, постановления коллегии Наркомлеса СССР, приказы, распоряжения народного комиссариата, доклады, материалы, справки о выполнении плана, докладные записки, стенограммы, характеризующие состояние лесопромышленного комплекса страны и, в частности, Уральского региона, проблемы отрасли, попытки и результаты их решения⁶¹.

В фондах р-1517 (трест «Ураллес»), р-1518 (объединение «Ураллеспром») Государственного архива Свердловской области (далее везде – ГАСО) хранятся постановления, протоколы, циркуляры, приказы хозяйственных организаций и вышестоящих инстанций, материалы к годовым отчетам, штатные расписания за 1930–1932 гг.⁶² Состояние большинства дел фондов ветхое, доступ возможен к ограниченному количеству источников, лучшей сохранности.

В фонде р-1086 (Камский ЦБК) Государственного архива Пермского края (далее везде – ГАПК) хранятся распоряжения начальника строительства и директора предприятия с 1933 по 1937 гг.⁶³, приказы народных комиссаров лесной, целлю-

⁵⁹ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. В 2 кн. Кн. 2. М., 2006; Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: Сб. док. и мат. Пермь, 2004; Советская лесная экономика...

⁶⁰ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сб. мат. Екатеринбург, 2002; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 2 ч. Ч. 2 : 1925–1953. М., 1953; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1940. Пермский край. Док. и мат. Пермь, 2008; Продовольственная безопасность Урала в XX в. Док. и мат. В 2 т. Т. 2. Екатеринбург, 2000.

⁶¹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2, 5, 29, 36, 84, 86, 130, 136, 137,

⁶² ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 7, 8; Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 3, 30, 62.

⁶³ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6.

лозной и бумажной промышленности СССР за 1939–1940 гг., присланные в адрес руководства комбината⁶⁴, а также материалы о деятельности подведомственного Камскому ЦБК совхоза «Бумажник» за 1939–1940 гг.⁶⁵ Документы позволяют выявить проблемы и достижения функционирования предприятия, условия труда и быта работников, особенности взаимоотношений комбината, а также других предприятий с народными комиссариатами по организационно-экономическим вопросам.

В фонде р-1074 (трест «Уралзападолес») содержатся приказы по личному составу за 1932–1933 гг.⁶⁶ Дела богаты материалами об окладах работников, которые будут использованы при составлении сравнительной таблицы окладов работников предприятий и трестов лесопромышленного комплекса Уральского региона.

В фонде р-1541 (Краснокамская БФ) хранятся приказы руководства предприятия⁶⁷, приказы управления «Гознак», вышестоящей организации, за 1939–1940 гг.⁶⁸ Материалы фонда позволяют исследовать производственные и социальные проблемы предприятия в первые годы его функционирования.

Материалы архивов муниципальных образований богаты конкретными сведениями из истории предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона, часто связаны с описанием экстремальных ситуаций, требующих вмешательства вышестоящих инстанций. Именно они позволяют получить наиболее полный материал для анализа форм и методов реализации планов и указаний партии и правительства Советского государства, а также оценить конкретные результаты внутривнутриполитических действий.

В фонде р-325 (Сосьвинский деревообрабатывающий комбинат (далее везде – ДОК) архивного отдела администрации Серовского городского округа (далее везде – АОАСГО) сохранились приказы начальника строительства и директора комбината по основной деятельности и личному составу, штатные расписания и сме-

---

⁶⁴ Там же, д. 8, 9, 10.

⁶⁵ Там же, оп. 4. Д. 3, 5.

⁶⁶ Там же, ф. р-1074. Оп. 6. Д. 3, 4, 6.

⁶⁷ Там же, ф. р-1541. Оп. 1. Д. 3, 4, 8, 9, 10.

⁶⁸ Там же, д. 1, 7.

ты административно-управленческих расходов за 1932–1940 гг.⁶⁹ В делах содержатся сведения об окладах, трудоустройстве и увольнении работников, а также проблемах функционирования предприятия и рабочего поселка. Годовые бухгалтерские отчеты предприятия по основной деятельности и капитальным вложениям за 1936–1940 гг. и пояснительные записки к ним позволяют провести анализ функционирования Сосьвинского ДОКа на этапе строительства и начала работы⁷⁰.

Особый интерес представляют материалы фонда р-482 (Черноярский лесопильный завод (далее везде – ЛЗ), в которых содержатся личные карточки уволенных работников за 1939–1940 гг., лицевые счета по начислению заработной платы работникам за 1940 г.⁷¹

В фонде 56 (Верхотурский ЛЗ) архивного отдела администрации городского округа Верхотурский (далее везде – АОАГОВ) содержатся протоколы производственных совещаний, годовые промфинпланы, отчеты о хозяйственной деятельности, капитальном строительстве предприятия и объяснительные записки к ним, приказы директора по личному составу (за 1938 г.), личные карточки уволенных работников, начиная с 1960 г.⁷² Материалы фонда содержат сведения, касающиеся других предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона. Имеющиеся данные позволяют провести анализ эффективности функционирования Верхотурского ЛЗ в 1930-х гг., в том числе в сравнении с показателями работы предприятия в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Методы работы с делопроизводственной документацией связаны с классификацией документов по направлениям деятельности предприятий (план и фактический объем производства продукции, производительность труда, доходы и расходы, кадровый состав и изменения в нем, соцсоревнование, оплата труда), представлением информации в сложных таблицах, сравнением показателей работы предприятий со сведениями трестов. Благодаря этому, можно оценить динамику производственных показателей, эффективность работы предприятий по улучше-

---

⁶⁹ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 9, 11, 12, 15.

⁷⁰ Там же, д. 6, 8, 10, 13, 14, 16.

⁷¹ Там же, ф. р-482. Оп. 2-л. Д. 1, 2; Оп. 3-л. Д. 2, 3.

⁷² АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 6, 18, 88; оп. 1-л. Д. 1, 2.

нию труда и жилищно-бытовых условий рабочих, выявлению проблем и их решений.

На местном уровне доступ к архивным материалам, в которых содержатся сведения о функционировании исправительно-трудовых лагерей на Урале в конце 1930-х – начале 1940-х гг., специализировавшихся в лесопромышленной деятельности, ограничен.

Изучались материалы газет, выпускавшихся предприятиями лесной промышленности Уральского региона, и центрального издания «Лесная промышленность».

Для углубленного исследования «социальной истории» предприятий отрасли привлечены источники личного происхождения⁷³ и устные источники⁷⁴, в которых содержатся сведения о ряде предприятий (Верхотурский ЛЗ, Лобвинский ЛК, Новолялинский, Камский и Красновишерский ЦБК, леспромхозы). Автобиографические повести основаны на воспоминаниях бывших работников отрасли, спецпереселенцев, заключенных Главного управления лагерей (далее везде – ГУЛАГ) и позволяют реконструировать повседневную жизнь, жилищно-бытовые условия. Они являются художественными произведениями с эмоционально окрашенной подачей материалов, поэтому сведения перепроверяются данными архивных документов.

Использовались фотодокументы Новолялинского краеведческого музея для изучения особенностей организации производства на Лобвинском ЛК, строительства и застройки спецпоселка при этом предприятии.

Методология. Сложность изучаемого объекта требует разработки соответствующей методологии. Одной из наиболее функциональных концепций, используемых историками для анализа сложных процессов, является системный подход, реализация которого включает следующие этапы: 1) определение компонентов системы – подсистем и элементов; 2) анализ структуры и функций системы; 3)

---

⁷³ Бушманов В. К. Пробуждение тайги. Искры памятных лет. Пермь, 1973; Долгополов А. И. Амональное: быть. СПб., 2001; Саушкин, М. И. Муки невинно обреченных: Автобиограф. повесть. Чапаевск, 1997; Твардовский И. Т. Родина и чужбина: Книга жизни. Смоленск, 1996; Шаламов В. Т. Вишера: Антироман. М., 1989.

⁷⁴ Интервью Н. И. Буркица (Скрипник). 13 января 2008 г. // Архив автора; Интервью Т. А. Вишняковой. 6 февраля 2007 г. // Архив автора; Интервью Н. И. Пасада. 1 апреля 2011 г. // Архив автора.

иерархия систем – анализ среды системы, раскрывающейся в координации и субординации структур и функций систем, окружающих объект исследования; 4) выявление общих закономерностей развития объекта и создание модели⁷⁵.

Не менее важным является обоснование и выбор концепции, благодаря которой появляется возможность рассмотреть изучаемое явление в рамках более широкой системы и обеспечить включенность полученного знания в более масштабную картину развития региона, государства. Такой концепцией стала теория модернизации. Она предоставляет исследователю ориентиры для оценки динамики явлений в переломные (переходные) этапы истории, которые связаны со стадиальной перестройкой общества. В трактовке В. В. Алексеева модернизация представляет собой «всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становления современных мотивационных механизмов и тому подобное»⁷⁶.

В контексте теории модернизации используется концепция «новой социальной истории», ставящая на современном этапе развития целью реконструкцию исторического общества как целостной динамической системы, которая, сложившись в результате деятельности многих предшествовавших поколений, задает условия реальной жизни, модели поведения действующим лицам и изменяется в процессе их индивидуальных и коллективных практик. Это предполагает «исследование всех сфер жизни людей прошлого в их структурном единстве и в фокусе пересечения социальных связей и культурно-исторических традиций». Кроме того, происходит «обращение, как к макроистории, которая выявляет влияние общества на поведение действующих лиц и групп, так и к микроистории, которая позволяет исследовать способ включения индивидуальной деятельности в коллективную»⁷⁷.

⁷⁵ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 172–177.

⁷⁶ Алексеев В. В. Введение // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000. С. 3–9.

⁷⁷ Репина Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 314–315; Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 37.

Возможность работы с ранее недоступными историческими источниками, использование современного методологического инструментария позволяет всесторонне исследовать социальную историю спецпереселенчества – «формы принудительной депортации с применением к выселяемым ряда правовых ограничений»⁷⁸, по-новому взглянуть на многие обстоятельства развития этого исторического феномена, оценить баланс понесенных при этом потерь и достижений.

В диссертационном исследовании особое внимание уделено проблемам решения кадровых вопросов предприятиями лесопромышленного комплекса Уральского региона, эффективности труда рабочих, улучшения жилищно-бытовых условий, формирования стратегии выживания и повседневной жизни спецпереселенцев, составлявших основу производственных коллективов предприятий, их взаимоотношений внутри социальной группы, с представителями других групп, властью.

Историческая направленность исследования предопределяет приоритет принципа историзма, который ориентирует на изучение конкретно-исторических условий технико-технологических-экономических и социальных трансформаций лесопромышленного комплекса Уральского региона с учетом комплексного влияния объективных и субъективных факторов. Принцип объективности требует всестороннего анализа исторических фактов, явлений, процессов; правильного определения предмета исследования, его места среди других вопросов; реконструкции объекта как целого явления, включающего его прошлое и настоящее.

Определим перечень методов, позволяющих реализовать промежуточные задачи исследования, связанные с работой с источниками, характеристикой параметров и свойств системного объекта, построением репрезентативной модели исторического процесса по отношению к изучаемому объекту.

Познанию прошлого через личность и судьбу отдельного человека способствует метод устной истории. В ряде случаев применение этого метода позволит внести существенные коррективы в информацию, содержащуюся в официальных документах.

---

⁷⁸ Бердинских И. В. Указ. соч. С. 29.

Для представления особенностей лесопользования в Уральском регионе, структуры предприятий лесопромышленного комплекса и характера застройки спецпоселков создавались схемы, карты.

Аналитико-синтетические процедуры, сопровождающие весь ход работы, отражают многоуровневый анализ и учет взаимопроникновения и взаимовлияния составных частей лесопромышленного комплекса Уральского региона. С помощью методов абстрагирования и идеализации создается идеальный познавательный образ, с ними тесно связано построение исследовательской модели. Диахронный и синхронный методы позволяют дать характеристику последовательности исторических явлений в изучаемый период и состоянии этих явлений в определенный момент времени. Процедура обобщения применяется на эмпирической и теоретической стадиях исследования для воссоздания научного факта на основе объединения фрагментов, содержащихся в разных источниках в виде единичных данных (эмпирического категориального синтеза), и концепции исторического процесса (теоретического категориального синтеза).

Историко-сравнительный метод используется на всех стадиях работы. Он находит применение при сравнении публикаций источников и архивных фондов, содержания источников личного происхождения и архивных материалов. На основе выделения в явлениях различного порядка признаков, их сравнения, сопоставления, выяснения исторической последовательности генетических связей строится репрезентативная модель исторического процесса по отношению к изучаемому объекту.

Историко-генетический метод позволяет последовательно раскрыть свойства и функции лесопромышленного комплекса в процессе его исторического движения. Историко-ретроспективный метод используется при определении причин трансформаций и проблем в развитии лесопромышленного комплекса. Реконструктивный метод находит применение при анализе экономической, социальной истории лесопромышленного комплекса, проведении инструментальных исследований.

Метод социального анализа (историко-социологический метод) используется для понимания сущности и роли социальных групп и их места в структуре системы в контексте их трудовой и общественной нагрузки.

Наиболее адекватными методами системного исследования являются системно-структурный и структурно-функциональный анализ, призванные раскрыть строение, структуры, функции и развитие системы. Итогом их применения становится моделирование изучаемого объекта.

Классификация применяется на стадиях работы с источниками, формирования идеальных типов, из которых складывается модель исторического развития.

Биографический метод является эффективным инструментом изучения повседневной жизни личности в микроисторическом аспекте и определения способов социально-политического и психологического выживания в условиях трансформации советского общества. Он позволяет дать ответы на основные вопросы «новой биографической истории» – «чем обуславливался, ограничивался, направлялся выбор решений, каковы были внутренние мотивы и обоснования, как соотносились массовые стереотипы и реальные действия индивида, как воспринималось расхождение между ними, насколько были сильны и устойчивы внешние факторы и внутренние импульсы»⁷⁹.

Для анализа эффективности труда на предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона применен факторный анализ. Этот метод направлен на «выявление главных факторов, определяющих основные результаты финансово-хозяйственной деятельности анализируемого предприятия»⁸⁰. М. ван дер Линден привел следующие факторы, влияющие на производительность труда на предприятии: стоимость нанятой рабочей силы; размер произведенной продукции; энергооборуженность и оснащенность машинами; разделение и организация труда; уровень образования и повышение квалификации рабочих; питание, условия проживания и труда рабочих; уровень трудовой дисциплины, заинтересованность в

---

⁷⁹ Репина Л. П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 5. М., 2001. С. 10.

⁸⁰ Бердникова Т. Б. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: Уч. пос. М., 2007. С. 18.

результатах труда⁸¹. «Эти факторы теоретически должны влиять друг на друга, то есть модернизация производственных процессов должна увеличивать количество произведенного продукта за определенное время, уменьшать трудозатраты и себестоимость продукции, увеличивать производительность труда одного рабочего. Одновременно должно наблюдаться уменьшение чернорабочего труда и рост высококвалифицированного»⁸². Анализ эффективности труда на предприятиях позволит подтвердить либо опровергнуть данные положения.

В совокупности применение вышеописанных методов дает возможность достаточно полно определить место и оценить роль лесопромышленного комплекса Уральского региона в советской экономике в конце 1929 г. – первой половине 1941 г., а также выявить специфику его развития, те закономерности и особенности функционирования, которые не столь заметны в масштабах региона, страны.

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

1. Автором введено в научный оборот значительное количество архивного материала, раскрывающего региональные характеристики функционирования лесопромышленного комплекса.
2. Впервые предпринята попытка провести комплексное исследование по истории лесопромышленного комплекса Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г.
3. Применительно к проблематике диссертации были применены современные методологические концепции и теории для анализа причин, закономерностей и специфики формирования и функционирования отрасли в регионе в переломный для страны исторический период.
4. Впервые на примерах отдельных предприятий исследованы проблемы социально-экономического развития лесопромышленного комплекса Уральского региона, комплектования производственных коллективов предприятий. Составлен «социальный портрет» работников отрасли. Исследованы проблемы эффективности труда рабочих, условий их жизни.

---

⁸¹ М. ван дер Линден Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Социальная история. Ежегодник. М., 2000. С. 207–208.

⁸² Шевырин С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях... С. 11–12.

5. Впервые предпринята попытка определить реальные денежные доходы работников лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930-х гг. и сопоставить оплату труда в лесной промышленности с другими отраслями экономики страны.

6. В процессе исследования были собраны и частично отражены в диссертации материалы устной истории – свидетельства очевидцев советской эпохи.

7. Впервые проведены два инструментальных исследования по анализу состояния застройки и определению размеров индивидуальных хозяйств в бывших спецпоселках. Это позволило глубже рассмотреть проблемы развития производств, поселков, отрасли, исследовав ранее не изучавшиеся вопросы экономической и социальной истории на локальном уровне.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее результатов в научной работе (подготовка обобщающих трудов по истории отечественного лесного комплекса, истории репрессивной политики Советского государства, истории Урала), в учебно-методической работе (использование материалов диссертации в преподавании курсов по истории Урала, разработка специальных и элективных курсов), просветительской деятельности (использование материалов при разработке музейных экспозиций по локальной и субрегиональной истории XX в.). Обращение к истории лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930-х гг. необходимо и для решения ряда вопросов современной жизни субрегиона, региона, поскольку именно в период индустриализации были заложены основные механизмы функционирования и модернизации производств, формирования и развития поселенческой сети, особенности проживания и труда людей.

Положения, выносимые на защиту. 1. В 1920–1930-х гг. в лесном комплексе страны происходила системная перестройка, связанная с перераспределением функций в сфере лесозаготовки, внедрением командно-административных методов управления, индустриализацией. Уральский регион стал важной сырьевой базой для заготовки лесных ресурсов и промышленной площадкой для строительства предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины.

В 1930-х гг. лесопромышленный комплекс Уральского региона занял прочные позиции в лесопромышленном комплексе страны.

2. Освоение лесных ресурсов Уральского региона происходило на основе использования с одной стороны новой техники и технологий, с другой – принудительного труда спецпереселенцев и заключенных. Эффективность функционирования лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930-х гг. оставалась невысокой по причинам недостаточных вложений в механизацию лесоэксплуатационных работ, неразвитой производственной, жилищно-бытовой, транспортной инфраструктуры, большого объема работ, не требовавших квалификации, отношения к труду работников, не заинтересованных в повышении эффективности труда в существовавших условиях.

3. Эффективность работы комплекса была связана с уровнем занятости работников, их квалификации, мотивации к труду. На локальном уровне проявились особенности, которые стали отражением государственных акций и мероприятий предприятий, хозяйственных организации по повышению эффективности труда работников. И те, и другие мероприятия без комплексной государственной промышленной политики не принесли ожидаемых результатов. В последующие годы предприятия сталкивались с проблемой кадрового «голода», приоритетом развития жилищно-бытовой инфраструктуры перед технико-технологической модернизацией.

4. Производственная деятельность главков Наркомлеса СССР, хозяйственных организаций, предприятий в конце 1920-х – начале 1940-х гг. характеризовалась нерациональным расходом бюджетных средств, изменением проектов и наименований оборудования, затягиванием сроков строительства, высоким уровнем текучести рабочей силы. Увеличение объемов производства лесоматериалов достигалось повышением нагрузки на оборудование, внедрением разных форм оплаты труда, социалистического соревнования и других видов стимулирования труда, увеличением занятости работников на производстве.

Апробация работы. Основные выводы, положения и результаты диссертации сформулированы в 13 научных публикациях за 2011–2014 гг. общим объемом 5,9

печатного листа. По теме исследования сделаны доклады и сообщения на семи всероссийских, в том числе с международным участием, конференциях. Опубликовано четыре статьи в журналах, рецензируемых ВАК:

1. Зыкин, И. В. Особенности размещения, планировки и застройки спецпоселков при предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона / И. В. Зыкин [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. – 2013. – № 3 (43). – Режим доступа: http://archvuz.ru/2013_3/14.

2. Зыкин, И. В. Формирование жилищно-бытовой инфраструктуры рабочих поселков при предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930-х гг. / И. В. Зыкин [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. – 2013. – № 4 (44). – Режим доступа: http://archvuz.ru/2013_4/15.

3. Зыкин, И. В. Оплата труда в лесопромышленном комплексе Уральского региона в 1930-х годах / И. В. Зыкин // Вестник Череповецкого гос. ун-та. – № 3 (56). – 2014. – С. 31–35.

4. Зыкин, И. В. Продовольственное обеспечение рабочих лесопромышленного комплекса Северного Зауралья в 1930-х гг. / И. В. Зыкин // Вестник Пермского ун-та. Серия «История» – № 2 (25). – 2014. – С. 72–79.

Глава 1. Трансформации лесопромышленного комплекса Уральского региона в конце 1929 г. – первой половине 1941 г.: причины, закономерности и особенности

1. 1. Лесопромышленный комплекс Уральского региона как модель для изучения истории отечественного лесного комплекса

Лесопромышленный комплекс представляет собой сложный системный объект, для изучения которого необходимо выявить особенности взаимодействия элементов внутри объекта и с внешней средой. Одной из наиболее функциональных концепций, используемых историками для анализа сложных объектов, является системный подход. Рассмотрим возможности его применения для определения режимов функционирования лесопромышленного комплекса Уральского региона в конце XIX в. – 1930-х гг., в период его формирования.

Пользуясь в качестве основополагающего определением лесного комплекса, данного Н. Е. Антоновой⁸³, сформулируем собственное определение лесопромышленного комплекса. Это компонент лесного комплекса, объединяющий крупные предприятия регионального и государственного значения, ориентированные на бесперебойные лесозаготовку, высококачественную механическую обработку и глубокую переработку древесины и древесных отходов с целью реализации произведенной продукции на рынке. Эти предприятия следует отличать от предприятий «районной промышленности»⁸⁴, обслуживающих потребности местных предприятий, организаций и жителей, работающих с перерывами, по мере необходимости.

Выделение лесопромышленного комплекса Уральского региона в качестве объекта системного исследования имеет свою специфику, обусловленную локальностью и региональными особенностями функционирования отрасли: в рамках Северо-Уральского лесопромышленного комплекса, границы которого совпадают с одноименным лесным массивом, занимающим северные территории современных Свердловской, Пермской областей, западные районы Тюменской области, терри-

---

⁸³ Антонова Н. Е. Указ. соч. С. 44.

⁸⁴ Тарасевич В. Пятилетний план лесопромышленного хозяйства Урала... С. 25.

торию Республики Коми и Архангельской области; в рамках формировавшегося на протяжении XX в. Уральского экономического района, включающего поселенческую сеть, транспортную, социальную и производственную инфраструктуру.

В конце XIX в. – первой половине XX в. формировались лесопромышленные комплексы географических районов, отличавшиеся друг от друга природно-климатическими и организационно-экономическими условиями функционирования. Для их выделения воспользуемся концепциями районирования. Согласно концепциям лесоэкономического районирования, выделение района основывается на совокупности лесохозяйственных, экономических и производственно-технических признаков: путей транспорта, рыночных отношений, грузооборота, ценностных, производственно-технических и лесохозяйственных отличий⁸⁵.

К. С. Семенов, к примеру, выделял Верх-Камский, Пермский, Юго-Камский, Верхотурский, Центральный, Таежный, Тюменский и лесостепной районы, соотнося их с районами лесистости и границами административных и экономических округов⁸⁶.

В. Переход предложил деление Уральского региона на лесопромышленные районы в соответствии с рынками сбыта лесоматериалов: Волжский, Горнозаводский, условно-экспортный (леса Обь-Иртышского бассейна), Среднеазиатский, местного сбыта (лесостепной и степной районы)⁸⁷.

По проекту «Уралплана» в 1929 г. было установлено пять основных лесоэкономических районов: Камский, Горнозаводский, Тавдино-Туринский, Юго-Восточный, Тобольский. Внутри них выделено 16 районов. Планом второй пятилетки за основу принято деление Урала на три зоны: Предуралье, Зауралье и Обь-Иртышский бассейн. Внутри них выделено 22 района⁸⁸.

Наиболее полно природные и экономические особенности районов были отражены в «Генеральном плане хозяйства Урала». Выделены Надеждинский, Гороблагодатский, Алапаевский, Тавдинский, Чусовской, Камский, Южноуральский, Среднеуральский районы. Наибольшими запасами древесины промышленного на-

---

⁸⁵ Переход В. Указ. соч. С. 48.

⁸⁶ Там же, с. 50.

⁸⁷ Там же, с. 53–54.

⁸⁸ Дульский И. Указ. соч. С. 18.

значения (на конец 1920-х гг.) обладали Надеждинский (6 млн. м³), Тавдинский (4,1 млн. м³) и Камский (10,8 млн. м³)⁸⁹. Данная концепция основана на выделении районов вокруг экономических центров, являющихся одновременно центрами сосредоточения предприятий лесопромышленного комплекса, с учетом природно-географических и транспортных особенностей.

Воспользуемся концепцией экономического районирования, разработанной уральскими историками А. В. Бакуниным и А. Э. Беделем. Согласно ней, процесс формирования социально-экономической метасистемы протекает на подуровнях: комбинат – промышленный узел – промышленный район – территориально-промышленный комплекс крупного экономического района⁹⁰. На первых двух подуровнях основными единицами формирования лесопромышленных комплексов географических районов выступили «группы взаимосвязанных между собой предприятий, использующих трудовые, сырьевые ресурсы, транспортные сооружения, инженерные коммуникации, строительную базу одного или ряда городов, окружающих их заводов и рабочих поселков»⁹¹. «Ядрами» промышленных узлов выступили г. Надеждинск (в 1934–1937 гг. – Кабаковск, в 1937–1939 гг. – Надеждинск, с 1939 г. – Серов), Пермь (в 1940–1957 гг. – Молотов), п. Тавда.

На следующих подуровнях выделим лесопромышленные комплексы географических районов: Предуралья (предприятия в бассейне среднего течения р. Кама), Северного (предприятия, расположенные в бассейнах р. Тура (верхнее течение), Лобва, Ляля, Каква) и Восточного (предприятия, расположенные в бассейнах среднего и нижнего течения р. Тура и Тавда Зауралья) (Приложение 1, 2). Все предприятия в рамках лесопромышленных комплексов географических районов были связаны между собой разнообразными связями, поселенческой сетью, транспортной инфраструктурой. Их главной задачей было обеспечение потребителей за рубежом и в других регионах страны продукцией механической обработки и глубокой переработки древесины. Эта задача определила ведущую роль лесопромышленного комплекса в экономике Уральского региона в процессе плани-

⁸⁹ Переход В. Указ. соч. С. 50–51.

⁹⁰ Бакунин А. В. Уральский промышленный комплекс... С. 147.

⁹¹ Там же, с. 70.

рования и реализации первых пятилеток развития народного хозяйства СССР (1928–1941 гг.).

Начало формирования лесопромышленных комплексов географических районов в Уральском регионе относится к концу XIX – начала XX вв., когда были построены первые одно- и двухрамные предприятия по механической обработке древесины (лесопильные заводы), глубокой переработке древесины (бумажные фабрики). В 1910-х гг. появились крупные производства (лесопильные заводы в Перми, Лобве, Надеждинске). В 1900 г. в Российской империи насчитывалось 1430 предприятий по механической обработке древесины, в 1912 г. – 1979⁹² (по другим данным, в 1900 г. в стране действовало 1140 предприятий, в 1911 г. – 2196⁹³). В Уральском регионе (Пермская губерния, часть Оренбургской, Уфимской и Тобольской губерний) в 1890 г. функционировало пять лесопильных заводов, поставлявших пиломатериалы на рынок, в 1900 г. – 23, в 1908 г. – 54⁹⁴. В 1913 г. действовало 162 предприятия с 216 рамами (включая «районную промышленность»), производивших 1,5 млн. м³ пиломатериалов в год (9,5 % от общего объема выпуска пиломатериалов в Российской империи)⁹⁵.

Наиболее крупными предприятиями лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1910-х гг. являлись: лесопильный завод в Перми на 16 рам (акционерное общество «Пермолес»), лесопильный завод в Надеждинске на пять рам (акционерное общество Богословского горного округа), лесопильные заводы в Лобве и Ляле на 13 рам (акционерное общество Николае-Павдинских предприятий). Производительность этих предприятий составляла около 370 тыс. м³ пиломатериалов в год, из которых 20–25 % отправлялось на экспорт⁹⁶. Среди предприятий по производству продукции глубокой переработки древесины наиболее крупными в Уральском регионе были Лялинская БФ, Сибирская писчебумажная фабрика, Знаменская и Оханская картонные фабрики.

---

⁹² Шегельман И. Р. Указ. соч. С. 35.

⁹³ Юричев Е. Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области. Вологда, 2011. С. 26.

⁹⁴ Петров Б. С. Указ. соч. С. 48.

⁹⁵ Уральский торгово-промышленный справочник... С. 101.

⁹⁶ Некрасов П. Указ. соч. С. 120.

Рассмотрим факторы формирования и функционирования объекта исследования на примере лесопромышленного комплекса Северного Зауралья. Первая группа факторов была связана с природно-климатическими особенностями региона, оказавшими влияние, в первую очередь, на планирование и характер лесозаготовительных работ. Лесозаготовки велись в лесных массивах в верхних течениях р. Тура, Лобва, Ляля, Каква только вне периода вегетации (глубокой осенью, зимой и в начале весны), поскольку возможности транспортировки древесины гужевым транспортом были ограничены периодом меньшей напряженности сельскохозяйственных работ, а транспортировка водным путем была возможна только с весны по осень, когда реки были свободны ото льда. Такой способ доставки древесины к предприятиям требовал наличия специальных групп рабочих, поскольку сезонный наем жителей сельской местности не обеспечивал потребности производств. Породный и качественный состав древостоев (ель, сосна, береза) лимитировал соотношение рыночного назначения выпускаемых лесоматериалов (экспорт – в среднем 5 %, поставки внутри региона – 30 %, в другие регионы страны – 65 %).

Вторая группа факторов была связана с экономическими условиями развития региона. Они определили облик и направления деятельности предприятий. Формирование района лесозаготовки, ограниченного неразработанными лесными массивами бассейнов р. Ляля, Лобва, Тура, Каква, было обусловлено особенностями железнодорожного строительства. Промышленник получал доступ к лесным ресурсам при сооружении железной дороги и в лесной базе, тяготеющей к ней.

Горный устав 1905 г. разрешил владельцам металлургических заводов и горных округов эксплуатацию сырьевых баз, тяготеющих к металлургическим предприятиям, с целью продажи леса «на сторону»⁹⁷. Так, акционерное общество Николае-Павдинского округа, созданное в 1910 г., имело право на освоение золотых и платиновых приисков, медных, никелевых и железорудных ископаемых и залежей других руд как в Николае-Павдинском, так и в других округах, механическую и

---

⁹⁷ История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 21.

химическую обработку лесных материалов, ведение лесного и сельского хозяйства, строительство рельсовых подъездных путей⁹⁸.

Поскольку характер лесопромышленного производства заключался в цикличности, прерывистости, пик деловой активности приходился на период лесозаготовительных и лесосплавных работ, значительный спад наблюдался в межсезонье. Зависимость производств от наличия трудовых ресурсов, их удаленность от крупных промышленных и аграрных центров выражалась в направлении административного ресурса на регулярное приобретение оборудования и создание сельскохозяйственных подразделений.

Ввиду удаленности Уральского региона от основных транспортных центров и магистралей, дороговизны перевозки лесоматериалов, лесозэксплуатация осуществлялась в форме простейшей выборочной рубки. «Выбирались только лучшие крупномерные деревья, которые ценились на рынке дороже»⁹⁹. Как отмечал И. Р. Шегельман, такой подход к лесозэксплуатации вел к «ухудшению общего состояния леса, поскольку при заготовке и вывозке повреждалась часть здоровых деревьев, гнилые деревья оставляли на лесосеке, увеличивая захламленность леса»¹⁰⁰. Однако лесопромышленный комплекс Уральского региона находился только в стадии становления, комбинированное производство отсутствовало, как не было и эффективных технологий переработки древесных отходов. Ввиду вышеописанных природно-климатических и экономических особенностей территории создавать комбинированные производства в этот период было нецелесообразно.

Для ведения успешной экономической деятельности предприятиям лесопромышленного комплекса Северного Зауралья требовались рынки сбыта. Их представляли Западносибирский, Поволжский и Среднеазиатский регионы, вовлеченные в российскую экономику сразу после прокладки железнодорожных магистралей. Туда в больших объемах транспортировалась в основном деловая древесина и продукция механической обработки древесины.

---

⁹⁸ Гордин А. А. Указ. соч. С. 12.

⁹⁹ Некрасов П. Указ. соч. С. 120.

¹⁰⁰ Шегельман И. Р. Указ. соч. С. 32.

Рассмотрим элементный состав лесопромышленного комплекса Северного Зауралья. Предприятия самостоятельно занимались лесозаготовкой, механической обработкой и глубокой переработкой древесины, находили рынки сбыта продукции. В 1920–1930-х гг., в связи с развитием переделов по заготовке древесины, ее механической обработке и глубокой переработке, в компетенции лесопильных и целлюлозно-бумажных предприятий, которые стали обслуживаться лесозаготовительными организациями, остались функции, связанные с переработкой леса, закупками материалов, рационализацией производственных процессов, решением кадровых вопросов, созданием жилищно-бытовых условий для рабочих.

Таким образом, в лесопромышленный комплекс Северного Зауралья на двух уровнях функционирования включаем: внутреннее функционирование (лесозаготовка, транспортировка, сортировка, механическая обработка и глубокая переработка древесины, сортировка и погрузка продукции); внешнее функционирование (государственное законодательное регулирование лесопользования, таксация и отвод лесосек в рубку, покупка-продажа леса, обеспечение предприятий материальными ресурсами для осуществления производственной деятельности, модернизация производственных процессов, кадровая политика, транспортировка продукции внутри и за пределами страны).

Связи между элементами объекта группируем следующим образом: внутренние административные связи, определившие уровни подчиненности подсистем (лесозаготовительной, транспортной, механической обработки и глубокой переработки древесины, сортировочно-погрузочной); внешние административные связи (предприятие – государство, предприятие – производственное объединение – государство); технологические связи, направленные на модернизацию и оптимизацию производственных процессов; кооперационные связи, обеспечившие единый подход к управлению предприятиями лесопромышленного комплекса для выпуска качественной продукции; хозяйственные связи, обусловившие взаимодействие между разноотраслевыми системами на предмет назначения выпускаемой продукции (потребность в определенных ее видах); финансовые связи, обеспечившие устойчивость положения предприятий на рынках лесоматериалов; государствен-

ное законодательное и экономическое регулирование, направленное на устойчивое функционирование предприятий, в целом лесного комплекса.

Необходимо рассмотреть также, какие типы лесопользователей существовали в начале XX в., в конце 1920-х – 1930-х гг., как изменился охват лесопользователей видами деятельности в сфере лесопользования в отмеченные периоды.

Н. Е. Антоновой¹⁰¹ была предложена схема распределения типов лесопользователей по переделам лесного комплекса с точки зрения охвата видов деятельности в лесопользовании (Приложение 3). На современном этапе она выделила 11 типов лесопользователей (занимающихся как отдельными, так и комплексными видами деятельности). По мнению Н. Е. Антоновой, наивысшая степень рационального ведения хозяйства обеспечивается при комплексном лесопользовании, включающем все стадии лесозаготовки.

Такой тип ведения хозяйства (разумеется, имелись лесопользователи, занимавшиеся одним или двумя видами деятельности) был распространен также в начале XX в. Лесопользователь обладал правами собственности на лесные угодья, в том числе массивы, имевшие коммерческую ценность, имел высокотехнологичное, соответственно своему периоду, перерабатывающее производство.

Нами была составлена аналогичная схема, структурирующая виды деятельности в лесопользовании в конце 1920-х – 1930-х гг. Выявлены семь типов лесопользователей, что свидетельствует о формировании более упрощенной системы, нежели в начале XX в. (Приложение 4). На данную особенность указывали В. В. Страхов, А. И. Писаренко: «лесоустройству был придан сильно упрощенный вид в силу того, что самые главные экономические вопросы и вопросы стратегии управления лесами были выброшены из лесоустройства за ненужностью в плановой экономике»¹⁰².

Трансформации периода 1920–1930-х гг. оказали влияние на специфическое развитие лесопромышленного комплекса Уральского региона. Главным условием формирования нового режима функционирования отрасли выступило воздействие

---

¹⁰¹ Антонова Н. Е. Указ. соч. С. 45.

¹⁰² Страхов В. В. Указ. соч. С. 23.

нескольких «силовых полей», возникших в условиях общественно-политического и экономического кризиса в конце 1910-х – начале 1920-х гг. и создания единого административно-хозяйственного и партийного руководства. Во-первых, разрушение структуры прежней системы негативно отразилось на производственных процессах. Во-вторых, «белогвардейская администрация» и местные «советские» организации в 1917 г. – начале 1920-х гг. обеспечивали минимальный выпуск продукции механической обработки и глубокой переработки древесины для внутрирайонного потребления, что снизило общую устойчивость системы. В-третьих, передача полномочий установления возраста рубки леса в компетенцию правительства (регулирование возрастной, породной и товарной структуры лесов) оказала сильное воздействие на развитие комплекса.

Возникновение новой структуры объекта в конце 1910-х – 1920-х гг. произошло на фоне функционирования компонентов системы (лесное хозяйство, заготовка, механическая обработка и глубокая переработка древесины), ограниченных в деятельности: после передачи правительству полномочий регулирования возрастной, породной и товарной структуры лесов; в условиях формирования основных для предприятий лесопромышленного комплекса рынков сбыта на территории СССР (Европейская часть, Западная Сибирь, Средняя Азия); в условиях попыток комбинации отдельных структурных элементов лесопромышленного комплекса в период кризиса и становления новой системы управления, укрепления надсистемных связей, в качестве которых выступили командно-административные методы управления и особенности социально-экономического развития Уральского региона.

Выделение заготовки древесины в самостоятельный вид деятельности при невысоких в среднем показателях лесистости территории Уральского региона (по сравнению Европейским Севером, Сибирью и Дальним Востоком), продуктивности леса, а также особенностях породного состава древостоев (хвойные породы – сосна, ель) привело к отказу от принципов непрерывности, равномерности пользования лесом и переходу к «сплошным рубкам».

Несмотря на то, что все леса Урала официально были объединены в единый государственный лесной фонд, с 1932 г. были переданы Наркомлесу СССР, часть их была приписана, в соответствии с целевым назначением, основным лесозаготовителям. Ими стали народные комиссариаты лесной (90 % лесной площади региона), тяжелой промышленности (9 %), путей сообщения (около 1 %) ¹⁰³ (Приложение 5).

Системная перестройка лесного комплекса создала прецедент для формирования специфичного режима функционирования лесной промышленности Уральского региона на основе уже сложившихся технологических, хозяйственных и кооперационных связей между ним и обслуживающими его системами. Они определили следующие направления анализа функционирования системы: экономическое, научно-техническое (технологическое), экспортно-импортное и социальное развитие. В последующие периоды приспособление отрасли к новым условиям происходило на основе развития хозяйственных и кооперационных связей в условиях командно-административных методов управления экономикой и разделения компетенций между лесным хозяйством, предприятиями по заготовке древесины, ее механической обработке и глубокой переработке, при сохранении функционирования лесного комплекса как целостной системы.

Таким образом, в конце XIX в. – первой трети XX в. лесные ресурсы Уральского региона представляли собой важный объект экономической и социальной политики сначала Российской империи, затем СССР. В 1890–1910-х гг. была создана основа для формирования лесопромышленного комплекса. В конце 1910-х – начале 1920-х гг. предприятия, принадлежавшие частным лицам и акционерным обществам, были национализированы. Партийно-государственный аппарат стал определять направления развития лесной промышленности, где Уральский регион занял важное место. Лесопромышленный комплекс Уральского региона можно рассматривать в качестве модели для изучения истории лесного комплекса страны, который прошел стадию индустриализации. Основными особенностями отрасли являлись: наличие большого числа металлургических предприятий, потреб-

---

¹⁰³ Дульский И. Указ. соч. С. 14.

лявших древесину в качестве топлива, чем сдерживалась развитие переделов по механической обработке и глубокой переработке лесных ресурсов; труднодоступность крупных лесных массивов для эксплуатации; наличие рек с направлением течения в южном направлении к железнодорожным магистралям; дефицит квалифицированных кадров и рабочей силы.

1. 2. Тенденции развития отрасли в конце 1929 г. – первой половине 1941 г.

Государственная политика индустриализации включала в себя два грандиозных проекта: форсированное развитие тяжелой промышленности и радикальное переустройство промышленных структур на основе «нового» территориально-производственного районирования. А. К. Соколов указывал, что в условиях слабого развития отечественного машиностроения для проведения индустриализации «без систематических закупок техники за границей, без привлечения иностранных специалистов обойтись было нельзя»¹⁰⁴. До 1917 г. «деревообрабатывающие станки были иностранного происхождения, преимущественно шведские, английские, немецкие»¹⁰⁵. Н. Ю. Белых отмечал, что при проведении индустриализации использовался передовой зарубежный технологический опыт, однако параллельно применялись доиндустриальные, по существу, формы организации строительства, включая принудительный труд «спецконтингента»¹⁰⁶.

Реализация второго проекта, связанного с ликвидацией прежней децентрализованной системы управления, привела к «хаотическому размножению властных структур, одной из особенностей которых было свойство воспроизводиться на всех уровнях экономики»¹⁰⁷. Территориальные органы, практически независимые от центра, были заменены на отраслевые, полностью подчиненные центральным народным комиссариатам и потому лишенные самостоятельности в регулировании реализации мероприятий пятилетних планов. «Каждый нижестоящий орган

¹⁰⁴ Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) // Экономическая история. Обзорение. Вып. 4. М., 2000. С. 58.

¹⁰⁵ Шегельман И. Р. Указ. соч. С. 36.

¹⁰⁶ Белых Н. Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.). М., 2011. С. 5.

¹⁰⁷ Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010. С. 153–154.

взаимодействовал только с той инстанцией, которая стояла непосредственно над ним в том же народном комиссариате»¹⁰⁸.

С. Е. Алексеев и В. Д. Камынин выделили ключевые негативные моменты в развитии экономики и общества, которые стали следствием процесса индустриализации: «ухудшение качественных характеристик промышленных кадров, диспропорции в структуре промышленности, неэффективность централизованной системы управления промышленностью, приспособленной действовать лишь в условиях мобилизации сил, политический и экономический волюнтаризм центральной власти в отношении промышленности Урала и др.»¹⁰⁹ Хотя, как отмечал М. ван дер Линден, высокая концентрация в российской промышленности, сочетание в одном месте производства, источников снабжения и сырья, даже когда это не было экономически оправдано, обуславливались экономико-географическими особенностями развития страны¹¹⁰.

Политика советской власти в 1920–1930-х гг. обусловила формирование новой модели управления лесами и лесозэксплуатации. В постановлении Всесоюзного центрального исполнительного комитета «О состоянии и перспективах развития лесного хозяйства» (конец 1929 г.) был «намечен пересмотр системы лесоустройства с целью ее упрощения и максимального приспособления к поставленным властью задачам эксплуатации лесов для обеспечения экспорта древесины»¹¹¹, одного из основных источников средств индустриализации. Основными подходами лесозэксплуатации стали отрицание рынка в лесопользовании, размежевание лесного хозяйства и лесопромышленной деятельности, отказ от научной базы лесного хозяйства¹¹², что привело к началу экстенсивной лесозэксплуатации.

Вследствие истощения лесов в южной и средней частях Европейской России, началось освоение лесных ресурсов северных и восточных районов страны. Однако из-за практически нулевой транспортной инфраструктуры, отсутствия лесоустройства подлежащих эксплуатации лесных площадей рост объемов лесозаготовок

¹⁰⁸ Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 294.

¹⁰⁹ Алексеев С. Е. Индустриализация как фактор модернизации Урала в конце 1920-х – 1930-е гг.: взгляд современных историков // Урал в контексте российской модернизации : Сб. ст. Челябинск, 2005. С. 33.

¹¹⁰ М. ван дер Линден Указ. соч. С. 216.

¹¹¹ Страхов В. В. Указ. соч. С. 24–25.

¹¹² Шегельман И. Р. Указ. соч. С. 44.

происходил вдоль железнодорожных магистралей, крупных рек. По мнению А. А. Онучина и В. А. Соколова, начиная с конца 1920-х гг., показатели расчетной лесосеки завышались, чтобы обеспечить или скрыть экстенсивный характер лесопользования. Благодаря этому, устойчивые объемы лесозаготовок были гарантированы леспромхозам только на 20–30 лет, тогда как реальный оборот рубки превышал эти сроки минимум в два-четыре раза. Производственные потери древесины при этом могли достигать от 40 до 60 %¹¹³. Что же касается эксплуатации всего объема расчетной лесосеки, то здесь государство и народные комиссары сталкивались с необходимостью механизации лесозаготовительных работ, что в условиях мобилизационной модели экономики, характеризующейся экстенсивным характером развития, было не актуально.

Наличие масштабных проектов в сфере лесозаготовки было вызвано кризисной ситуацией в лесопромышленном комплексе Уральского региона в 1920-х гг., которая была обусловлена: неудовлетворительной организацией функционирования отрасли (слабая материальная и кадровая база предприятий, транспортная инфраструктура, неустроенность лесосечного фонда); низким уровнем механизации лесозаготовительных работ (механизованным способом заготавливалось менее 1 % древесины, в механизацию лесозаготовок за 1920-е гг. было вложено 3 млн. руб.)¹¹⁴; отсутствием системного контроля над лесозаготовками, осуществлявшимися предприятиями лесопромышленного, транспортного и металлургического комплекса, населением, которые наносили большой ущерб лесному фонду.

Изучение этих проблем связано с рассмотрением отношений, складывавшихся по поводу централизованного размещения предприятий, рационального использования их потенциала, взаимодействия с другими отраслевыми комплексами. Проследим особенности планирования развития лесной отрасли Уральского региона в конце 1920-х – начале 1930-х гг. по перечню программных документов. В 1924 г. был разработан первый перспективный план лесного хозяйства РСФСР на

---

¹¹³ Онучин А. А. Указ. соч. С. 79–80; Шварц Е. А. Указ. соч.

¹¹⁴ Тарасевич В. Пятилетний план лесопромышленного хозяйства Урала... С. 30.

1925–1928 гг., в котором в качестве основных выдвигались задачи обеспечения постоянства и планомерности лесопользования без истощения лесов, удовлетворения потребностей государства и населения в древесине, обеспечения наивысшей доходности от лесозаготовки¹¹⁵.

В 1928 г. в постановлении Совета народных комиссаров (далее везде – СНК) СССР «О мерах упорядочения лесного хозяйства» в числе недостатков развития отрасли были названы: отсутствие единого плана ведения хозяйства в лесах; недостаточная изученность лесного фонда; недостаточность работ по восстановлению лесов; несоответствие предприятий размещению и целевому назначению лесов; недостаточность финансирования лесохозяйственных работ и текучесть кадров¹¹⁶.

Ученый Г. Ф. Гринько, анализируя проблемы планирования развития народного хозяйства страны на период первой пятилетки, указывал, что на Урале «сочетание лесопиления с целлюлозно-бумажным производством, а также лесохимией, обеспечит наивысшую рентабельность капитальных вложений»¹¹⁷.

На региональном уровне актуальными вопросами в этот период являлись: механизация лесозаготовительных работ, создание постоянных кадров рабочих, устройство эксплуатируемых лесных баз Урала, обследование основных неустроенных лесов, выделение фонда, подлежащего лесозаготовке¹¹⁸. В 1925 г. показатель лесозаготовки в Уральской области составлял только 45 %¹¹⁹. По другим данным, в 1926 г. в регионе из всех лесов имелось 8 % – устроенных, 22 % – обследованных, 70 % – совершенно необследованных¹²⁰.

В сравнении с другими регионами страны, лесозаготовка в Уральской области проводилась более низкими темпами. В Вологодской губернии за 1924–1927 гг. было устроено 58 % площади лесов, в СССР, по данным на 1 января 1931 г., было

¹¹⁵ Лесное хозяйство СССР за 50 лет. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/za5/let/index.htm> (дата обращения: 13.09.2013).

¹¹⁶ Колданов В. Я. Указ. соч. (дата обращения: 02.12.2013).

¹¹⁷ Гринько Г. Ф. План великих работ (Основные проблемы пятилетнего народно-хозяйственного плана СССР на период 1928/1929–1932/1933 гг.) // Плановое хозяйство. 1929. № 2. С. 37–38.

¹¹⁸ История индустриализации Урала (1926–1932 гг.)... С. 28, 44–46, 57, 73, 162.

¹¹⁹ Уральский торгово-промышленный справочник... С. 96.

¹²⁰ Тарасевич В. Перспективы развития лесного хозяйства Урала... С. 77.

устроено 11,7 % лесов, обследовано – 12 %¹²¹. В документах отмечались также изношенность основного оборудования предприятий отрасли, недостаток средств для обновления техники, отсутствие результатов от экспериментов по механизации заготовки и вывозки древесины и незначительное их количество¹²².

О потенциале лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1900–1930-х гг. свидетельствует география поставок лесоматериалов. В 1920-х гг., в связи с потерей внешних рынков сбыта продукции, древесина высших сортов направлялась на внутренний рынок, притом в те сферы, где могли применяться лесоматериалы более низкого качества. В конце 1920-х гг. ситуация кардинально изменилась – резко повысились потребности в древесине высших сортов внутри страны и на экспорт (экспортные лесоматериалы производили, по данным на 1930 г., Лялинский, Лобвинский, Тавдинский, Тюменский, Пермский, Монетный ЛЗ¹²³; на 1931 г. – Лобвинский, Тавдинские № 7 и 9, Пермский, Верхотурский, Кунгурский ЛЗ¹²⁴). К 1932–1933 гг. доля вывоза пиломатериалов на внеобластные рынки должна была снизиться до 40 %¹²⁵ (Таблица 1).

Таблица 1.

Удельный вес регионов в потреблении лесоматериалов, производившихся предприятиями лесопромышленного комплекса Уральского региона, %

Период, год	Урал	Западная Сибирь	Средняя Азия	Европейская Россия и Украина	Экспорт
Начало XX в.	31	26	15	26	2–3
Середина 1920-х гг.	66	4,3	15	13,7	0
1929 г.	55,6	0	1,7	40,6	2,1

Составлено по: Мухин В. Указ. соч. С. 59, 60; Тарасевич В. Пятилетний план лесопромышленного хозяйства Урала... С. 28.

¹²¹ Неволин О. А. Лесоустройство: Уч. пос. для вузов. Архангельск, 2005. С. 506, 513.

¹²² Индустриализация СССР. 1926–1928 гг... С. 135.

¹²³ ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.

¹²⁴ Там же, л. 114.

¹²⁵ Гашев А. Указ. соч. С. 121.

С одной стороны, сбыт продукции предприятий был переориентирован на центральные районы страны, осуществлялся более тщательный отбор древесины для экспорта и поставок в другие регионы СССР. С другой стороны, в угоду поставкам лесоматериалов за рубеж, являвшимся одной из статей бюджета первых пятилеток, и в ущерб внутренним интересам страны, на уральский рынок хлынула древесина более низкого качества. Устранить этот просчет на рубеже 1920–1930-х гг. были призваны реконструкция действовавших и строительство новых предприятий на основе предложений и разработок регионального административного аппарата.

В конце 1920-х гг. процент использования годичного прироста лесов составлял 38 %, годичной лесосеки – 71 %. Наименьший процент использования годичного прироста лесов был в округах с большими запасами древесины: в Тобольском – 4 %, Верхнекамском и Коми-Пермяцком – 25 %¹²⁶. Именно в этих районах в годы первой и второй пятилеток планировалось многократно увеличить объемы лесозаготовительных работ, транспортировки, механической обработки и глубокой переработки древесины. Удельный вес предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона в общем объеме заготовленной древесины составлял в 1925/1926 г. – 33,8 %, в 1927/1928 г. – 36,1 % (без учета леса, заготовленного населением), однако эти предприятия заготавливали в 1927/1928 г. 73,2 % деловой древесины в регионе, поскольку металлургические предприятия более 90 % лесного сырья использовали в качестве топлива¹²⁷.

Однако к концу 1926 г. выпуск пилопродукции предприятиями Уральского региона составлял менее одной пятой части объема производства в 1913 г. Если в 1920 г. из 20 предприятий по механической переработке древесины функционировало 16, то в 1923 г. – восемь, а в 1924–1926 гг. – четыре (в Ляле, Лобве, Тавде, Туринске)¹²⁸. На предприятиях, расположенных в бассейне р. Кама, до 1917 г. лес распиливался на 30 рамах, а в 1928 г. работали только 10 рам, которые были за-

---

¹²⁶ Гашев А. Указ. соч. С. 111, 120.

¹²⁷ Подсчитано по: Петров Б. С. Указ. соч. С. 62.

¹²⁸ Фельдман В. В. Указ. соч. С. 93.

гружены не полностью¹²⁹. Четыре предприятия по глубокой переработке древесины (Лялинская БФ с древесно-массным и целлюлозным заводами, Сибирская писчебумажная фабрика, Знаменская и Оханская картонные фабрики), вошедшие в состав «Камураллесобумтреста» в 1922 г., функционировали на протяжении 1920-х гг.¹³⁰

Объемы производства продукции предприятиями треста не удовлетворяли спрос потребителей внутри региона. Так, в 1925 г. «Камураллесобумтрестом» было произведено 145,4 тыс. м³ пиломатериалов (2,3 % от общего объема производства пиломатериалов в СССР) при годовой потребности Уральского региона в 284 тыс. м³; лесобумажными предприятиями – 8,9 тыс. т бумаги (5 % от общего объема производства бумаги в СССР) при годовой потребности в 12,5 тыс. т¹³¹. В 1927/1928 г. в Уральском регионе функционировало 77 лесопильных заводов с 112 рамами (включая «районную промышленность»), что было примерно в два раза меньше, чем в 1913 г., при этом девять предприятий производили около 70 % пилопродукции¹³². В 1920-х гг. лесопромышленный комплекс Уральского региона не справлялся с задачей обеспечения ежегодно возрастающих потребностей местных потребителей в пиломатериалах и бумаге. Примерно 30–40 % пиломатериалов и бумаги доставлялось из других регионов.

В «Генеральном плане хозяйства Урала», изданном осенью 1927 г., основными факторами развития лесного комплекса региона были названы «вовлечение в промышленный кругооборот отдаленных лесных массивов севера Уральской области и организация в них сплошной лесосечной системы». Указывалось на необходимость строительства железных дорог между населенными пунктами, специализировавшимися в лесопромышленной деятельности, которые должны были соединить Предуралье, Северо-Восточное Зауралье и Тобольский север. Одним из важных предложений «Генерального плана хозяйства Урала» являлось комбинирование предприятий по механической обработке и глубокой переработке древе-

---

¹²⁹ Мухин В. Указ. соч. С. 61.

¹³⁰ Петров Б. С. Указ. соч. С. 65.

¹³¹ Соловов М. К. Указ. соч. С. 41, 42.

¹³² Бакунин А. В. Уральский промышленный комплекс... С. 118.

сины для ведения полноценной лесозаготовки¹³³. При разработке первого пятилетнего плана развития хозяйства Урала указывалась необходимость введения в эксплуатацию двух лесопромышленных комбинатов в Тавде и в районе Перми¹³⁴. Помимо этого, в первой пятилетке планировалось начать строительство трех целлюлозно-бумажных комбинатов: Вишерского, Камского, Тавдинского¹³⁵.

«Камураллесобумтрест», крупнейший трест в отрасли, планировал построить лыжную, фанерную и мебельную фабрики, лесопильный завод на 14 рам в бассейне р. Тавда, на восемь рам – в Тобольском районе, на шесть рам – на р. Тура, два завода на восемь и на шесть рам – на р. Кама. Остальные заводы предполагалось капитально реконструировать. Число лесопильных рам, принадлежавших «Камураллесобумтресту», планировалось увеличить с 30 в 1927/1928 г. до 59 в 1932/1933 г. (33 % всех пилорам по Уралу)¹³⁶. По мере реализации пятилетнего плана перечень объектов, которые предстояло построить, уточнялся. В частности, трест «Ураллес» планировал, что в 1930–1931 гг. должно было начаться строительство лесопильного завода на шесть рам, мебельной и фанерной фабрик в Тюмени, лесопильного завода на восемь рам, деревообделочного завода и фабрики труб в Тавде, лесопильного завода на восемь рам в Надеждинске, на восемь рам – на Тобольском Севере¹³⁷.

Обратимся к показателям первого пятилетнего плана, характеризующим лесопромышленный комплекс Уральского региона. Общий объем заготовки деловой древесины за 1930–1937 гг. должен был увеличиться с 6,5 до 18,2 млн. ф. м³¹³⁸, хотя специалисты указывали на увеличение потребности уральской промышленности в деловой древесине к 1932 г. до 19 млн. м³, а к 1937 г. – до 30 млн. м³¹³⁹.

Производство продукции предприятиями, расположенными в Северном и Восточном Зауралье, планировалось увеличить с 507 тыс. м³ в 1928 г. до 1560 тыс. м³ в 1933 г. Предприятия Среднего Предуралья должны были увеличить выпуск ле-

¹³³ Степанов П. Указ. соч. С. 8–9.

¹³⁴ История индустриализации Урала (1926–1932 гг.)... С. 162.

¹³⁵ Тиунов В. Указ. соч. С. 70.

¹³⁶ Тарасевич В. Пятилетний план лесопромышленного хозяйства Урала... С. 25, 26.

¹³⁷ ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 243.

¹³⁸ Тарасевич В. Лесное хозяйство в системе Урало-Кузнецкого комбината... С. 44.

¹³⁹ См. н-р: Дульский И. Указ. соч. С. 4.

соматериалов с 166 тыс. м³ до 788 тыс. м³ за аналогичный период. В пятилетнем плане указывалось, что лесопромышленный комплекс бассейна р. Камы сможет существенно увеличить обеспеченность древесиной южных районов страны благодаря удобным транспортным коммуникациям, а лесные базы бассейнов р. Тавда и Тура будут эксплуатироваться не в полной мере, что определит перспективы развития лесопромышленного комплекса в Северном и Восточном Зауралье. «Камураллесобумтрест» должен был увеличить производство пиломатериалов с 465 тыс. м³ в 1928 г. до 1546 тыс. м³ в 1933 г., 1008 тыс. м³ из которых планировалось произвести на новых заводах. Удельный вес «Камураллесобумтреста» в выработке пиломатериалов по Уральскому региону увеличивался с 54,7 % до 58,6 % за 1927–1933 г.¹⁴⁰

При планировании второго пятилетнего плана (1933–1937 гг.) основное внимание было вновь уделено развитию лесопромышленного комплекса Среднего Предуралья (там планировалось развивать предприятия по глубокой переработке древесины), который обладал ресурсами и возможностями транспортировки древесины по р. Чусовая, Кама, Вишера¹⁴¹. Развитие лесопромышленных комплексов Зауралья должно было происходить на основе внедрения технико-технологических достижений, расширения ассортимента продукции, рационализации производственных процессов, роста эффективности труда рабочих (Таблица 2).

За 1928–1937 гг. в Уральском регионе были построены восьмирамные лесопильные заводы в Тавде, Лобве, Перми, на шесть рам – на р. Вишера, на две рамы – в Яйве, Верхотурье, Надеждинске, Сарапуле, до шести рам был расширен Лялинский ЛЗ. Были сданы в эксплуатацию цехи деревянных труб в Тавде, Ляле, Лобве, цехи стандартных домов в Перми, Лямино, Вишерский, Камский, Новолялинский (реконструирован) ЦБК, Сосьвинский ДОК, начато строительство Соликамского ЦБК. Несколько заводов было реконструировано.

---

¹⁴⁰ Тарасевич В. Пятилетний план лесопромышленного хозяйства Урала... С. 24.

¹⁴¹ История индустриализации Урала: документы и материалы. 1933–1937... С. 31–32.

Таблица 2.

Капиталовложения Наркомлеса СССР в лесопромышленный комплекс Уральского региона и производство валовой продукции предприятиями отрасли в 1933–1936 гг., млн. руб.

Год	Объем капиталовложений Наркомлеса СССР в лесопромышленный комплекс Уральского региона	Объем валовой продукции, произведенной предприятиями Наркомлеса СССР в Уральском регионе (в ценах 1926/1927 г.)
1933	54,5	194,3
1934	60,6	176,8
1935	81,4	231,9
1936	133,5	317,7

Составлено по: Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.). Свердловск, 1968. С. 370–371, 374–375.

В 1933 г. в Уральском регионе насчитывалось 196 лесопильных заводов и цехов с 300 пилорамами, 27 % которых принадлежало предприятиям, поставлявшим продукцию на рынок (Таблица 3). Главными потребителями пиломатериалов являлись предприятия Магнитогорска, Челябинска, Свердловска, Нижнего Тагила, Перми, Березников, Соликамска, Чусового и других городов¹⁴².

Таблица 3.

Динамика строительства лесопильных заводов в Уральском регионе в 1929–1941 гг.

Период	Количество построенных лесопильных заводов	Количество лесопильных заводов, построенных Наркомлесом СССР
1929–1932 гг.	62	5
1933–1937 гг.	67	-
1938–1941 гг.	35*	8*

* В Свердловской области

Составлено по: Петров Б. С. Указ. соч. С. 78, 84, 86.

¹⁴² Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие... С. 29, 31, 32.

Однако строительство большого количества предприятий в разных частях Урала не решало проблемы обеспечения потребностей региона и страны в продукции механической обработки и глубокой переработки древесины. М. Е. Ткаченко отмечал, что до Великой Отечественной войны «размещение деревообрабатывающих производств было недостаточно рациональным; ряд предприятий не был обеспечен сырьем»¹⁴³. Мощности предприятий использовались не полностью.

С 1925 по 1934 гг. на территории современной Свердловской области было устроено 60 % площади лесов, Пермской – 45 %. С 1935 по 1945 гг. в Свердловской области было устроено еще 30 % (остальные 10 % – заболоченные пространства в бассейне р. Тавда), в Пермской – 51 % (остальные 4 % – труднодоступные районы верховьев р. Кама). На территории современной Челябинской области за 1935–1939 гг. было устроено 75 % площади лесов¹⁴⁴.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в переделе заготовки лесных ресурсов наблюдалось распространение сплошных рубок, старые подходы к лесозаготовке критиковались. Так, в Надеждинском лесном округе в феврале 1930 г. заготовка древесины велась в 366 кварталах на площади 16 тыс. км². В публикациях того времени отмечались трудности управления, организации, контроля, снабжения лесоучастков. Указывалось на необходимость перехода к сплошным рубкам, сочетания промышленной колонизации с широкой механизацией всех лесозаготовительных операций, организации крупных рабочих поселков с максимальным обслуживанием социально-культурных потребностей рабочих¹⁴⁵. В 1933 г. специалисты вновь подчеркивали, что лесозаготовительные работы, базировавшиеся на мускульном труде человека и лошади, с большим трудом могли быть обеспечены рабочей силой при старых методах работы¹⁴⁶ (имеются ввиду выборочные рубки с целью заготовки крупномерной древесины для последующей ее реализации).

---

¹⁴³ Ткаченко М. Е. Указ. соч. С. 3.

¹⁴⁴ Горчаковский П. Указ. соч. С. 84.

¹⁴⁵ Тарасевич В. Лесное хозяйство Урала в системе Урало-Кузнецкого комбината... С. 37, 42.

¹⁴⁶ Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие... С. 28.

Возросшие потребности в древесине, отсутствие соответствующей организации выборочных рубок оставляли в стороне основополагающие принципы лесоводства и лесопользования, исключая возможность проведения комплексной механизации лесозаготовительных работ. В сферу сплошных лесозаготовок попадал даже фаутный лес (пораженный пороками)¹⁴⁷. Наркомлес СССР хотя и издавал распоряжения о повышении эффективности использования лесных ресурсов, например положение об ответственных исполнителях по использованию отходов при трестах¹⁴⁸, ситуация в сфере лесоэксплуатации оставалась кризисной. О том, какого качества были деланки и как организовывались лесозаготовительные работы, писал спецпереселенец И. Т. Твардовский, работавший в Северном Зауралье: «Среди лиственного мелколесья, который обычно поднимается на гарях да на вырубках прошлых лет, местами возвышались ели и пихты – сучья снизу доверху, да валить некуда – поросль вокруг. Если такое дерево и повалишь, то опять незнамо, как подступиться к нему: на сучьях оно, как на ногах, держится. Хлыст же из него конусный, а масса замеряется по диаметру в отрезе, что крайне невыгодно в учете. Бревна должны были вывозиться к реке для сплава, но зачастую они оставались на годы, а иногда и совсем не вывозились»¹⁴⁹.

Помимо этого, в условиях преобладания сплавного способа транспортировки леса древесные отходы не находили применения, что вело к нерациональному использованию ресурсов. По расчетам специалистов при планировании второго пятилетнего плана, при общем объеме лесозаготовок в Уральском регионе в 70 млн. ф. м, количество древесных отходов должно было составить примерно 20 млн. ф. м. С остававшимися на лесосеках пнями и сучьями объем древесных отходов увеличивался еще на 6 млн. ф. м¹⁵⁰. То есть более трети объема заготавливавшейся древесины, необходимой в народном хозяйстве страны, оставалось на лесосеках. Процент переработки древесных отходов, пней и сучьев был невысоким ввиду слабых кооперационных связей между трестами, необходимости выполнения и перевыполнения плановых заданий. Тем самым снижался и без того низкий, по

¹⁴⁷ Некрасов П. Указ. соч. С. 122–124.

¹⁴⁸ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 93.

¹⁴⁹ Твардовский И. Т. Указ. соч. С. 90, 94.

¹⁵⁰ Тарасевич В. Лесное хозяйство в системе Урало-Кузнецкого комбината... С. 44.

сравнению с развитыми государствами с ведущей ролью лесопромышленного комплекса в экономике, показатель съема древесины с гектара лесопокрытой площади. В середине 1930-х гг. целлюлозно-бумажные предприятия Наркомлеса СССР теряли в среднем 15–20 % древесной массы на укоре балансовой древесины или 1,5 млн. м³ стоимостью 35 млн. руб.¹⁵¹

Большое влияние на развитие лесопромышленного комплекса оказали реформы управления отраслью. Государственную политику в области лесозаготовки проводил образованный в январе 1932 г. Наркомлес СССР после передачи ему полномочий и предприятий «Главлеспромом» Высшего совета народного хозяйства (далее везде – ВСНХ), действовавшим в 1931 г., образованным на основе Всесоюзного объединения «Союзлеспром» (создано в сентябре 1930 г.). Лесозаготовительными работами ведал «Союзлесзаг», в Уральском регионе – «Главвостлес». Непосредственными лесозаготовителями стали леспромхозы, которые подчинялись трестам. Механической обработкой древесины ведал «Союзлесдрев». В Уральском регионе в 1931 г. в результате перестройки управлений «Камураллесобумтреста» и «Ураллеса» было создано государственное объединение лесных трестов «Ураллеспром» в составе трестов «Уралсевлес» (г. Надеждинск), «Уралзападлес» (г. Пермь), «Уралсредлес», «Уралдревлес», «Уралхимлес» (г. Свердловск) (в 1934 г., в связи с новым административно-территориальным районированием Уральской области, произошло переименование трестов). Ряд предприятий, например, лесопильные заводы № 7 и 9 в Тавде, перешли в непосредственное подчинение главного управления лесопильно-деревообрабатывающей промышленности Наркомлеса СССР¹⁵². Производством бумаги и целлюлозы ведал «Главбумпром» (в 1940 г. был образован Народный комиссариат целлюлозно-бумажной промышленности СССР), в восточных регионах страны – «Главвостбумпром».

Реформирование центральных и региональных органов управления лесным хозяйством и лесопромышленным комплексом, пришедшееся на период строительства и реконструкции предприятий отрасли, отрицательно сказывалось на функ-

---

¹⁵¹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.

¹⁵² История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 55, 94, 95.

ционировании производств региона, несмотря на выстраивание строгой иерархии управления. В частности, в начале 1930-х гг. строительные организации не спешили завершать строительные работы на предприятиях, не получив твердых гарантий со стороны вновь образованных органов¹⁵³. Если в 1936 г. в системе Наркомлеса СССР было 43 лесных треста, то в 1940 г. имелось 20 главных управлений, объединявших 99 лесных трестов¹⁵⁴. При этом реальный объем лесозаготовки и вывозки снижался, а годовые планы не выполнялись.

Одному управляющему органу подчинялись предприятия, работавшие в разных природных и организационно-экономических условиях, не связанные между собой хозяйственными, кооперационными, технологическими связями. Комбинированный лесопромышленный комплекс должен был включать в себя лесопильно-деревообрабатывающее, лесобумажное, лесохимическое и металлургическое (в части древесно-угольного) производство. На практике складывались «полукомбинированные» хозяйства, включавшие лесопильно-деревообрабатывающее и лесобумажное производство (как первоначально предлагалось в «Генеральном плане хозяйства Урала»), однако взаимодействие между ними так и не было полностью налажено на протяжении 1930-х гг.

В условиях разделения полномочий в сфере лесозаготовки между лесным хозяйством, лесозаготовительными предприятиями, предприятиями по механической обработке и глубокой переработке древесины, последние не могли управлять процессом поступления древесины на производственные площадки. Это вело к противоречию между заказами предприятий и поставками древесины по сортности, из-за чего возникали экстремальные ситуации, которые приводили к невыполнению планов предприятиями по лесозаготовке, механической обработке и глубокой переработке древесины и их простоям. Например, леспромхозы, расположенные в верхнем течении р. Кама, срывали сроки сплава древесины. В 1931 г. в р. Кама было заморожено 352 тыс. ф. м древесины, в 1932 г. – 763 тыс. ф. м¹⁵⁵. В свою очередь, лесопильные заводы не спешили расплачиваться за поставленную

---

¹⁵³ См. н-р: ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 41.

¹⁵⁴ Советская лесная экономика... С. 367–368.

¹⁵⁵ Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие... С. 35.

древесину с лесозаготовительными организациями, надеясь на поддержку треста, что приводило к напряженным взаимоотношениям между ними¹⁵⁶.

На протяжении 1930-х гг. велся поиск решений, направленных на повышение эффективности функционирования предприятий лесопромышленного комплекса. Из-за неудовлетворительной работы предприятия могли передаваться из одного треста в другой, что произошло, к примеру, с Черноярским ЛЗ в 1931 г. (его передали лесозаготовительному тресту «Уралсевлес» для улучшения сбыта продукции)¹⁵⁷. Попытка объединения Лобвинского ЛЗ с одноименным леспромхозом в 1936 г. в лесокомбинат не принесла ожидаемых результатов¹⁵⁸. В поле зрения руководства комбината оказывались нарушения леспромхоза, для которого, использовавшего, главным образом, принудительный труд спецпереселенцев, было характерно стремление завышать результаты своей деятельности для выполнения плана. Леспромхоз все же сохранил функции управления движением древесины до ее поступления на площадки Лобвинского ЛК.

Неудовлетворительным оставалось взаимодействие предприятий, трестов и главков лесопромышленного комплекса с другими отраслевыми ведомствами. Система распределения ресурсов, сложившаяся в 1930-х гг. в СССР, не учитывала объективно потребностей разных отраслей и отдельных предприятий. В условиях разделения органов управления производством все сильнее проявлялась «тенденция отдавать в вопросах снабжения предпочтение «своим» предприятиям перед предприятиями, подчиненными другим ведомствам»¹⁵⁹. К примеру, газета «Лесная промышленность» сообщала, что на 1937 г. Госплан отпустил «Главлесдреву» для цеха деревянных труб Лобвинского ЛК фонд металлической арматуры в 4 тыс. т. Но «Главлесдрев» из этого лимита выделил только 1,3 тыс. т. Еще в 1936 г. Лобвинский ЛК из-за отсутствия материалов был вынужден отказаться от выполнения заказов 18 организаций¹⁶⁰.

---

¹⁵⁶ См. н-р: АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

¹⁵⁷ ГАСО. Ф. р-1518. Д. 7. Л. 69.

¹⁵⁸ История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 83–84.

¹⁵⁹ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 203.

¹⁶⁰ Могильщики деревянных трубопроводов // Лесная промышленность. 1937. 3 июля. С. 3.

Часть ресурсов, и порой существенная, могла не доходить до предприятий, из-за чего руководители подключали личные связи, чтобы удовлетворить потребности в необходимых материалах. Руководители треста, в состав которого входил Лобвинский ЛК, в январе 1937 г. пытались отказаться от выполнения заказа по изготовлению крупнейшей в мире деревянной трубы диаметром 5,4 м для Сходненской электростанции канала Волга-Москва, мотивируя отказ отсутствием подходящей древесины. Только под нажимом представителя «сталинской стройки» руководство треста изыскало необходимые материалы, труба была изготовлена, а работники предприятия получили премии¹⁶¹.

В условиях индустриализации использование труда спецпереселенцев и заключенных оказало важное влияние на развитие лесопромышленного комплекса Уральского региона. Авторы, исследовавшие репрессивную политику Советского государства, отмечали, что «труд заключенных был наиболее дешевым и производительным, давал огромную прибыль стране»¹⁶², «являлся одним из системообразующих факторов, позволявшим советской экономике длительное время достаточно эффективно развиваться экстенсивным путем»¹⁶³. Необходимость применения труда спецпереселенцев в лесной промышленности была вызвана возросшими потребностями в древесине и невозможностью сформировать стабильные производственные коллективы. Как отмечал А. Б. Суслов, «мобилизационные возможности использования труда заключенных и спецпереселенцев позволяли региональным партийным и хозяйственным руководителям выполнять спускаемые «сверху» хозяйственные задания, что при иных обстоятельствах было бы затруднительно»¹⁶⁴.

Для упорядочения трудового использования спецпереселенцев была введена система договоров региональных органов и органов НКВД с хозяйственными организациями, которым запрещалось перебрасывать спецпереселенцев с одного

---

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Сосновских С. В. А. В. Бакунин о месте репрессий в системе советского тоталитаризма // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Мат. VIII всерос. науч. конф. В 2 тт. Т. 2. Екатеринбург, 2007. С. 238.

¹⁶³ Токмянина С. В. Роль уральских лагерей лесной промышленности в развитии лесозаготовительной отрасли Урала в 1945–1952 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Мат. VI всерос. науч. конф. В 2 тт. Т. 2. Екатеринбург, 2004. С. 302.

¹⁶⁴ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области... С. 27.

вида работ на другой, передавать их прочим организациям, необходимо было обеспечить членов семей спецпереселенцев вспомогательными работами, предоставить жилье, земельные участки под огороды и оказать помощь в приобретении семян¹⁶⁵. Труд спецпереселенцев активно использовался на лесозаготовках. Такие леспромхозы, как Гаринский, Сосьвинский, Тавдинский, Таборинский, Лобвинский, Кизеловский, Верх-Яйвенский, были почти полностью укомплектованы за счет спецпереселенцев¹⁶⁶.

Эффективность труда спецпереселенцев оказалась невысокой, что отрицательно сказывалось на обеспечении лесом предприятий. Этому был ряд причин: трудовое использование предполагало охват спецпереселенцев обоих полов с широким возрастным диапазоном (от 12–14 лет) и более продолжительным рабочим днем (10–14 часов), чем у «вольнорабочих», поэтому имелся высокий уровень болезней, травм, смертей, побегов¹⁶⁷; неприиспособленность и физическая слабость спецпереселенцев к выполнению всего цикла лесозаготовительных работ; статус спецпереселенца, его временность, труд, не свободно избранный, подрывали интерес к работе, инициативность¹⁶⁸; высокие нормы выработки, выполнить которые было нереально (в среднем, по подсчетам Н. А. Ивницкого, на рубке леса нормы выработки выполнялись на 65–75 %, на вывозке – на 55 %) из-за плохого обеспечения спецпереселенцев верхней одеждой и обувью, неудовлетворительного снабжения и жилищных условий¹⁶⁹; нередко издевательское отношение со стороны «местных» работников, руководивших трудовым использованием спецпереселенцев¹⁷⁰; подвижность созданной поселенческой сети, ориентированной на выполнение производственных задач (по разработке лесной базы контингент ссыльных передислоцировался в новый район лесозаготовки).

С конца 1930-х гг. важную роль в освоении лесных ресурсов Уральского региона сыграли исправительно-трудовые лагеря. Во второй половине 1937 г. в составе

¹⁶⁵ См. н-р: Политические репрессии в Прикамье... С. 93–94.

¹⁶⁶ Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 203; История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 66.

¹⁶⁷ См. н-р: Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 969–970.

¹⁶⁸ См. н-р: Твардовский И. Т. Указ. соч. С. 73–75, 89, 92.

¹⁶⁹ Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 194, 200–201.

¹⁷⁰ См. н-р: Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ... С. 149; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 686, 969–970.

ГУЛАГа был образован лесной отдел, в 1939 г. он выделился в Управление лесной промышленности НКВД СССР¹⁷¹. 28 мая 1938 г. был создан целлюлозно-бумажный отдел, на который были возложены функции строительства и эксплуатации предприятий целлюлозно-бумажной отрасли¹⁷².

В 1937 г. в Уральском регионе начали функционировать несколько исправительно-трудовых лагерей для обеспечения ряда отраслей промышленности древесиной и пилопродукцией. «Севураллаг», «Ивдельлаг», «Усоллаг» приняли в свое ведение имущество и материальную базу леспромхозов, не справлявшихся с плановыми показателями. В объяснительной записке к сводному отчету ГУЛАГа по лесным лагерям за 1938 г. отмечалось, что принятые от леспромхозов хозяйства в подавляющем большинстве находились в запущенном состоянии¹⁷³. В частности, «Севураллаг» «только со второй половины 1938 г. принял целиком бывшее хозяйство треста «Севураллес», испытывал недостаток рабочей силы, перебои в снабжении материалами, оборудованием и запчастями, наличного конского состава было 62 %¹⁷⁴. НКВД поручалось строительство крупных предприятий лесопромышленного комплекса, таких, как Соликамский ЦБК, переданный ведомству 17 мая 1938 г. из-за низкой эффективности работ по возведению производственных объектов¹⁷⁵.

Участие исправительно-трудовых лагерей в лесоэксплуатации не решало проблемы невыполнения производственных планов. Эффективность функционирования лагерей была примерно на одном уровне с трестами и предприятиями Наркомлеса СССР. Так, в 1938 г. «Севураллагу» по принятой от «Севураллеса» программе было предусмотрено заготовить 62 % деловой и 31 % дровяной древесины, а лесосечный фонд по наличию имел деловой древесины 49 % и дровяной – 51 %. Лагерь столкнулся с противоречиями между состоянием лесосечного фонда и содержанием производственной программы. В 1938 г. «Севураллаг»

---

¹⁷¹ Белых Н. Ю. Указ. соч. С. 18.

¹⁷² Рассказов Л. П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история: Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 290.

¹⁷³ Советская лесная экономика... С. 330.

¹⁷⁴ Там же, с. 331, 332.

¹⁷⁵ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области... С. 83.

заготовил – 2,69 млн. ф. м (92,7 % к плану) – самый большой объем лесозаготовок среди 16 лесных лагерей ГУЛАГа¹⁷⁶, в 1940 г. – 2,25 млн. ф. м древесины¹⁷⁷.

Существенными были убытки от деятельности лагерей. В частности, 1938 г. «Ивдельлаг» закончил с убытком 10,64 млн. руб., «Севераллаг» – 20,56 млн. руб. (всего по лесным лагерям – около 124 млн. руб.), в том числе суммы «растрат, хищений и промотов» составили по «Севераллагу» 714 тыс. руб., по «Ивдельлагу» – 657 тыс. руб. (по лесным лагерям – 9,4 млн. руб.)¹⁷⁸

С. А. Шевырин, проведя анализ эффективности труда заключенных, занятых в основном на лесозаготовках (без учета спецпереселенцев) в Предуралье, сделал вывод, что «эффективность труда с 1929 по 1955 гг. не росла, даже при значительном увеличении числа механизмов»¹⁷⁹. Скорее всего, передача ГУЛАГу лесных баз и строившихся предприятий была связана с мобилизационными возможностями контингента заключенных, который можно было перебрасывать с одного производственного участка на другой, максимально эксплуатировать, к тому же практически полностью исключалась такая проблема, как текучесть рабочей силы.

Таким образом, в изучаемый период лесопромышленный комплекс Уральского региона существенно увеличил свой потенциал (Приложение 6, 7, 8, 9). Удельный вес отрасли в СССР в разных видах лесопромышленной деятельности был высоким. В 1928–1932 гг. предприятия комплекса (включая «районную промышленность») заготавливали 13–14 % древесины в стране, опережая по объемам заготовок леса регионы с развитой лесной промышленностью: Северный и Горьковский края, Ленинградскую область¹⁸⁰ (хотя удельный вес предприятий Наркомлеса СССР в лесозаготовках на протяжении 1930-х гг. был не выше 18 %, уступал Народному комиссариату черной металлургии¹⁸¹). По объему заготовок и вывозки древесины Уральский регион в 1940 г. занял третье место в СССР¹⁸². Доля Ураль-

¹⁷⁶ Советская лесная экономика... С. 331, 332.

¹⁷⁷ Кириллов В. М. Страницы истории среднеуральских «островов» ГУЛАГа... С. 88–89.

¹⁷⁸ Советская лесная экономика... С. 335, 336.

¹⁷⁹ Шевырин С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях... С. 17.

¹⁸⁰ Петров Б. С. Указ. соч. С. 70.

¹⁸¹ Там же, с. 75.

¹⁸² Там же, с. 74.

ского региона в СССР в производстве лесоматериалов за 1928–1940 гг. увеличилась с 1,9 до 11,1 %¹⁸³ (Таблица 4), в первую очередь, за счет строительства Наркомлесом СССР крупных предприятий. Больше лесоматериалов производилось в 1933 г. в Центральном районе, Северном крае, Северо-Западном районе и Поволжье, в 1940 г. – в Центральном районе и Северном крае. Удельный вес целлюлозно-бумажной отрасли Урала в СССР в 1940 г. составлял 18,6 %, тогда как в 1931 г. – только 2,7 %. В 1937 г. выпуск бумаги на новых предприятиях региона равнялся 23 %, целлюлозы – 33 % от вновь введенных мощностей в стране¹⁸⁴.

Таблица 4.

Удельный вес лесопромышленного комплекса Уральского региона в СССР в разных видах лесопромышленной деятельности (%)

Год	1926/ 1927	1928/ 1929	1932	1937	1940
Заготовка древесины*	Н. с.	14,1	13,8	Н. с.	Н. с.
Заготовка деловой древесины*	Н. с.	Н. с.	9,52	11,46	Н. с.
Заготовка дровяной древесины*	Н. с.	Н. с.	13,16	14,11	Н. с.
Производство пиломатериалов*	Н. с.	Н. с.	4,15	4,59	Н. с.
Производство пиломатериалов**	1,9	Н. с.	8,9***	9,5	11,1
Производство бумаги**	Н. с.	Н. с.	2,8****	Н. с.	18,6

* Включая «районную промышленность».

** Без «районной промышленности».

*** В 1933 г.

**** В 1931 г.

Составлено по: Бумажная промышленность... С. 507, 509; История индустриализации Урала: док. и мат. 1933–1937... С. 40; Петров Б. С. Указ. соч. С. 70, 76, 86–87, 94, 97; Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие... С. 28, 29.

Здесь мы отметим два важных момента, которые характеризуют особенности функционирования лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930-х гг. Во-первых, значительной была доля дровяной древесины в общем объеме ле-

¹⁸³ Там же, с. 86–87.

¹⁸⁴ Беделъ А. Э. Указ. соч. С. 17.

созаготовок (Приложение 10). Это было связано с наличием большого числа металлургических предприятий, для которых древесина являлась на протяжении многих столетий наиболее доступным видом топлива. Доля дровяной древесины, заготавливавшейся в конце 1920-х–1930-х гг. лесозаготовительными организациями металлургических трестов была преобладающей. Это сдерживало увеличение объемов производства продукции механической обработки и глубокой переработки древесины.

М. Е. Ткаченко отмечал, до Великой Отечественной войны «древесина первоклассных технических качеств часто шла на дрова для углежжения, использование отходов не было налажено»¹⁸⁵. Даже в конце 1940-х гг. специалисты указывали, что «при правильной организации лесозаготовки на Урале, несмотря на наличие больших массивов перестойного фаутного леса, деловая древесина должна была составлять, как минимум 2/3, а дрова – 1/3 общей массы заготовленной древесины»¹⁸⁶.

Во-вторых, на лесопильных заводах Уральского региона (включая «районную промышленность») к концу 1930-х гг. было установлено 11,7 % пилорам в стране, которые производили (данные 1938 г.) 9,2 % пиломатериалов. Если в среднем на одной пилораме в стране производилось 6079 м³ пиломатериалов, то в Уральском регионе – 4537 м³¹⁸⁷. Это было связано с наличием большого числа мелких предприятий «районной промышленности», которые функционировали несколько месяцев в году, по мере необходимости, а также недостаточной загруженностью пилорам сырьем.

В Уральском регионе наметилась специализация областей в лесопромышленной деятельности. Если Свердловская область лидировала по производству продукции механической обработки древесины, то Пермская (Молотовская) – глубокой переработки древесины (там выпускалось около 80 % бумаги, 85 % целлюлозы). Это было связано с административно-территориальной реформой и выделением зон лесов. 15,6 млн. га лесопокрытой площади бывшей Уральской

---

¹⁸⁵ Ткаченко М. Е. Указ. соч. С. 4.

¹⁸⁶ Горчаковский П. Указ. соч. С. 76–77.

¹⁸⁷ Петров Б. С. Указ. соч. С. 103.

области отнесли к лесопромышленной зоне, причем 13 млн. га было в Свердловской области. 16,1 млн. га лесопокрытой площади отнесли к водоохранной зоне, из которых 12,4 млн. га оказалось в Пермской области¹⁸⁸.

Данные результаты в развитии лесопромышленного комплекса Уральского региона были достигнуты за счет сочетания новых подходов к лесозэксплуатации, индустриализационных преобразований в тех переделах отрасли, где без механизации нельзя было обойтись, и принудительного труда десятков тысяч спецпереселенцев и заключенных. Следствием стало то, что возможности экстенсивной лесозэксплуатации были исчерпаны в конце 1940-х гг. Это способствовало углублению кризиса в лесном комплексе Урала, как и страны, во второй половине XX в. Причину такого положения Е. А. Шварц и С. В. Починков видят в том, что, начиная с 1930-х гг., неверно планировался и завышался объем лесозаготовок, а реальная экономическая эффективность лесохозяйственных мероприятий не просчитывалась¹⁸⁹.

О. А. Неволин указывал, что с конца 1920-х гг. «начался пересмотр главного принципа лесоустройства – постоянства (непрерывности) и равномерности пользования лесами, в результате чего за несколько десятилетий были истреблены лучшие хвойные, в особенности сосновые, северные леса, подорваны основы лесопиления и лесозэкспорта, поставлены в тяжелые условия обеспечения сырьем целлюлозно-бумажные комбинаты»¹⁹⁰.

А. А. Антуфьев называл одной из основных причин неудовлетворительного состояния лесозэксплуатации в Уральском регионе наличие большого числа ведомств, занимавшихся лесозаготовками¹⁹¹.

В 1930-х гг. в Уральском регионе объем заготовленной древесины резко возрос, а районы лесозаготовок все более отдалялись от предприятий. Все эти факторы способствовали снижению эффективности лесозэксплуатации и деятельности предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона.

---

¹⁸⁸ Горчаковский П. Указ. соч. С. 74.

¹⁸⁹ Шварц Е. А. Указ. соч. С. 6.

¹⁹⁰ Неволин О. А. Указ. соч. С. 539, 540–541.

¹⁹¹ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 63.

1. 3. Трансформация технологии, техники лесозаготовки и производственной инфраструктуры предприятий

Формирование лесопромышленного комплекса Уральского региона, способного производить качественную продукцию для обеспечения потребностей страны и реализации ее за границу, потребовало существенного совершенствования технологии и техники лесозаготовки и производственной инфраструктуры предприятий. В конце 1920-х – 1930-х гг. на предприятиях внедрялась цеховая структура производства, использовались новаторские приемы в улучшении техники и технологии лесопромышленной деятельности и производственной инфраструктуры. Что касается леспромхозов, то использование ими принудительного труда обусловило низкий уровень механизации работ и примитивную производственную инфраструктуру.

Рассмотрим особенности размещения, строительства, модернизации и производственной инфраструктуры ряда предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины. Одной из наиболее крупных строек в Северном Зауралье стал Лобвинский ЛЗ (с 1936 г. – Лобвинский ЛК). 26 ноября 1929 г. Президиум ВСНХ РСФСР признал необходимым на территории сгоревшего несколько недель ранее завода построить предприятие на восемь рам мощностью 208 тыс. м³ пиломатериалов к 1 мая 1930 г.¹⁹² Естественно, что за шесть месяцев зимнего и весеннего периодов года построить завод с нуля было нереально. Первый лесопильный цех был сдан в эксплуатацию в сентябре 1930 г., а на полную мощность завод заработал к концу 1931 г. Основная масса древесины сплавливалась по р. Лобва благодаря созданной Лобвинским ЛПХ сети спецпоселков. Древесина скапливалась в двух гаванях, откуда после обмывки в бассейне поступала на сортировку и далее в лесопильный, деревообрабатывающий, трубный цехи. Готовая продукция складировалась в районе железнодорожных путей, где происходила погрузка в вагоны. Во второй половине 1930-х гг. предприятие освоило прием древесины по железной дороге от исправительно-трудовых лагерей. Лобвинский ЛК в 1930-х гг. был единственным среди предприятий треста «Свердлесдрев», имевшим свое

---

¹⁹² Гордин А. А. Указ. соч. С. 106, 108.

сушильное хозяйство, состоявшее из 13 камер. Во второстепенных производственных процессах использовалось ежегодно до 40 тыс. м³ древесных отходов¹⁹³.

После постройки железной дороги Екатеринбург-Тавда началось освоение лесных ресурсов Восточного Зауралья. В 1916 г. в Тавде был построен двухрамный лесопильный завод, в 1928 г. – четырехрамный, в 1932 г. – восьмирамный. В 1932 г. эти предприятия были объединены в Тавдинский ЛК, который стал одним из крупных предприятий лесопромышленного комплекса страны. На территории комбината были построены лыжная фабрика, деревообделочный цех, утильцех, электростанция, механическая мастерская и другие вспомогательные производства¹⁹⁴. Все основные работы были механизированы. Завод имел амбарные лесотаски, сбрасыватели бревен, автоматические комлевые тележки с механической тягой¹⁹⁵. Сырье (более 2 млн. м³ ежегодно) предприятие получало сплавом по р. Тавда, Лозьва, Сосьва и их притокам. Наибольший объем пиломатериалов, 484,5 тыс. м³, был произведен в 1937 г.¹⁹⁶

На Верхотурском ЛЗ до 1931 г. функционировала одна пилорама старого типа «Брамлей» с производительностью 7–10 тыс. м³ в год¹⁹⁷. В 1931–1932 гг. была проведена капитальная реконструкция предприятия – построены здания лесопильного цеха и машинного отделения, а также эстакада по отвозке готовой продукции от лесопильного цеха. В 1931 г. в лесопильном цехе были две пилорамы, обрезной и торцовочный станки, две тележки «Болиндер дор Геркулес», механизированные расклинивающие ножи и подвижные рамки. В машинном отделении были пущены локомобили «Вольф» мощностью 345 л. с. (работал на главную трансмиссию) и «Маршалль» мощностью 35 л. с. (использовался для производства пара на отопление, в редких случаях – на освещение)¹⁹⁸. В 1936 г. посредством устройства эстакады был механизирован процесс погрузки пиломатериалов. Между лесопильным цехом и гаванью для вторичной обмывки сплавляемых по р.

¹⁹³ История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 100.

¹⁹⁴ Петров Б. С. Указ. соч. С. 50, 81.

¹⁹⁵ Воронин Д. И. Указ. соч. С. 8.

¹⁹⁶ История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 98–99.

¹⁹⁷ Фабрики и заводы Уральской области: 1927–1928 год. Свердловск, 1930. С. 66.

¹⁹⁸ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

Тура бревен был вырыт бассейн, откуда сырье подавалось в лесопильный цех корпусной лесотаской¹⁹⁹.

В Северном Зауралье летом 1932 г. началось возведение Сосьвинского ДОКа треста «Уралдревлес». Постановлением исполкома Уральской области и Наркомлеса СССР строительство было отнесено к числу сверхударных строек и должно было завершиться к 1 октября 1933 г. (комбинат должен был поставлять пиломатериалы Нижнетагильскому вагоностроительному комбинату). Однако уже летом 1932 г. руководство строительства отмечало опоздание подготовительных работ на четыре месяца. Проект не был получен вовремя, площадка под строительство выбиралась длительное время²⁰⁰. На строительной площадке сразу было начато сооружение лесопилки, кирпичного завода, столярной, кузнечной и механической мастерских²⁰¹. Основная доля оборудования на комбинате была отечественного производства. Часть его была получена от других предприятий²⁰².

Строительство комбината происходило с перебоями, с 1 сентября 1935 г. оно было приостановлено и возобновилось в прежних объемах только с начала 1937 г. Объемы поступления оборудования всегда отставали от темпов строительных работ и сдачи в эксплуатацию производственных объектов. Сосьвинский ДОК, перешедший в ведение «Главтрансмаша», был сдан в эксплуатацию в апреле 1937 г. и стал производить пиломатериалы для вагоностроения, вагонные детали, оконные переплеты, двери, ширококолейные шпалы²⁰³. Тем не менее, в 1938–1939 гг. продолжалось строительство биржи бревен, рейда, центральной электростанции, водопровода, жилых домов, столовой и других объектов²⁰⁴. В середине 1938 г. управление Сосьвинского ДОКа было разделено на «Сосьвострой» и завод деревообработки²⁰⁵, а в конце 1939 г. комбинат стал полностью самостоятельным предприятием в системе «Главтрансмаша». Управление строительством было пе-

---

¹⁹⁹ Там же. Л. 13.

²⁰⁰ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 5; Д. 5. Л. 104.

²⁰¹ Там же. Д. 1. Л. 6.

²⁰² См. н-р: Там же. Л. 34.

²⁰³ Там же. Д. 13. Л. 15/об., 38.

²⁰⁴ Там же. Д. 10. Л. 1.

²⁰⁵ Там же, д. 9. Л. 1об.–2.

редано в систему «Главуралстроя»²⁰⁶. На 1 января 1940 г. цеха комбината были оснащены семью металлообрабатывающими станками, четырьмя пилорамами, 12 пилами, более чем 10 деревообрабатывающими станками, 12 транспортерами²⁰⁷.

В Северном Зауралье был реконструирован Новолялинский ЦБК. В 1930–1933 гг. на предприятии с помощью специалистов немецкой фирмы-поставщика была установлена бумагоделательная машина «Фюльнер», реконструирована бумагоделательная машина американской фирмы «Пуссей-Джонс», функционировавшая еще с 1914 г.²⁰⁸ В 1934 г. здесь вступил в строй первый в СССР цех по производству многослойных мешков на два потока (в 1940 г. был введен в строй третий поток, а объем производства бумажных мешков вырос до 32,2 млн. шт. в год). С 1933 по 1936 гг. на комбинате производились деревянные трубы, однако после реконструкции цеха (в связи со снижением спроса на данный вид продукции) предприятие перепрофилировалось на выпуск строительных деталей из дерева (для брусковых и щитовых домов, оконных рам, дверных полотен, силосных башен, деревянной тары)²⁰⁹.

Оснащение новым оборудованием Новолялинского ЦБК, как и других предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона, сопровождалось различными проблемами. В фондах Новолялинского краеведческого музея сохранилась переписка между руководством комбината и объединением «Союзбумага» по поводу установки турбогенератора немецкой фирмы «Сименс-Шуккерт». 6 августа 1931 г. инженер организации-поставщика «Котлотурбина» выявил восемь недостающих частей турбогенератора и посоветовал изготовить их на предприятии. Вместо этого специалисты комбината стали настаивать на доставке деталей из Германии. На 4 декабря 1931 г., когда исполняющий обязанности инженера предприятия писал о недостающей соединительной муфте между турбиной и генератором, агрегат не был введен в эксплуатацию. Спустя 12 дней от «Союзбумаги» пришел ответ (это было уже второго письмо с подобным замечанием) о необ-

²⁰⁶ Там же, л. 64, 64об.

²⁰⁷ Там же, д. 13. Л. 31.

²⁰⁸ Чашихин В. С. Указ. соч.

²⁰⁹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 78; Ботяновская В. В. История Новолялинского целлюлозно-бумажного комбината. Новая Ляля, 1983. С. 3; Кожевников М. А. Целлюлозно-бумажный комбинат. История. Новая Ляля, 1978. С. 90; Чашихин В. С. Указ. соч.

ходимости изготовить детали в СССР в связи с невозможностью отправить заказ в Германию²¹⁰. Данная переписка наглядно демонстрирует зависимость действий руководства комбината от советов вышестоящей инстанции. Без ее согласия и помощи ни один серьезный вопрос не мог быть эффективно решен, и, в частности, пуск в эксплуатацию турбогенератора затянулся почти на год.

В Предуралье в 1930-х гг. были построены крупнейшие в СССР целлюлозно-бумажные комбинаты: Камский и Вишерский. Строительство Камского ЦБК было утверждено ВСНХ СССР в июле 1929 г. Строительные работы на площадке на правом берегу р. Кама несколько ниже по ее течению от г. Пермь начались с лета 1930 г. Первая очередь комбината вступила в строй только в феврале 1936 г. Основное технологическое оборудование – варочные котлы, дефибреры, бумагоделательные машины – изготовлялось на заводах Ленинграда, Николаева и др. городов²¹¹. В период строительства предприятия за рубежом и, как следствие, в СССР, происходила смена подходов в лесозэксплуатации, прежде всего, из-за развития машиностроения. Были случаи, когда строившемуся комбинату приходилось отказываться от заказанного оборудования. Так, в 1933 г. руководство предприятия заказало у отечественных производителей оборудование для транспортировки древесины водным способом на сумму 962 тыс. руб. Из-за изменения технологии транспортировки от заказа отказались. Однако, поскольку часть суммы была оплачена, и ряд агрегатов поступил на строительную площадку комбината, было решено дождаться выполнения заказа и передать оборудование другим предприятиям²¹².

Темпы оснащения комбината оборудованием, строительства теплоэлектроцентрали существенно отставали от возведения производственных корпусов. Если, по состоянию на 1 декабря 1933 г., общая готовность объектов по физическому объему работ составляла 77 % к плану, то строительство теплоэлектроцентрали отставало на полтора года²¹³. Только в 1936 г. были пущены бумагоделательные машины № 1 и 2, теплоэлектроцентраль, древесно-массный цех. Даже после офи-

²¹⁰ Новолялинский краеведческий музей. Ф. 1.

²¹¹ Тиунов В. Указ. соч. С. 72.

²¹² ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 205.

²¹³ Тиунов В. Указ. соч. С. 110–111.

циальной сдачи в эксплуатацию Камский ЦБК не мог работать на полную мощность – не хватало электроэнергии и пара (цеха долгое время простаивали), не был достроен кислотный цех, из-за чего не функционировали две машины для производства целлюлозы, монтировались еще несколько бумагоделательных машин, часто менялось руководство предприятия, а взаимодействие между комбинатом и «Главцеллюлозой» не было налажено должным образом²¹⁴. Предприятие на протяжении второй половины 1930-х гг. выполняло производственные планы только на 50–60 %²¹⁵. Полное окончание строительства Камского ЦБК указывалось в качестве одной из задач в решениях и XVII (1934 г.), и XVIII (1939 г.) съездов ВКП (б)²¹⁶, однако Наркомлес СССР не планировал сдачу объекта даже в 1940 г.²¹⁷

Другой гигант передела глубокой переработки древесины – Вишерский ЦБК. Лесные базы Предуралья имели большие запасы ели – основного сырья для выработки целлюлозы. Особая чистота р. Вишера (необходимое технологическое условие для производства бумаг высших сортов) также явилась важным фактором для выбора места постройки комбината. Вишерский ЦБК возводился с апреля 1930 г. по октябрь 1931 г. (вместо планируемого срока – до лета 1932 г.). Комбинат, помимо основных цехов, имел большое число вспомогательных подразделений. В мае 1930 г. начались постройка фундамента корпусов варочного цеха, механического завода, литейной, древесного отделения и работы по закладке фундаментов рольного корпуса и зала бумажных машин. С августа развернулось строительство корпусов паросиловой, котельной и машинного отделения. К концу лета были закончены корпуса механического завода, древесного отделения и варочного цеха. Зимой была произведена дальнейшая работа по постройке зала бумажных машин, отделочного и шлифовального корпусов, а также закончена постройка паросиловой, питательного корпуса, кислотного отделения и сжежи. Весной 1931 г. были закончены отделочный и трансформаторный цехи, отделы рольного корпуса, а также хлорное отделение. Летом была построена паккаме-

²¹⁴ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 136. Л. 23.

²¹⁵ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 8. Л. 58.

²¹⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... С. 758, 902.

²¹⁷ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 136. Л. 34.

ра²¹⁸. Оборудование на Вишерском ЦБК было немецким (например, бумагоделательную машину произвела фирма «Фюльнер-Верк»)²¹⁹. Высокие темпы строительства были обусловлены активным использованием труда заключенных благодаря, как отмечал А. Б. Сулов, «концентрации сравнительно большого спецконтингента на объектах наряду с использованием новой управленческой модели» (Э. П. Берзин, начальник отдела Вишерских химических заводов при ГУЛАГе ОГПУ, сконцентрировал в одних руках управление строительством и лагерем)²²⁰. Однако комбинат достиг и превзошел проектную мощность только в 1936 г.²²¹

Рядом с Камским ЦБК во второй половине 1930-х гг. была построена Краснокамская БФ «Гознак» (в «Гознак» входили также Московская и Ленинградская бумажные фабрики) для производства бумаги высокого качества. Она была оснащена самым современным на тот период оборудованием, которое, однако, эксплуатировалось крайне неудовлетворительно. Имелся большой процент брака и низкий процент выхода первосортной бумаги²²². К примеру, в конце 1938 г. фабрика изготовила бумагу меццо-тинто для экспозиции СССР на Нью-Йоркской выставке, которая оказалась некачественной²²³. И в 1940 г. коллектив предприятия не смог выполнить плановые задания по выпуску специальной и высокосортной бумаги²²⁴, равно как и план по реализации продукции (на 11 декабря 1940 г. на складе оставалось свыше 2000 т неотгруженной потребителям бумаги стоимостью 5,25 млн. руб.)²²⁵.

Масштабы мероприятий по модернизации и развитию производственной инфраструктуры в переделе заготовки древесины были незначительными. Причиной этому было использование предприятиями принудительного труда спецпереселенцев и заключенных, «сезонных» рабочих. В то же время отсутствие стабильных производственных коллективов, необходимость увеличения объема лесозаго-

²¹⁸ Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат... С. 665.

²¹⁹ Там же, с. 663–664.

²²⁰ Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермской области... С. 35.

²²¹ Лесная индустрия Прикамья... С. 193.

²²² ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

²²³ Там же, л. 10.

²²⁴ Там же, д. 7. Л. 54.

²²⁵ Там же, л. 250.

товок заставляли заводы и хозяйственные организации проводить механизацию на отдельных участках работ.

На валке леса в 1930-х гг. использовали двуручные пилы. Только в 15 ноября 1938 г. постановлением СНК СССР и центрального комитета ВКП (б) было принято решение полностью перейти на лучковые пилы в следующем году и организовать серийное производство бензомоторных и электрических пил²²⁶. Хотя еще в 1934 г. машиностроительный завод им. Дзержинского в Перми начал освоение бензомоторных пил, которые использовались и в уральских леспромпхозах. До 1941 г. завод изготовил их более 7000 шт.²²⁷ Однако А. А. Антуфьев отмечал, что в 1940 г. «валка и раскряжевка леса велась в основном лучковыми пилами и только на 10–15 % – бензомоторными и электрическими»²²⁸. Мы согласны с мнением исследователя, что низкий процент механизации лесозаготовительных работ был связан с конструкционными недоработками пил, их низким качеством, дефицитом запчастей, необходимостью тщательного ухода и хранения, низкой квалификацией механиков.

Существенная доля работ по заготовке и вывозке древесины выполнялась вручную и с помощью гужевого транспорта. На протяжении 1930-х гг. постепенно возрастал уровень механизированной трелевки и вывозки леса. Для погрузки древесины на лесосеках использовались конные и тракторные деррики, для погрузки в железнодорожные вагоны – элеваторы²²⁹. На заготовке и вывозке леса в начале 1930-х гг. стали работать тракторы, сначала импортные «Клетрак», «Катерпиллер», несколько позднее – отечественные «Коммунар» и «Сталинец-60»²³⁰. Тяжелые гусеничные тракторы в небольших объемах вывозили древесину по одноколейным «тракторно-рельсовым дорогам» с лежнями, покрытыми металлическими пластинами. Колея была узкой (0,5 м) и трактор как бы «седлал» путь. Незначительная доля древесины вывозилась с помощью автомобилей.

²²⁶ Советская лесная экономика... С. 324.

²²⁷ Тиунов В. Указ. соч. С. 101, 125.

²²⁸ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 62.

²²⁹ Глузман В. Л. Указ. соч. С. 7

²³⁰ История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 57.

С появлением узкоколейных железных дорог на вывозке леса появились мото-возы и паровозы. В Уральском регионе в Танковском лесозаготовительном участке Надеждинского ЛПХ, в начале 1930-х гг. в числе первых получившем тракторы, построили тракторную ледяную дорогу, стали готовить кадры трактористов. В 1934 г. технический руководитель лесоучастка Я. И. Гинзбург сконструировал и испытал однополосные сани, которые стали широко использоваться на лесозаготовках в разных регионах страны. В середине 1930-х гг. на базе части леспромхозов были созданы механизированные лесопункты (в частности, в трест «Свердлес» входили пять леспромхозов и 11 мехлесопунктов²³¹), однако техника использовалась недостаточно и нерационально.

Таким образом, особенности размещения и строительства новых производств, а также реконструкции действовавших, заключались в переносе сроков работ из-за согласования проектов в различных инстанциях, внесении поправок и изменений в проекты, частой смене руководства, что было присуще советской экономике в целом. Так, руководство Наркомлеса в 1933 г., как и на протяжении последующих лет, отмечало, что в области капитального строительства имели место нарушение сроков ввода в эксплуатацию производственных объектов, строительства не были обеспечены утвержденными проектами и сметами, правда, и сами не передавали в народный комиссариат периодическую отчетность. Сроки ввода в эксплуатацию производственных объектов устанавливались произвольно. При этом указывалось, что в случае нарушения плановых сроков ввода в эксплуатацию производственных объектов виновные будут привлекаться к ответственности²³².

В условиях политических репрессий 1937–1938 гг. основные проблемы строительства в системе Наркомлеса СССР (первоочередное строительство подсобных и вспомогательных сооружений, многократное проектирование объектов, перерасход средств, срыв сроков строительства), которые на протяжении 1930-х гг. не были ликвидированы, стали объектом сильной критики со стороны государственных и партийных органов. В 1938 г. из более чем 200 объектов народного комис-

---

²³¹ Там же.

²³² РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 73.

сариата «строились» 137, остальные были законсервированы²³³. На большинстве построенных и официально сданных в эксплуатацию предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона строительство отдельных цехов, зданий, монтаж агрегатов продолжались в последующие годы. Только в 1940-х гг. производства достигли проектных мощностей.

Говоря о технической модернизации и развитии производственной инфраструктуры предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930-х гг., необходимо отметить неравномерность внедрения передового оборудования в цикл лесозаготовки. Если на предприятиях по механической обработке и глубокой переработке древесины механизация работ проводилась практически на одном уровне с предприятиями других отраслевых комплексов (так, в 1940 г. на Урале 91,5 % пилорам были установлены в годы советской власти²³⁴), то в переделе лесозаготовительной деятельности внедрение нового оборудования происходило крайне низкими темпами. Леспромхозы использовали принудительный труд десятков тысяч людей, что обуславливало отсрочку системной технико-технологической модернизации этих предприятий.

---

²³³ Советская лесная экономика... С. 347, 348.

²³⁴ Петров Б. С. Указ. соч. С. 86.

Глава 2. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса

2. 1. Численность, социальный состав и квалификация

Индустриализация потребовала увеличения доли экономически активного населения в промышленности. Как отмечал В. М. Кириллов, «промышленность испытывала дефицит в квалифицированных и дисциплинированных работниках, однако заметный удельный вес тяжелого ручного труда на производствах заставлял ориентироваться на неквалифицированных рабочих»²³⁵, которые, в свою очередь, были заинтересованы в повышении своего социального и профессионального статуса. М. А. Фельдман указывал, что «комплектование рабочих коллективов предприятий лесопромышленного комплекса, с низкими уровнями механизации, заработной платы, фрагментарной социальной защитой, могло быть реализовано только за счет чрезвычайных мер»²³⁶.

На большинстве реконструированных и построенных предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона наблюдался кадровый кризис, который решался разными способами: активным освоением передовых трудосберегающих технологий (усовершенствование производственных процессов, оборудования); мобилизацией трудовых ресурсов на строительство производственных объектов с последующим предоставлением рабочих мест на них; вербовкой (как на постоянное трудоустройство, так и временное, для выполнения сезонных видов работ); «организованным набором рабочей силы» (заключение договоров с колхозами по поставкам определенного количества работников на конкретный период времени); использованием принудительного труда спецпереселенцев и заключенных.

В начале 1930-х гг. произошел существенный рост численности работников, занятых в лесопромышленном комплексе Уральского региона, что вполне соизмеримо с масштабами освоения лесов, строительством новых предприятий и уве-

---

²³⁵ Кириллов В. М. Принудительный труд в контексте мобилизационной экономики // Мобилизационная модель экономики: Исторический опыт России XX в.: Сб. мат. всерос. науч. конф. Челябинск, 2009. С. 332.

²³⁶ Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик): Автореферат дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2001. С. 33.

личением объемов производства продукции механической обработки и глубокой переработки древесины (Таблица 5). Однако доля «постоянных» работников была незначительной²³⁷. Основной объем работ в сфере лесозаготовки выполняли спецпереселенцы, заключенные, сезонные рабочие. А. Ф. Кузнецов отмечал, что доля неквалифицированных рабочих в 1932 г. была высокой – «30 % среди «постоянной» и более 70 % среди сезонной рабочей силы»²³⁸.

Таблица 5.

Численность работников, занятых в лесопромышленном комплексе Уральского региона, чел.

Год	Всего работников	В т. ч. на целлюлозно-бумажных предприятиях	В т. ч. на лесопильно-деревообрабатывающих предприятиях
1928	169500*	1668*	4192*
1931	Н. с.	6600*	
1932	320700*	4722*	16410*
1937	Н. с.	10700	12900

* В границах Уральской области.

Составлено по: Бакунин А. В. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала (1933–1937 гг.) // Рабочий класс Урала в период строительства социализма: Сб. ст. Свердловск, 1982. С. 63; ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 62. Л. 7–8; Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала... С. 95, 108, 114.

За 1933–1937 гг. численность «постоянных» работников увеличилась с 18 до 43 тыс. чел.²³⁹, однако общее количество рабочих к концу 1930-х гг. снизилось. Это было связано с передачей ряда предприятий исправительно-трудовым лагерям, другим ведомствам, механизацией лесозаготовительных работ, позволявшей

²³⁷ Постановление ЦИК и СНК СССР «Об условиях труда рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности и лесном хозяйстве» от 3 июля 1933 г. URL: <http://istmat.info/node/35982> (дата обращения: 04. 05. 2014). Согласно постановлению, постоянными рабочими в лесной промышленности (без учета постоянно действующих предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины) считались: рабочие, проработавшие непрерывно в одном лесхозе, лесхозе, лесхозе, сплавной конторе, лесомелиоративном участке и т. д. не менее восьми месяцев; квалифицированные рабочие, при условии заключения с ними договора о постоянной работе на срок не менее одного года; возчики на собственном обозе предприятия и бригадиры, проработавшие не менее одного месяца и заключившие договор о постоянной работе на срок не менее одного года; служащие, принятые на постоянную работу по истечении установленного законодательством о труде срока испытания.

²³⁸ Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности... С. 15.

²³⁹ Там же.

высвободить рабочую силу. Однако отрасль испытывала острый дефицит рабочей силы, нуждалась в большом числе сезонных рабочих. К примеру, в конце декабря 1938 г. на лесозаготовительных предприятиях «Главвостлеса» трудились 35,7 тыс. чел. (76,8 % к потребности), в том числе постоянных рабочих – 12,2 тыс. чел. (70,7 % к потребности)²⁴⁰.

По переписи 1939 г. больше всего работников лесной промышленности насчитывалось в Свердловской (96,5 тыс. чел.) и Молотовской (89,1 тыс. чел.) областях – 62 % по региону (Таблица 6). На лесозаготовках и лесосплаве на Урале было занято 129,8 тыс. чел.²⁴¹ (Приложение 11). Однако эти данные, скорее всего, подверглись коррекции, учитывая приписки к общему итогу по численности населения страны, перераспределение заключенных, военнослужащих между регионами, которые коснулись и Урала²⁴².

Таблица 6.

Численность работников, занятых в лесопромышленном комплексе Уральского региона (включая «районную промышленность»), по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., чел.

Регион	Мужчины	Женщины	Всего
Башкирская АССР	33163	3524	36687
Удмуртская АССР	29629	5641	35270
Молотовская обл.	74494	14574	89068
Чкаловская обл.	4742	640	5382
Челябинская обл.	31673	5198	36871
Свердловская обл.	78083	18372	96465
Всего	251784	47949	299743

Составлено по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года... С. 38, 93, 144, 195, 248, 303.

Поскольку в отрасли на протяжении 1930-х гг. наблюдался дефицит рабочей силы, Наркомлес в середине 1930-х гг. пересмотрел свое отношение к проблеме

²⁴⁰ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 45.

²⁴¹ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года... С. 38, 44, 93, 95, 144, 146, 195, 197, 248, 250, 303, 305.

²⁴² Население России в XX веке. В 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 311, 312.

комплектования производственных коллективов и предоставления льгот, материальной и социальной поддержки отдельных категорий работников. В 1936 г. народный комиссар В. И. Иванов указывал, что «постоянными кадрами... мы должны считать только производственные кадры, а остальной обслуживающий персонал не получит сегодня от нас такой поддержки, чтобы мы его помещали в лучшие квартиры, давали бы ему кредит на покупку скота, на индивидуальное строительство...»²⁴³ Во второй половине 1930-х гг. поддержка кадровых работников ощутимо усилилась. К примеру, СНК СССР и центральный комитет ВКП (б) обязали Наркомлес СССР организовать фельдшерские, врачебные и больнично-амбулаторные пункты в леспромхозах и механизированных лесопунктах в зависимости от числа постоянных рабочих, «Главвостлес», в частности, – ввести в эксплуатацию в четвертом квартале 1938 г. 29 тыс. м² жилья²⁴⁴.

В структуре производственных коллективов предприятий лесопромышленного комплекса на протяжении 1930-х гг. наблюдалось увеличение доли инженерно-технических работников. За 1933–1936 гг. их численность на предприятиях по механической и глубокой переработке древесины Свердловской области увеличилась с 491 до 799 чел.²⁴⁵ Эти изменения были вызваны техническим усовершенствованием предприятий, усложнением технологических процессов и необходимостью повышения эффективности труда рабочих.

Образовательный уровень руководителей предприятий был невысоким. В частности, в тресте «Свердлес» в 1936 г. из 117 директоров предприятий и начальников подразделений только один имел среднее образование, девять окончили курсы красных директоров, остальные являлись практиками²⁴⁶. Руководители и ведущие инженерно-технические работники в конце 1920-х – 1930-х гг. сменялись довольно часто, как «не справившиеся с обязанностями», в связи с переходом на другую (высшую или низшую) должность²⁴⁷. Например, за 1931–1940 гг. в руководстве Новолялинского ЦБК сменилось семь директоров (притом пять – только

²⁴³ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 18.

²⁴⁴ Советская лесная экономика... С. 326.

²⁴⁵ История индустриализации Урала: документы и материалы. 1933–1937... С. 253.

²⁴⁶ Глузман В. Л. Указ. соч. С. 8.

²⁴⁷ См. н-р: ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 1. Л. 102; ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 7. Л. 137.

за период первой пятилетки), пять главных инженеров; Сосьвинского ДОКа за 1932–1937 гг. – шесть начальников строительства, причем в 1937 г. – четыре. Камским ЦБК в 1933–1936 гг. руководили три человека, в 1937 г. сменилось три директора.

Важным источником комплектования коллективов предприятий лесопромышленного комплекса явились спецпереселенцы из числа «раскулаченных». С. А. Красильников указывал, что при определении перспектив и характера использования труда спецпереселенцев полномочные представители ОГПУ по Сибирскому и Северному краям, Уральской области в начале 1930 г. высказались за преимущественное применение труда «раскулаченных» для разработки природных ресурсов северных территорий и, прежде всего, лесоразработок²⁴⁸.

Весной 1930 г. леспромхозы Уральской области приняли первые партии «раскулаченных». На 30 октября 1931 г. в лесопромышленном комплексе области было занято 51,2 % от общего числа спецпереселенцев в области (на предприятиях лесопромышленного комплекса Западной Сибири в этот период трудились 37,4 тыс. спецпереселенцев, Северного края – 137,6 тыс.²⁴⁹). К февралю 1932 г. на предприятиях по механической обработке и глубокой переработке древесины были задействованы более 27 тыс. спецпереселенцев²⁵⁰. Наибольшее число спецпереселенцев было размещено в Тавдинском, Надеждинском, Верхотурском, Соликамско-Березниковском и Чусовском районах²⁵¹.

На протяжении 1930-х гг. доля спецпереселенцев в производственных коллективах предприятий лесопромышленного комплекса уменьшалась вследствие высокого уровня смертности, побегов, перевода в другие спецпоселки, восстановления в правах (Таблица 7). В 1940 г. в Свердловской области за предприятиями ле-

²⁴⁸ Красильников С. А. Режимные крестьяне 1930-х гг.: от повинностей к принуждению // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: Мат. междунар. науч. конф. М., 2013. С. 405.

²⁴⁹ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 321, 322.

²⁵⁰ Ссылка крестьян на Урал в 1930-е гг.: документы из архивов. URL: http://www.hrono.info/dokum/193_dok/1930ssylka.html (дата обращения: 08. 12. 2011).

²⁵¹ Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 197.

сопромьшленного комплекса числилось около 12 тыс. трудпоселенцев²⁵², Пермской области, по данным на 1 июля 1939 г., – 32,9 тыс.²⁵³.

Таблица 7.

Численность спецпереселенцев, занятых в лесопромьшленном комплексе
Уральского региона, чел.

Год	Численность спецпереселенцев
1930 (на 1 июля)	40400
1931 (на 30 октября)	293400
1934 (на 15 декабря)	52200

Составлено: Мазур Л. Н. Сельское расселение на Среднем Урале... С. 379; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 321, 322; 755–756.

Как отмечали руководители ОГПУ в 1931 г., многие хозяйственники, в том числе работники треста «Ураллес», смотрели на спецпереселенцев часто, как «мускульную силу, подлежащую безжалостной эксплуатации». Те хозяйственники, которые стремились улучшить условия жизни спецпереселенцев, часто приравнивались к «правым уклонистам»²⁵⁴. Помимо материально-бытовых условий жизни и труда спецпереселенцев влияние на эффективность труда оказывали организационные факторы. Нормы выработки у спецпереселенцев в начале 1930-х гг. были выше, чем у «вольнораемных» рабочих, к тому же часто изменялись хозяйственными организациями в сторону увеличения, если становился очевидным факт невыполнения производственной программы, что случалось нередко. Выполнить нормы было трудно. Однако в первый год спецсылки часть трудоспособных спецпереселенцев не работала (на предприятиях «Ураллеса», по данным на 15 ноября 1930 г., не были заняты 17 % трудоспособных спецпереселенцев²⁵⁵) из-за того, что учет рабочей силы и контроль над ее трудовым использованием не был налажен. Спецпереселенцев, прибывших из регионов с развитым лесопро-

²⁵² Подсчитано по: Мазур Л. Н. Край ссылки... С. 203–206.

²⁵³ Подсчитано по: Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермской области... С. 377–382.

²⁵⁴ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 686.

²⁵⁵ Там же, с. 500.

мышленным комплексом, использовали на других работах. Тех, кто ранее жил в сельскохозяйственных регионах, заставляли трудиться на лесозаготовках.

Спецпереселенцы, несмотря на ограничения в ряде прав и свобод, «быстро вживались в местную природную и социальную среду, поскольку высылались семьями, сравнительно быстро адаптировались к любым разновидностям физического труда»²⁵⁶. С. А. Красильников отмечал, что среди спецпереселенцев оказывались люди (члены выселенных семей, их родственники), занимавшиеся ранее умственным трудом. В спецпоселках в условиях дефицита кадров они заменяли специалистов, как правило, средней и низшей квалификации²⁵⁷. Возможность «карьерного роста» имела также у заключенных исправительно-трудовых лагерей. В. Т. Шаламов, отбывавший срок в четвертом отделении Управления Соловецких лагерей особого назначения (с 1930 г. – управления Вишерских исправительно-трудовых лагерей) с 1929 по 1932 гг., отмечал, что «в те годы заключенный мог занимать почти любую лагерную должность». Сам В. Т. Шаламов сначала работал на строительстве Вишерского ЦБК, затем стал табельщиком отдела труда, организатором строительства на «Березникхимстрое», начальником отдела труда. Несмотря на четырехмесячное пребывание в изоляторе за ошибки руководства управления строительством, был принят в учетно-распределительный отдел старшим инспектором по контролю над использованием рабочей силы²⁵⁸.

За нарушение правил в спецпоселках и на предприятиях спецпереселенцы наказывались денежными штрафами, арестами, направлением в штрафные участки, команды, бараки. В частности, на Верхотурском ЛЗ «штрафники» были заняты на трудоемких работах, питанием обеспечивались плохо. «Целыми днями они грузили на вагонетки пиломатериалы, которые часто переворачивались, их приходилось перегружать. Были нередки смертельные случаи»²⁵⁹.

²⁵⁶ Игнатова Н. М. Осуществление политики спецпереселения и изменения численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. // Покаяние : Мартиролог. Т. 4. Ч. 2. Сыктывкар, 2001. С. 20.

²⁵⁷ Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003. С. 168–169.

²⁵⁸ Шаламов В. Т. Указ. соч. С. 6, 8, 16, 23, 35.

²⁵⁹ Долгополов А. И. Указ. соч. С. 64, 84.

Тем не менее, спецпереселенцы лишь отчасти решили кадровую проблему. Из-за неудовлетворительных условий проживания, снабжения, высоких норм выработки за 1931–1934 гг. из 130613 спецпереселенцев, переданных трестам «Западолес» и «Свердлес», бежало 60214 и умерло 31240 чел.²⁶⁰ В 1934 г. у трестов «Камлесосплав» и «Уралзападолес» часть спецпереселенцев была изъята и передана другим хозяйственным организациям²⁶¹. Региональные управления НКВД обвиняли в неудовлетворительных условиях труда и проживания спецпереселенцев Наркомлес СССР. Тот, в свою очередь, находил «козлов отпущения» среди леспромхозов, непосредственно управлявших спецпоселками²⁶².

Только в середине 1930-х гг. произошло некоторое улучшение условий жизни и труда спецпереселенцев, однако положение сосланных, занятых, прежде всего, на лесозаготовках, оставалось тяжелым. Чтобы задействовать в лесопромышленном комплексе как можно больше спецпереселенцев, в мае 1936 г. Наркомлес СССР принял директиву, согласно которой на постоянных работах в неуставных сельскохозяйственных артелях разрешалось использовать не более 10 % трудоспособных трудпоселенцев, которые не могут работать в лесу²⁶³. Совет труда и обороны СССР разрешил Наркомлесу продажу спецпереселенцам жилых домов со скидкой от 20 до 50 % и с рассрочкой платежей до трех лет²⁶⁴.

Спецпереселенцев, имевших опыт механической обработки древесины, принимали на более «престижные» профессии. Они участвовали в соцсоревновании, повышали квалификацию и получали дополнительные специальности. Как отмечали они сами, «к работе относились добросовестно, старались следовать девизу соцсоревнования «держат в ажуре работу»²⁶⁵. Такой подход к выполнению трудовых обязательств реабилитировал трудпоселенцев в качестве инициативных и ответственных работников в глазах коллег и руководящих кадров. Возможности достижения определенного социального статуса были также связаны с дополни-

---

²⁶⁰ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 750.

²⁶¹ Там же, с. 573.

²⁶² См. н-р: Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ... С. 199–200.

²⁶³ Красильников С. А. Режимные крестьяне 1930-х гг.: от повинностей к принуждению... С. 414.

²⁶⁴ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 97.

²⁶⁵ Записано со слов Т. А. Вишняковой. 2007. 6 февраля // Архив автора.

тельными заработками, с занятием социально значимых должностей – учителей, воспитателей, врачей и др.

На протяжении 1930-х гг. увеличивалось число заключенных, занятых в лесопромышленном комплексе Уральского региона. Если на строительстве Вишерских целлюлозно-бумажно-химических предприятий в 1930–1931 гг. использовался труд от 8 до 20 тыс. заключенных²⁶⁶, то с образованием исправительно-трудовых лагерей в конце 1930-х гг., которым было передано имущество ликвидированных лесозаготовительных трестов, число заключенных возросло. Так, на 1 февраля 1939 г. в «Усоллаге» насчитывалось 34403 заключенных, «Ивдельлаге» – 20939, «Севураллаге» – 27042²⁶⁷.

Производственные коллективы предприятий лесопромышленного комплекса были подвержены влиянию такого фактора, как политические репрессии. Серьезным образом на трудовых ресурсах отрасли отразился «большой террор» 1937–1938 гг. В частности, на предприятиях г. Надеждинск (лесные пункты, биржевое хозяйство, леспромхозы, лесопильный завод, управления трестов «Ураллесдревтяж», «Уралсевлес» и др.) в 1937–1938 гг. были репрессированы 47 чел., проживавших в городе, в том числе четыре инженерно-технических работника, девять служащих, 32 рабочих, два работника младшего обслуживающего персонала. 27 чел. были расстреляны, 10 чел. – приговорены в 10-летнему сроку заключения в исправительно-трудовых лагерях, два чел. – к восьмилетнему сроку, семь чел. – к пятилетнему сроку²⁶⁸.

В конце 1937 г. НКВД СССР было инициировано «дело бумажников» в отношении руководящих и инженерно-технических работников Камского ЦБК (семь человек, включая директоров и главного инженера предприятия). Они обвинялись в «участии в правотроцкистской организации и вредительстве на комбинате: строительстве зданий на заболоченных местах, нарушениях финансовой дисциплины, технических правил, составлении фиктивных актов на невыполненные ра-

²⁶⁶ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области... С. 81, 82.

²⁶⁷ Там же; Кириллов В. М. Страницы истории среднеуральских «островов» ГУЛАГа... С. 88.

²⁶⁸ Подсчитано по: Фомичев И. А. Указ. соч. С. 93, 95, 96, 98, 99, 100, 102, 104, 105, 107, 110, 112, 113, 114, 115, 122, 124, 125, 126, 129, 133, 135, 138, 140, 142, 144, 147, 148, 151, 152, 154, 155, 157, 160, 162, 164, 167, 168, 170, 173, 174, 178, 179, 180, 184, 186, 189, 192.

боты и т. п.». Следствие продолжалось почти три года, и 27 августа 1940 г. Особым совещанием при НКВД СССР работники были осуждены по ст. 58 п. 7 и 11 Уголовного кодекса РСФСР на три года (один человек) и восемь лет (шесть человек) заключения в исправительно-трудовом лагере. В 1955 г. Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР дело в отношении руководящих и инженерно-технических работников Камского ЦБК было прекращено за недоказанностью преступления (они «были осуждены по сфальсифицированным материалам, что признали бывшие работники Пермского городского отдела НКВД») ²⁶⁹.

В 1937 г. главный инженер Лобвинского ЛК Н. Н. Лебедев был освобожден от должности за «отсутствие должного технического руководства производством» (комбинат не выполнил плановые задания по лесопилению и деревообработке), согласно «официальной» версии. Его назначили техническим руководителем Сарапульского ЛЗ. Через полтора месяца, в ходе «специальной» проверки, было установлено, что предприятие функционирует неудовлетворительно по причине «сознательного срыва работы завода со стороны Лебедева». Дело было передано следственным органам для привлечения к уголовной ответственности ²⁷⁰.

Репрессии негативно отражались на функционировании предприятий. Так, на Лобвинском ЛК в 1937–1938 гг. под арест попал 31 % рабочих-мужчин. Руководство комбината усиленно занялось вопросами комплектования производственного коллектива. Путем вербовок удалось пополнить убыль рабочих. Однако из-за неудовлетворительных жилищных условий, снабжения, из 1127 вновь прибывших за девять месяцев 1938 г. убыл 1091 чел. ²⁷¹

Должности рабочих вспомогательных участков заполнялись путем сезонных вербовок. Из-за дефицита и текучести рабочей силы предприятиям, трестам было необходимо привлекать к работам крестьян в рамках трудовой гужевой повинности. Этого требовал характер производственных процессов: число рабочих на предприятиях лесопромышленного комплекса увеличивалось с началом заготовки

---

²⁶⁹ Политические репрессии в Прикамье... С. 257–258.

²⁷⁰ История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 98.

²⁷¹ Гордин А. А. Указ. соч. С. 44.

и сплава леса, сокращалось после его завершения. С. А. Красильников отмечал, что сезонные работы в лесу «крайне обременяли трудоспособных крестьян, отнимая в начале 1930-х гг. до двух месяцев, а затем свыше трех месяцев в году»²⁷². Привлечение к работе в лесу крестьян, вербовки не всегда обеспечивали предприятия необходимым числом рабочих ввиду тяжелого, как правило, ручного труда, неудовлетворительных жилищно-бытовых условий и снабжения, задержек заработной платы, продления сроков работ. К тому же большинство сезонных рабочих, работавших на предприятиях лесопромышленного комплекса (около 95 % по Уральскому региону в 1932 г.²⁷³), не имели никакой квалификации, эффективность их труда, следовательно, была низкой.

На протяжении 1930-х гг., по данным Наркомлеса, «Союзлесозага», выполнить план по привлечению сезонных рабочих не удавалось²⁷⁴. К примеру, по состоянию на 15 декабря 1930 г., по тресту «Ураллес» прибыли на работу только 60 тыс. чел. (40 % от плана), завербованных в Уральской области, и 3,4 тыс. чел. (29 %) – из других регионов, хотя предполагалась привлечь около 285 тыс. чел.²⁷⁵ В таких ситуациях проводились мобилизационные мероприятия. Так, в середине 1930 г. трест «Ураллес» просил обком комсомола направить в силу данных обязательств 2000 комсомольцев на разделку и отгрузку экспортных лесоматериалов, а также для использования на других работах²⁷⁶. В четвертом квартале 1938 г. «Главвостлесом» было привлечено 45,3 тыс. сезонных рабочих (66,8 % к плану)²⁷⁷. Не хватало вербовщиков. В начале 1939 г. трест «Камлесосплав» смог направить на вербовки в Башкирию только четыре человека вместо 25. При этом вербовщики не получили никаких указаний, документов и денежных средств для организации своей работы, а трест игнорировал напоминания и распоряжения Наркомлеса²⁷⁸. Осенью в числе трестов, срывающих план вербовок, оказался «Свердлес»²⁷⁹.

²⁷² Красильников С. А. Режимные крестьяне 1930-х гг.: от повинностей к принуждению... С. 400.

²⁷³ Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала... С. 111.

²⁷⁴ См. н-р: РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 60, 94об.; Д. 29. Л. 6; Д. 130. Л. 45, 127.

²⁷⁵ ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 205.

²⁷⁶ Там же, л. 15.

²⁷⁷ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 57.

²⁷⁸ Там же, д. 130. Л. 6, 7, 21–21об.

²⁷⁹ Там же, л. 51.

Чтобы оценить итоги деятельности предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона по созданию условий для привлечения трудовых ресурсов в 1930-х гг., необходимо обратиться к такой категории «новой социальной истории» как «социальный портрет»²⁸⁰. Рассмотрим особенности «социального портрета» рабочих на примере Черноярского²⁸¹ и Верхотурского ЛЗ²⁸².

В архивном фонде Черноярского ЛЗ сохранились личные карточки уволенных рабочих в 1939–1940 гг. Для обработки результатов базы данных была создана таблица, включающая следующие параметры: 1) фамилия, имя, отчество; 2) пол; 3) год рождения; 4) место рождения; 5) национальность; 6) общий трудовой стаж; 7) социальное происхождение; 8) основная профессия; 9) принадлежность к профсоюзу; 10) принадлежность к партийным организациям; 11) наличие избирательного права; 12) уровень образования; 13) место выбытия; 14) время поступления на предприятие; 15) время работы; 16) причина увольнения; 17) цех или подразделение предприятия; 18) должность. Было обработано 55 из 97 личных карточек, уровень сохранности которых наиболее высокий.

О рабочих Верхотурского ЛЗ сведения сохранились неполные. В наличии личные карточки уволенных, начиная с 1960 г. Однако в источниковом комплексе есть сведения о тех, кто работал в 1930-х гг. Было обнаружено и обработано 25 карточек. В таблицу были включены следующие параметры: 1) фамилия, имя, отчество; 2) пол; 3) год рождения; 4) место рождения; 5) национальность; 6) общий трудовой стаж; 7) основная профессия; 8) уровень образования; 9) время поступления на предприятие; 10) цех или подразделение предприятия; 11) должность. Ряд параметров нами был исключен, поскольку соотнести их с периодом 1930-х гг. не представляется возможным.

На Черноярском и Верхотурском ЛЗ трудились около 700 чел. Доля личных карточек от численного состава рабочих составляет 11,5 %. Такая случайная выборка позволяет получить достаточно подробное представление о социальном

---

²⁸⁰ Кириллов В. М. Теория и методология истории : Уч. пос. Нижний Тагил, 2005. С. 113. Категория «социальный портрет» подразумевает изучение внутренней организации и функционирования социальных групп, а также их взаимоотношений с социальной средой, жизненных путей и моделей поведения отдельных представителей, отношений к смене социальных ролей и другим социальным группам, стереотипов поведения и обыденного сознания.

²⁸¹ АОАСГО. Ф. р-482. Оп. 2-л. Д. 1, 2.

²⁸² АОАГОВ. Ф. 56.

портрете рабочих, который будет являться отражением трансформации социальной структуры и системы общественных отношений в 1930-х гг.

Предприятия лесопромышленного комплекса использовали разнообразные способы привлечения рабочих, о чем было сказано выше. Отсюда столь разнообразный состав производственных коллективов по территориальному составу. На Черноярском и Верхотурском ЛЗ примерно 28 % рабочих были выходцами из разных населенных пунктов, располагавшихся вблизи производств (Надеждинский, Гаринский, Верхотурский, Новолялинский районы); по 12 % рабочих прибыли из районов Свердловской области (в современных границах) и других регионов Урала; по 10 % рабочих прибыли с Поволжья, Южной и Центральной частей страны, Украины. Если за основу распределения рабочих по территориальному составу принять последнее место работы или жительства, то более половины рабочих перед трудоустройством на Черноярский ЛЗ уже работали в близлежащих районах, пятая часть – в районах Свердловской области (в современных границах). Немалую часть производственных коллективов составляли сезонные рабочие. В основном это были жители окрестных сельских населенных пунктов, которые устраивались на период транспортировки древесины к предприятиям, а через один-три месяца увольнялись. Остальные являлись кадровыми работниками, стаж которых превышал пять лет. Очевидно, что предприятия, несмотря на мероприятия Советского государства по обеспечению приоритетных отраслей народного хозяйства рабочей силой, по-прежнему зависели от прибытия работников из других регионов страны.

Отражением территориального состава производственных коллективов является социальный состав. Большинство рабочих (48 %) были спецпереселенцами. Рабочие, переехавшие в поселки Верхотурского и Черноярского ЛЗ из близлежащих к ним районов, происходили или являлись главами семей крестьян (21 %) и рабочих (31 %). В большинстве случаев рабоче-крестьянское происхождение давало человеку реальную возможность получить профессиональное образование и занять «престижную» должность. Например, лица рабочего происхождения работали на предприятиях лесопромышленного комплекса электромонтерами, шофера-

ми, бухгалтерами. Бывшие крестьяне, которые не всегда могли получить образование, благодаря своему происхождению трудились пожарными, рамщиками, слесарями. Однако не всегда принадлежность к определенной социальной группе предоставляла шанс на занятие «престижной» должности и получение более высокой заработной платы. Особенностью лесопромышленного комплекса в конце XIX – первой половине XX в. являлось то, что отрасли требовалось большое число рабочих для выполнения работ, не требовавших квалификации. На анализируемых предприятиях около 50 % рабочих являлись плотниками, чернорабочими, сплавщиками, бракерами. Работники, имевшие определенный уровень профессиональной подготовки, трудились электромонтерами, шоферами, рамщиками, токарями, бухгалтерами, механиками, кузнецами, слесарями.

В этом отношении показателем уровня образования работников. В 1939–1940 гг. на Верхотурском и Черноярском ЛЗ насчитывалось примерно 18 % неграмотных, 54 % лиц с образованием от одного до четырех классов (начальное); 28 % – от пяти до семи классов (среднее). Членство в профсоюзе, комсомоле, ВКП (б) сулило рабочим порой больше различных выгод и привилегий, нежели даже семиклассное образование и профессиональная подготовка. Так, в 1939 г. на Черноярском ЛЗ 23 % рабочих являлись членами профсоюза, 7 % – членами комсомольских организаций со стажем в среднем от трех до семи лет. Они работали на «престижных» должностях в заводоуправлении, цехах, подразделениях непромышленного назначения (например, в клубе). Однако многое зависело от качеств и способностей людей. На Черноярском ЛЗ более двух пятых рабочих ранее трудились на лесозаготовительных предприятиях, около 10 % – на предприятиях по механической обработке древесины. Это также давало людям определенную возможность занять «престижную должность» и стать кадровым рабочим.

На получение человеком «престижной профессии и должности» влияли основные факторы: социальное происхождение, прежнее место работы, уровень образования, членство в профсоюзных и партийных органах. Конечно, в большинстве случаев социальное происхождение было определяющим фактором, влияющим на судьбу человека, но не гарантом успешного карьерного роста. Зависимость про-

фессии человека от социального происхождения и уровня образования в 1930-х гг. на предприятиях лесопромышленного комплекса выражается следующими цифрами. В 26 % случаев занятие «престижных» (спецпоселенец трудился рамщиком) или «непрестижных» (человек с пролетарским происхождением выполнял функции чернорабочего) должностей не было следствием социального происхождения. Подобные ситуации возникали в силу обстоятельств: уровня образования, наличия опыта механической обработки древесины, способности обучаться, осваивать передовую технику и технологии. Человек с начальным образованием мог работать электромонтером, токарем и, наоборот, со средним образованием – сплавщиком или пастухом (несоответствия между профессией и уровнем образования имелись в 26 % случаев).

Труд на предприятиях лесопромышленного комплекса был физически тяжелым, что отражалось на возрастной структуре производственных коллективов. В 1940 г. на Черноярском и Верхотурском ЛЗ трудилось примерно 17 % рабочих в возрасте до 20 лет; 49 % – в возрасте 20–30 лет; 26 % – в возрасте 30–40 лет; 10 % – старше 40 лет. Для многих молодых людей работа в лесопромышленном комплексе была стартом во взрослую жизнь. Отрасль всегда испытывала дефицит кадров, поэтому трудоустроиться было несложно, особенно на должности, не требующие профессиональной подготовки, квалификации. Однако большинство рабочих не выдерживали тяжелых нагрузок и покидали предприятия либо через несколько месяцев, либо через один-два года. Наиболее выносливые рабочие трудились до 40–45 лет.

На предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона был высоким процент использования женского труда. К примеру, на предприятиях по механической обработке и глубокой переработке древесины Свердловской области процент женщин, занятых в производстве и управлении, составлял в 1937 г. 40,5 % к общему числу рабочих²⁸³ (в 1929 г. – 17,5 %²⁸⁴; по переписи 1939 г. – 20,1 %²⁸⁵). Данная тенденция подтвердилась на локальном уровне. Из проанализиро-

²⁸³ История индустриализации Урала: документы и материалы. 1933–1937... С. 263.

²⁸⁴ История индустриализации Урала (1926–1932 гг.)... С. 56, 64.

²⁸⁵ Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года... С. 311, 312.

ванных личных карточек рабочих Черноярского ЛЗ 36 % принадлежат женщинам. Активное привлечение женщин для работы на производстве началось с конца 1920-х гг. Часть женщин попала в коллективы предприятий в связи с «кулацкой» ссылкой, другая часть сознательно трудоустроивалась в связи с идеологическими кампаниями по привлечению женщин на производство и осознанием неудовлетворенности уровнем жизни своих семей. Возрастная структура женщин, занятых на предприятиях, мало отличалась от возрастной структуры мужчин. В возрасте до 20 лет трудилось 16 % женщин, от 20 до 30 лет – 48 %, от 30 до 40 лет – 32 %. Женщины работали на самых разных должностях, преимущественно на вспомогательных (чернорабочие, телефонистки, уборщицы, сторожи), и управленческих (бухгалтеры).

В 1939–1940 гг. 19 % рабочих имели трудовой стаж до 1 года; 23 % – от 1 до 5 лет; 42 % – от 5 до 10 лет; 18 % – свыше 10 лет. Если рассмотреть количество дней, отработанных на Черноярском ЛЗ уволенными рабочими, то 60 % из них трудилось до 100 дней, 15 % – от 100 дней до одного года, 18 % – свыше одного года. Люди, как правило, не задерживались на предприятии более года. Причиной этому были следующие факторы: характер функционирования предприятий (до четверти рабочих требовалось для выполнения сезонных работ), необходимость получения стажа и опыта работы, низкий уровень заработной платы, неудовлетворительные условия проживания. Увольнялись не только сезонные рабочие, но и квалифицированные. Среди покинувших Черноярский ЛЗ в 1939 г. были шофер, электротехник, подрамщик, слесарь, помощник бухгалтера.

Таким образом, предприятиям лесопромышленного комплекса, строившимся или реконструировавшимся практически с нуля, не имевшим полноценной жилищно-бытовой и социальной инфраструктуры, в 1930-х гг. не удалось сформировать постоянные коллективы. Сложилось и стало нормой на долгие годы сосуществование двух путей привлечения работников: стимулирования труда и принуждения к труду. Это на определенное время в основном решило кадровую проблему отрасли. Однако к концу 1930-х гг. неудовлетворенность работников условиями проживания и труда вновь проявилась в повышении уровня текучести.

Основную часть работников предприятий нельзя считать кадровыми, поскольку таковых, трудившихся не менее пяти лет без перерыва на одном производственном объекте, имелось только около одной десятой от численности производственных коллективов. Конечно, данная цифра может быть увеличена при условии наличия стажа свыше пяти лет в целом в промышленном производстве, однако незначительно.

Столь разнообразное сочетание характеристик работников, занятых в лесопромышленном комплексе, явилось результатом кардинальной трансформации социальной структуры и системы общественных отношений. Г. Е. Корнилов отмечал, что за годы индустриализации формы жизнедеятельности крестьянства, которое стало основным источником пополнения коллективов предприятий, изменились, утрачивались специфические черты его, как социальной группы. Однако этому процессу противостоял ряд факторов: удаленность от крупных городских центров, слабо развитая инфраструктура села, сохранение традиций труда, досуга, быта, культурно-психологический строй деревенской жизни²⁸⁶. Социальный портрет работников лесопромышленного комплекса вобрал в себя черты и качества крестьянского и городского населения, характеризующегося разным уровнем притязаний и отношением к труду и жизни. В 1930-х гг. было положено начало формированию социальной группы кадровых рабочих отрасли, и этот процесс в целом завершился только через несколько десятилетий.

2. 2. Оплата труда

В современной литературе применительно к советскому периоду зафиксирована следующая система мотивов и побуждений к труду: материальное вознаграждение (денежная, натуральная оплата, премии; подработки); морально-нравственные побуждения и обязательства (гордость за профессионализм и высокие показатели труда, чувство патриотизма по отношению к своему предприятию, грамоты, медали, ордена); принуждение и наказание (штрафы, вычеты, вы-

---

²⁸⁶ Корнилов Г. Е. Аграрная модернизация России в XX в. : региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 6.

говоры; понижения в должности; уголовные наказания)²⁸⁷. В этом разделе рассматриваются вопросы денежной оплаты труда в лесной промышленности, в разделе 3. 1. – остальные мотивы и побуждения к труду как комплекс мероприятий по повышению эффективности труда работников.

Политика в сфере оплаты труда в отношении разных групп рабочих имела свои особенности. Как отмечал А. А. Ильюхов, «с середины 1920-х гг. активно проводилась политика выравнивания заработной платы квалифицированных и неквалифицированных рабочих. Однако в начале 1930-х гг. наметилась линия на увеличение разрыва в оплате труда высоко- и низкоквалифицированных рабочих»²⁸⁸. По мнению В. С. Терехова, «в тарифной политике 1930-х гг. практически не учитывались инфляционные процессы, поэтому индексация зарплаты производилась стихийно, непропорционально и преподносилась в виде «неуклонного повышения благосостояния трудящихся»²⁸⁹.

За 1928–1932 гг. средняя заработная плата рабочих лесопильных заводов Уральского региона увеличилась с 56 до 96 руб. в месяц, целлюлозно-бумажных предприятий – с 47 до 74 руб.²⁹⁰ (здесь заработки рабочих были ниже, чем в среднем по промышленности региона). Среднемесячная заработная плата рабочих предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины по СССР увеличилась за 1937–1940 гг. с 200 до 283 руб., отставая от темпов роста заработной платы в горнодобывающем, металлургическом, химическом комплексах на 25–35 %²⁹¹.

Судить об уровне жизни населения по официальным данным о средней заработной плате затруднительно. Работники поощрялись премиями, ударники, стахановцы, рационализаторы, как правило, имели более высокие заработки. Необходимо обратиться к лицевым счетам по начислению заработной платы. В них содержатся сведения о начисленной и выданной на руки работникам зарплате. В

²⁸⁷ Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала... С. 148.

²⁸⁸ Ильюхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010. С. 124, 213.

²⁸⁹ Терехов В. С. Тарифная политика в сфере оплаты труда специалистов уральской промышленности в 1930-е годы // Урал в прошлом и настоящем. Мат. науч. конф. Ч. 1. Екатеринбург, 1998. С. 511.

²⁹⁰ Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала... С. 169.

²⁹¹ Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России... С. 79.

этом отношении С. П. Постников и М. А. Фельдман указывали, что неправомерно причислять к реальной заработной плате стоимость бесплатно предоставляемого помещения, бесплатного отопления, освещения, канализации, расходов на содержание фабрично-заводских училищ, санаториев, детских садов и яслей. Благодаря этому официальные органы завышали величину заработной платы в среднем на 30 %²⁹². Кроме того, денежные займовые изъятия поглощали 12–16 % годового дохода рабочих²⁹³.

Рассмотрим на конкретных примерах особенности динамики заработной платы в лесопромышленном комплексе Уральского региона, обратившись к данным о средней (планируемой и фактической) и начисленной заработной плате, окладах работников (Приложение 12). Так, средняя начисленная заработная плата разных категорий работников Сосьвинского ДОКа (270 чел.) в четвертом квартале 1933 г. (124 руб. в месяц²⁹⁴) была примерно такой же, как и по предприятиям Наркомлеса СССР, управления транспортного машиностроения и выше, чем по предприятиям «Союзлесдрева» в четвертом квартале 1934 г.²⁹⁵ С учетом отчислений на школьное строительство, содержание стройкома, культурные нужды, детские ясли, ученичество, оказание медицинской помощи, аренду столовых и распределителей, содержание бани и прачечных реальная заработная плата была на 15,65 % меньше²⁹⁶.

За 1933–1938 гг. заработная плата в отрасли увеличилась в среднем в полтора-два раза. В 1938 г. работник Сосьвинского ДОКа (420 чел.) получал в среднем на 175 % заработной платы больше, чем в 1933 г., инженерно-технический работник – на 210 %, служащий – на 151 %, рабочий – на 175 %, работник младшего обслуживающего персонала – на 173 %²⁹⁷. Очевиден более быстрый рост заработной платы инженерно-технических работников, их средний заработок увеличился в денежном выражении на 294 руб. Данный факт можно связать с завершением основных строительного-монтажных работ, подготовке цехов к вводу в эксплуатацию.

²⁹² Там же, с. 64.

²⁹³ Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала... С. 179.

²⁹⁴ Подсчитано по: АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 2. Л. 78.

²⁹⁵ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 7.

²⁹⁶ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

²⁹⁷ Подсчитано по: АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 10. Л. 26–26об.

У служащих и рабочих рост заработной платы существенно отставал и за пять лет увеличился на 92 и 89 руб. соответственно. На основном производстве среднемесячная заработная плата работников была несколько выше (на 10–15 %), чем на этапе его строительства²⁹⁸. Помимо этого, предприятие в 1939 г. потратило 3 тыс. руб. на премии, 34 тыс. руб. – на подъемные, суточные на время командировок, 44 тыс. руб. – на пособия по социальному страхованию, 26 тыс. руб. – на спецодежду²⁹⁹.

Средняя заработная плата рабочих Черноярского ЛЗ (220 чел.) в 1940 г. была выше, чем на предприятиях по механической обработке и глубокой переработке древесины СССР, но ниже, чем в крупной промышленности Уральского региона. Средства, которые предприятие тратило на дополнительные выплаты работникам, составляли в мае 1940 г. 17151 руб. (27 % к начисленной заработной плате), в июне 1940 г. – 17964 руб. (26 %). На первом месте были выплаты за выполнение разных нарядов – около 3700 руб. в месяц. Далее шли выплаты за перевыполнение норм выработки (около 2000 руб.), премии (около 1200 руб.), праздничные (более 1000 руб. в мае), надбавки за выслугу лет (около 500 руб.), оплата работы в ночное время (около 400 руб.). Работник с окладом в 200 руб. мог заработать 300–400 руб. за счет перевыполнения норм, премий, выполнения дополнительных работ, нарядов и т. д.

Однако вычеты из заработной платы в среднем составляли 45–50 %. Среднемесячная выплаченная заработная плата в мае-июне 1940 г. у рабочего составила 126 руб., у инженерно-технического работника – 438 руб., у служащего – 212 руб., у работника младшего обслуживающего персонала – 77 руб., в среднем у работника – 142 руб.³⁰⁰ (Приложение 13) Такое состояние дел в сфере оплаты труда не стимулировало труд работников, способствовало увеличению текучести. Перевыполнение норм, разные подработки если и увеличивали месячный заработок, то незначительно. В таких условиях Черноярский ЛЗ, как и другие предприятия отрасли, выплачивал специалистам, в которых нуждался, различные надбавки к зарплате.

²⁹⁸ Подсчитано по: АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 13. Л. 16; Д. 14. Л. 17

²⁹⁹ Там же, д. 14. Л. 17.

³⁰⁰ Подсчитано по: АОАСГО. Ф. р-482. Оп. 3-л. Д. 2; Д. 3.

В 1930-х гг. в полной мере проявились различия в оплате труда разных отраслей, предприятий, категорий работников. Данное несоответствие – результат политики государства в сфере оплаты труда, расстановки приоритетов по отраслям, отдельным инстанциям и предприятиям. Так, заработная плата работников Камского ЦБК была во второй половине 1930-х гг. одной из наиболее высоких в лесопромышленном комплексе Уральского региона. Что интересно, на Сосьвинском ДОКе, подведомственном Уральскому вагоностроительному заводу и находившемся в более суровых природно-климатических, организационно-экономических условиях, на одного работника приходилось меньше средств фонда заработной платы (и это при постоянном его перерасходе), чем на Камском ЦБК.

Еще больше была месячная заработная плата работников Краснокамской БФ «Гознак», специализировавшейся на выпуске высококачественной бумаги³⁰¹, – в среднем на 15–30 % выше, чем на Камском ЦБК. Зарплата работников подразделений, выполнявших вспомогательные функции (жилищно-коммунальное, сельское хозяйство, соцкультбыт), была ниже, чем в основном производстве, примерно на 15–30 %. В леспромхозах заработок всех категорий работников на протяжении 1930-х гг. был меньше на 25–35 %, по сравнению с предприятиями по механической обработке и глубокой переработке древесины³⁰².

Зарботная плата отдельных категорий работников росла в 1930-х гг. разными темпами. Достигла ли своей цели политика советской власти по увеличению/сокращению разрыва в оплате труда младшего обслуживающего персонала, рабочих, служащих и инженерно-технических работников?

На Сосьвинском ДОКе соотношение средней заработной платы младшего обслуживающего персонала, рабочих, служащих и инженерно-технических работников в 1933 г. выглядело так: 1 : 1,76 : 2,66 : 3,96³⁰³. Разница в заработке младшего обслуживающего персонала и инженерно-технического работника составила 198 руб., рабочего и инженерно-технического работника – 147 руб. В 1938 г. со-

---

³⁰¹ Подсчитано по: ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 7. Л. 128об.

³⁰² ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 9. Л. 62–63.

³⁰³ Подсчитано по: АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 2. Л. 78.

отношение средней заработной платы несколько изменилось: 1 : 1,78 : 2,32 : 4,81, соответственно³⁰⁴.

В 1937 г. на Камском ЦБК соотношение было такое: 1 : 2,2 : 2,8 : 5,5, соответственно³⁰⁵. Налицо увеличение разницы заработков младшего обслуживающего персонала и инженерно-технических работников, которые получали на 300–500 руб. больше. Статус инженерно-технических работников существенно повысился, тогда как соотношение заработной платы служащих, рабочих, младшего обслуживающего персонала изменилось незначительно.

Работники аппаратов управлений, трестов народных комиссариатов лесной, целлюлозно-бумажной промышленности получали в два-шесть раз больше, чем работники предприятий. Так, в 1940 г. работник аппарата треста Народного комиссариата целлюлозно-бумажной промышленности в среднем получал в 2,5 раза больше, чем работник предприятия по механической обработке древесины³⁰⁶. Директор Черноярского ЛЗ в 1940 г. получал 900 руб. в месяц, тогда как заместитель начальника отдела оргнабора рабочей силы Наркомлеса СССР в 1939 г. – 1100 руб.³⁰⁷, заведующий складом управления «Гознак» в 1940 г. – 900 руб.³⁰⁸ Еще больше была разница в оплате труда руководителей управлений, трестов, предприятий, подразделений, по сравнению с рабочими и служащими.

Средние показатели, тем не менее, не дают полного представления о динамике заработной платы работников предприятий лесопромышленного комплекса. Обратимся к сведениям об окладах работников (Приложение 14).

В 1932–1934 гг. была проведена реформа, в результате которой устанавливались тарифные сетки. Согласно им, рабочим, в зависимости от их квалификации, присваивались разряды, вводилась премиально-прогрессивная и сдельная система³⁰⁹. По постановлению центрального исполнительного комитета и СНК СССР от 13 сентября 1931 г. директор предприятия имел право, в рамках утвержденных

³⁰⁴ Подсчитано по: АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 10. Л. 26–26об.

³⁰⁵ Подсчитано по: ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 6. Л. 106.

³⁰⁶ Там же, л. 61.

³⁰⁷ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 130. Л. 36.

³⁰⁸ ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

³⁰⁹ Ильюхов А. А. Указ. соч. С. 217.

фонда оплаты труда и тарифной сетки, самостоятельно менять соотношение оплаты по отдельным разрядам и назначать дополнительные выплаты работникам³¹⁰.

Рассмотрим особенности действия тарифной сетки на примере Сосьвинского ДОКа. В 1935 г. строители и металлисты, работавшие по сдельной системе оплаты труда, делились на шесть разрядов, электромонтажники – на восемь. Должности, требовавшие более высокого образовательного и профессионального уровня, оплачивались лучше. По высшему разряду строитель получал 232 руб. в месяц, металлист – 288 руб., электромонтажник – 293 руб. Чем выше был разряд рабочего, тем зарплата была у него больше. Если строитель повышал свой разряд со второго на третий, то его заработная плата увеличивалась на 14 руб., с четвертого на пятый – на 38 руб. Зарботная плата рабочих-повременщиков была примерно на 20 % ниже, чем у сдельщиков³¹¹ (Приложение 15).

На Камском ЦБК для рабочих строительства и металлистов в 1934 г. была установлена шестиразрядная тарифная сетка. Металлист-сдельщик первого разряда имел заработок 86 руб., шестого – 276 руб. в месяц. Оплата труда рабочих-повременщиков равнялась примерно 60 % от заработной платы сдельщиков³¹². Градацией разрядов руководство предприятий мотивировало рабочих на повышение квалификации, эффективности труда. Разница в оплате труда рабочих разных разрядов была существенной.

При работе бригадным способом оплата труда дифференцировалась в зависимости от коэффициентов, назначаемых для каждой должности, и денежных сумм, заработанных бригадой. В частности, на лесозаготовках заработная плата бригадиру начислялась с коэффициентом 2,0, вальщику – 1,6, обрубщику – 1,4, раскряжевщику – 1,3³¹³.

Однако не на всех предприятиях работа по пересмотру норм и тарифов проходила успешно, в соответствии с предписаниями вышестоящих инстанций. Особенно это касалось строившихся предприятий, где ощущалась нехватка кадров.

³¹⁰ Маркевич А. М. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001. М., 2005. С. 157.

³¹¹ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 28–28об.

³¹² ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 2. Л. 79.

³¹³ ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 3. Л. 67об.

Рабочий строившегося Соликамского ЦБК Васильев в 1937 г., на начальном этапе строительства предприятия, жаловался, что учета в выполнении норм нет, наряды даются без начисления сумм, причитающихся за работу, технической учебы нет, премирования и других видов поощрения не бывает³¹⁴.

Анализ окладов и заработной платы работников позволил установить, что в течение 1932–1940 гг. оплата труда одних категорий работников увеличилась существенно, других – не изменилась или изменилась незначительно, как в положительную, так и в отрицательную стороны. Руководитель предприятия назначал оклады в пределах установленных норм, но мог их изменять в зависимости от качества и производительности труда, квалификации, стажа работы, прохождения испытательного срока, нарушений трудовой дисциплины и производственного процесса, степени близости работника к руководству предприятия, приоритетности того или иного объекта на разных этапах строительства и функционирования предприятия. Для назначения окладов работникам одной должности, занятых в разных подразделениях, применялись прилагательные «старший», «младший». Заработная плата таких работников различалась и порой существенно. Практиковалось совмещение должностей, что позволяло сэкономить на оплате труда.

Заработная плата работников, в которых предприятия остро нуждались и которых вербовали по всему СССР, была выше, чем по смете. Например, прибывшему в 1932 г. на строительство Сосьвинского ДОКа главному инженеру П. В. Грязнову был назначен оклад 1500 руб., хотя у работника, исполнявшего обязанности главного инженера до него, оклад был 700 руб. в месяц³¹⁵. Помимо этого, специалисты, прибывавшие на комбинат, получали подъемные (полтора оклада) и не оплачивали коммунальные услуги. Таких «привилегированных» специалистов в управлении строительства было пять человек: начальник строительства и его заместитель, главный инженер и его заместитель, главный бухгалтер³¹⁶.

В 1933 г. архитектору П. Б. Мурашко, приехавшему из Москвы на строительство Камского ЦБК, было выплачено 2000 руб. подъемных, оклад был установ-

³¹⁴ Общество и власть. Российская провинция. 1917–1940. Пермский край... С. 794.

³¹⁵ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–13.

³¹⁶ Там же, д. 1. Л. 35; Д. 2. Л.20.

лен в размере 1000 руб. ежемесячно³¹⁷. Иностранным специалистам предоставлялся наибольший набор льгот. Так, иноспециалисту Камского ЦБК Т. Г. Зимманк возвращались подоходный, культурный налоги, плата за обучение детей в школе, компенсировались расходы на поездки в Пермь за получением продуктов из «Инснаба»³¹⁸.

Что касается спецпереселенцев, занятых в лесной промышленности, то в первой половине 1930-х гг. государство и ОГПУ-НКВД стремились выровнять уровень занятости и заработной платы спецпереселенцев и «вольнорабочих». Оплата труда спецпереселенцев стала также определяться выполнением производственных заданий и индустриальной важностью предприятий³¹⁹. Однако из заработной платы спецпереселенцев вычитались денежные средства на содержание комендатур. С августа 1931 г. до февраля 1932 г. отчисления составляли 15 % (до этого 25 %), потом сократились до 5 %, а в конце 1930-х гг. вновь увеличились до 10 %³²⁰. Во второй половине 1930-х гг. политика государства и отраслевых народных комиссариатов была направлена на привлечение трудпоселенцев к участию в различных формах социалистического соревнования, в рационализаторском движении. К примеру, на Верхотурском ЛЗ заработная плата в период с января 1935 г. по июль 1936 г. у рамщиков-стахановцев из числа трудпоселенцев увеличилась в среднем с 180 руб. до 500 руб., у грузчиков – с 230 руб. до 420 руб.³²¹

Данные о заработной плате будут неполными, если не привести сведения о задолженности. Данное явление в разных масштабах имело место на протяжении 1930-х гг. Например, на 1 августа 1930 г. задолженность по зарплате по тресту «Ураллес» составляла 1,4 млн. руб.³²² К концу 1931 г. задолженность по зарплате по трестам «Ураллеспрома» только рабочим-лесорубам достигла внушительной суммы – 10 млн. руб.³²³ В дальнейшем уровень задолженности заработной платы

³¹⁷ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 74.

³¹⁸ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 2. Л. 157.

³¹⁹ Осокина Е. А. Указ. соч. С. 92–93.

³²⁰ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области... С. 34.

³²¹ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

³²² ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 78.

³²³ ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

снижался, но незначительными темпами. На 1 ноября 1934 г. задолженность по заработной плате трудпоселенцам по тресту «Свердлес» составляла 435 тыс. руб., «Заподлес» – 336 тыс. руб., «Камлесосплав» – 113 тыс. руб., в том числе за прошлые годы³²⁴. На начало апреля 1938 г. задолженность по заработной плате по тресту «Камлесосплав» составляла 320 тыс. руб.³²⁵

Таким образом, политика государства, народных комиссариатов, главков и трестов лесопромышленного комплекса в сфере оплаты труда была противоречивой. Приоритет, который отводился отрасли в деле обеспечения страны продукцией механической обработки и глубокой переработки древесины, экспорта лесоматериалов для получения валюты, не компенсировался средствами, выделявшимися на оплату труда работников, которая оставалась на протяжении 1930-х гг. невысокой, по сравнению с другими отраслями промышленности. Из заработков работников постоянно вычитались денежные суммы за разные виды обслуживания, государственные займы и т. д. По сути, политика в сфере оплаты труда не достигла своей главной цели – стимулирования трудовой деятельности, не играла своей важной роли в повышении эффективности труда.

2. 3. Особенности размещения, планировки и застройки рабочих поселков при предприятиях

Поселенческая сеть активно формировалась в районах лесозаготовки в 1930-х гг., что было вызвано политикой государства, направленной на освоение северных и восточных территорий. В поселенческой сети формировались и параллельно друг другу развивались три структурных компонента: поселки для «вольнорабочих», спецпоселки и трудовые лагеря для различных категорий «спецконтингента». В процессе индустриализации развитие получила промышленная и транспортная инфраструктура. По большей части блокировалось решение таких проблем, как рациональная организация поселенческой сети, жилищный вопрос и социально-бытовое обслуживание населения, поскольку «в программе индустриализации был заложен «режим экономии», то есть сокращение

---

³²⁴ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 752.

³²⁵ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 86. Л. 7.

непроизводительного потребления для направления сэкономленных средств на строительство новых заводов и фабрик»³²⁶.

Тем не менее, жилищное строительство стало важным фактором привлечения работников на предприятия, поскольку государство создало такие условия, что в большинстве случаев человек мог получить жилье только при трудоустройстве, вслед за увольнением следовало и освобождение жилой площади. В то же время «возведение, эксплуатация, владение, распоряжение и другие функции были сосредоточены исключительно в рамках государственных структур. Отношение потребителя к жилищу, его качеству, предпочтения по обустройству и месторасположению жилья принципиально перестали братья в расчет»³²⁷.

На протяжении 1930-х гг. норма жилой площади на человека постепенно увеличивалась, однако условия проживания в большинстве случаев были неудовлетворительными. Жильем обеспечивались далеко не все работники. Отчасти острота проблемы компенсировалась использованием принудительного труда, однако развивавшимся производствам требовалось все большее количество трудовых ресурсов.

Проанализируем особенности размещения, планировки и застройки рабочих поселков при предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона. До индустриализации при некоторых лесопильных заводах формировались рабочие поселки, рядом с которыми в начале 1930-х гг. возникли спецпоселки. Со временем происходило их слияние в один населенный пункт. Если производственный объект строился в конце 1920-х – 1930-х гг., то нередко появлялись рабочий поселок и спецпоселок, которые затем объединялись. Стационарные спецпоселки располагались в нескольких километрах от предприятий, и в результате образования нового населенного пункта увеличивалась площадь селитебной зоны, которая постепенно застраивалась. Спецпоселки лесозаготовительных предприятий играли, по сути, роль вахтовых поселков.

---

³²⁶ Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда... С. 57.

³²⁷ Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). М., 2008. С. 8, 15.

Рабочие поселки, строившиеся с нуля, как правило, застраивались бараками вместительностью 100–200 человек, чтобы в короткие сроки удовлетворить потребности рабочих в мало-мальски пригодных для проживания жилищно-бытовых условиях. М. И. Мирошниченко выделяла два типа барачков в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «Зырянский» барачок (зыряне на лесозаготовки обычно приезжали с семьями, жилище ставили несколько семей, составлявших артель, но женщины вели хозяйство в особицу) представлял собой полуземлянку: пол находился ниже уровня почвы, тамбура не было, на земляном полу стояли нары, в прорезанный в срубе квадрат без рамы вставлялся кусок оконного стекла, вентиляция осуществлялась за счет плохого конопачения пазов, отапливалось жилище печкой-«временкой». Барачок второго типа, получивший распространение на новостройках и лесозаготовках после 1929 г., «был без кухни и столовой, но с сушилкой, чуланами, койками, с двойным полом, с высотой помещения не менее 2,5 м, с двойными рамами и не менее чем с двумя форточками»³²⁸.

Рабочие поселки крупных производств, таких как Сосьвинский ДОК, Камский ЦБК, насчитывали по несколько десятков барачков. Для рабочих, трудившихся на предприятиях временно, на сезон, под жилье отводились уже нежилые бараки, переоборудовались производственные и социально-бытовые помещения. Условия жизни этой категории рабочих были наиболее тяжелыми, однако в тот период предприятия не могли позволить тратить средства на решение жилищных проблем, поскольку большую часть года помещения оставались бы пустыми.

Жилищные условия спецпереселенцев не сильно отличались от тех, которые имели «вольнорабочие» работники. Помимо жилья в рабочих поселках возводился комплекс построек социально-культурного и бытового назначения. Темпы формирования жилищной и социально-бытовой инфраструктуры в населенных пунктах при крупных предприятиях, расположенных вблизи административных, транспортных, индустриальных центров, были выше, чем в поселениях, распо-

---

³²⁸ Мирошниченко М. И. Жилищные условия населения городов Урала в 1920-х – первой половине 1930-х гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Мат. XI Всерос. науч. конф. В 2-х т. Т. 2. Екатеринбург, 2013. С. 164.

женных в осваивавшихся лесных массивах. Хотя, согласно постановлению³²⁹, руководство лесозаготовительных и лесосплавных предприятий было обязано предоставить помещения для жилья всем постоянным рабочим и их семьям, сезонным рабочим (при этом жилье для «пеших» рабочих должно было находиться не дальше 6 км от места работы), обеспечить снабжением и социально-культурным обслуживанием.

В начале 1930-х гг. было неудовлетворительным, в частности, медицинское обслуживание работников и их семей, проживавших в лесных поселках. Из-за отдаленности большинства населенных пунктов от транспортных коммуникаций и городов, работы лесозаготовительных бригад вдали от мест жительства, острого дефицита медицинских работников оказание своевременной и тем более качественной медицинской помощи работникам становилось, по сути, невозможным³³⁰. Только с организацией медпунктов в лесных поселках медицинское обслуживание работников начало постепенно улучшаться.

Рабочий поселок будущего Сосьвинского ДОКа возник сразу с начала строительства предприятия. В 1932–1933 гг. возводились 10 восьмиквартирных домов, диспансер-амбулатория, кинотеатр, столовая, хлебопекарня, баня, прачечная. Состояние бараков было неудовлетворительным, поскольку они строились наспех³³¹. Несмотря на то, что в большинстве квартир были порядок и чистота, в ряде жилищ у рабочих обитала птица, хранился картофель, появились насекомые. Тех, кто не собирался приводить в порядок свои жилища, руководство комбината предлагало переселять в бараки. Лучшие по чистоте квартиры, напротив, планировалось обставить новой мебелью³³².

В 1936 г. в годовом отчете предприятия отмечалось, что «рабочие и служащие полностью обеспечены благоустроенными квартирами, и часть домов оштукатурена»³³³. Какой смысл вкладывало руководство в понятие «благоустроенные квартиры», остается только гадать. В приказах начальника строительства часто под-

---

³²⁹ Постановление ЦИК и СНК СССР «Об условиях труда рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности и лесном хозяйстве»... (дата обращения: 04.05.2014).

³³⁰ См. н-р: ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

³³¹ См. н-р: АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 1. Л. 6, 22.

³³² Там же, д. 5. Л. 18об. – 19.

³³³ Там же, д. 6. Л. 87об.

нималась проблема состояния жилищного фонда, и ни о каком благоустройстве (водопроводе, теплоснабжении, канализации) там речи не шло. В 1939 г. только 60 % жилищного фонда имело освещение³³⁴. Неудовлетворительно работала баня, которая имела пропускную способность только 30 чел. в день при средней численности работников более 800 чел.³³⁵

В рабочем поселке строившегося Камского ЦБК в 1933 г. была открыта школа, расширена больница³³⁶. В том же году проводилась работа по обеспечению пожарной безопасности (строительство пожарных складов, подъездов к водоемам), освещению дорог и жилых домов, переселению рабочих из социально-бытовых учреждений³³⁷. Качество жилья было низким. В 1933 г. после ремонта бараков рабочие покидали жилье, ссылаясь на безобразные условия проживания³³⁸. Например, в акте о приемке дома от 24 декабря 1933 г. в числе недостатков перечислялись косые, неровные, плохо проконопаченные стены, остекление из обрезков стекла, отсутствие помойных ям и сараев. Затруднительно было пользоваться уборной, поскольку отверстия в стульчаках примыкали к стене. При всех недостатках качество строительных работ было признано удовлетворительным, при условии устранения недочетов³³⁹.

В 1934 г. в поселке началось строительство дома-гиганта на 205 квартир³⁴⁰, имелись милиция, больница, водная станция, дома техники и кино, три школы, вечерний техникум, детский сад, ясли, две столовые³⁴¹. В 1935 г. планировалось построить открытую сцену, по две теннисных и волейбольных площадки, танцевальную, баскетбольную и крокетную площадку, уборную, площадку для городков³⁴². В 1936 г. были построены детский дом, школа на 1000 мест³⁴³.

Краснокамск к моменту пуска предприятия обрел черты городского поселения, имел развитую социально-бытовую инфраструктуру. Однако затем темпы разви-

³³⁴ Там же, д. 13. Л. 25.

³³⁵ Там же, д. 8. Л. 4, 22.

³³⁶ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 118, 124.

³³⁷ Там же, л. 139–140.

³³⁸ Там же, д. 3. Л. 123.

³³⁹ Там же, д. 2. Л. 9–10.

³⁴⁰ Там же, д. 3. Л. 13.

³⁴¹ Там же, д. 2. Л. 257.

³⁴² Там же, д. 3. Л. 93.

³⁴³ Там же, д. 4. Л. 174, 216.

тия поселка снизились. Шульгин, главный инженер «Главцеллюлозы», вышестоящей инстанции, на совещании у народного комиссара лесной промышленности СССР в апреле 1939 г. жаловался, что комбинату «не только запретили строить свои жилища в нефтеносной зоне, но и не отпускают средств и не дают возможности отремонтировать старые дома»³⁴⁴.

В Новой Ляле, где функционировал целлюлозно-бумажный комбинат, улицы состояли из «совсем незавидных хибарок». Одна из них была жилой площадью «всего метров девять-десять, в соответствии с ней и печка, отдельная комната, и была там сооружена из досок койка, во второй – столик на крестовниках, скамейка, койка»³⁴⁵.

Напротив, в Красновишерске, в котором размещался крупный целлюлозно-бумажный комбинат, к началу второй пятилетки были построены театр, библиотека, больница, детский сад и ясли, школа-семилетка, школа ФЗУ, техникум, гостиница, общественная столовая³⁴⁶. Тавда – крупный лесопромышленный центр – к концу 1930-х гг. имела десять школ, пять библиотек, семь рабочих клубов, городской театр, девять детских садов, пять яслей, семь амбулаторий и медицинских пунктов, поликлинику, больницу, родильный дом³⁴⁷.

В поселках, выполнявших вспомогательные (к примеру, сельскохозяйственные) функции, уровень развития жилищно-бытовой инфраструктуры был еще ниже. Так, в рабочем поселке совхоза «Бумажник» Камского ЦБК имелись хлебопекарня, восемь бань, школа, но не было больницы и детского сада. Жилищный фонд только на 18 % был оборудован электрическим освещением, водопровод отсутствовал³⁴⁸.

Содержание рабочих поселков обходилось предприятиям достаточно дорого. С расширением жилищной, социально-культурной и бытовой инфраструктуры поселков расходы увеличивались из года в год. Постепенно происходил рост платы с населения за пользование услугами учреждений. Например, общая сумма, необ-

---

³⁴⁴ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 136. Л. 26.

³⁴⁵ Твардовский И. Т. Указ. соч. С. 101.

³⁴⁶ Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат... С. 667.

³⁴⁷ Воронин Д. И. Указ. соч. С. 7.

³⁴⁸ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 4. Д. 3. Л. 10, 17.

ходимая на содержание жилищного фонда, подведомственного Сосьвинскому ДОКу, в 1936 г. равнялась 90,3 тыс. руб., из которых только 13,4 тыс. руб. оплачивались рабочими и служащими³⁴⁹ (в 1939 г. – 47 тыс. руб.³⁵⁰). Остальные денежные средства выделяло предприятие.

Расходы на содержание рабочих поселков могли быть меньше, если бы своевременно проводилась работа по выселению уволившихся работников и наказанию тех, кто имел долги по коммунальным платежам. Выселение сменившего работу человека могло затянуться надолго, если в населенном пункте имелось несколько предприятий, как в Краснокамске, где рабочие переходили с целлюлозно-бумажного комбината на бумажную фабрику и наоборот, не меняя место проживания³⁵¹.

В середине 1937 г. были введены новые ставки квартирной платы. Излишки жилой площади в размере 4,5 м² на одну семью должны были оплачиваться в одинарном размере, излишки, превышавшие норму, – в тройном. В квартирную плату не входили расходы на отопление, водоснабжение, канализация, газ, освещение, ассенизацию. Квартирная плата рассчитывалась, исходя из наибольшего в семье заработка или дохода, за исключением сверхурочного приработка. Надворные постройки не подлежали оплате.

Квартирная плата дифференцировалась в зависимости от состояния жилища. Приведем базовые ставки: для рабочих и служащих с заработком до 145 руб. в месяц – 40 коп. за м², для рабочих и служащих с заработком более 145 руб. в месяц – 40 коп. за м² плюс 3,3 коп. за м² с каждых полных 10 руб. заработка сверх 145 руб.³⁵² Например, семья рабочего с заработком 130 руб. в месяц, проживавшая на площади 12 м², должна была платить квартирную плату в размере 4,8 руб. ежемесячно. Семья служащего с заработком 300 руб. в месяц, занимавшая площадь 18 м², должна была платить 16,11 руб. ежемесячно. То есть платежи взимались, исходя не из качества и объема оказываемых услуг и числа жильцов, а в зависимости от дохода семей. В среднем, квартирная плата составляла до 5 % от

³⁴⁹ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

³⁵⁰ Там же, д. 13. Л. 25об.

³⁵¹ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 2. Л. 117–118.

³⁵² АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 7. Л. 5об.–9.

месячного семейного бюджета, если оказывались другие коммунальные услуги, то расходы на содержание жилищ возрастали.

На протяжении 1930-х гг. увеличивалась стоимость услуг социально-бытовых учреждений. В 1936 г. за пользование баней рабочие и служащие Сосьвинского ДОКа платили 40 коп. за помывку³⁵³, Камского ЦБК – 50 коп., хотя еще годом ранее стоимость услуги равнялась 30 коп.³⁵⁴ Плата за пользование детским садом в 1937 г. для рабочих Сосьвинского ДОКа составляла 10 руб. в месяц, для служащих – 15 руб.³⁵⁵

Особое внимание в данном разделе диссертационного исследования мы уделяем практике размещения, планировки и застройки спецпоселков, создание которых стало важным этапом в развитии поселенческой сети и лесопромышленного комплекса. Как отмечала Л. Н. Мазур, «строительство спецпоселков носило во многом стихийный характер, хотя местные органы власти и хозяйственные организации пытались планировать процессы обустройства ссылки»³⁵⁶. Такой стихийный характер в большей степени был присущ сети лесозаготовительных спецпоселков, подвижность которой была порождена особенностями лесозаготовки. Другая часть населенных пунктов возникала вблизи предприятий и транспортных коммуникаций.

Спецпоселки имели особый административный статус, свою систему управления и выполняли специфические функции, основными из которых являлись изоляция «общественно опасных элементов» и обеспечение постоянной рабочей силой трудодефицитных отраслей хозяйства, лишение «кулачества» экономической и юридической основы существования, приобщение к труду в интересах социалистического строительства. Эти задачи являлись приоритетными на разных этапах «кулацкой» ссылки.

---

³⁵³ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 5. Л. 43об.

³⁵⁴ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 3. Л. 72; 4. Л. 78.

³⁵⁵ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 5. Л. 96об.

³⁵⁶ Мазур Л. Н. Край ссылки... С. 188.

Так, в 1930 г. выбор мест для размещения спецпоселков происходил, в первую очередь, с точки зрения условий для обеспечения режима изоляции высланных³⁵⁷. На втором этапе, в 1931 г., спецпереселение рассматривалось ОГПУ с точки зрения экономической целесообразности размещения и использования труда «раскулаченных»³⁵⁸. «ОГПУ стремилось не только максимально использовать труд спецпереселенцев в целях индустриального развития, но и переложить на них часть забот по устройству на новых территориях»³⁵⁹. Отсюда комплекс проблем в развитии спецпоселков, который обернулся для высланных смертями, голодом, изнурительным трудом, тяжелой жилищной и продовольственной ситуацией.

И. В. Бердинских называл одной из главных причин неблагополучия в спецпоселках «отсутствие у высланных позитивной мотивации для устройства в новых местах обитания, равно как и неверие местных руководителей в стабильность существования спецпоселений, в целесообразность затрат на их оборудование, а тем более на благоустройство»³⁶⁰. Н. М. Игнатова отмечала две стороны проявления «заботы» хозяйственных организаций о спецпереселенцах: осознание руководством лесозаготовительных трестов зависимости между трудовым использованием бывших «кулаков» и созданием для них удовлетворительных жилищно-бытовых условий; необходимость выполнения плана лесозаготовок любыми средствами, отношение к спецпереселенцам в определенной степени как к «врагам народа», людям временным, для которых нет необходимости развивать материальную базу поселений³⁶¹.

В качестве основного типа возводимых построек была установлена «зырянская изба», имевшая две квартиры³⁶². Этот тип жилища имел существенные конструктивные отличия от настоящей зырянской избы, обладавшей большей площадью, сходство проявлялось в использовании при строительстве соснового леса и кладке

³⁵⁷ Виола Л. Введение // Политбюро и крестьянство : высылка, спецпереселение. 1930–1940 : В 2 кн. Кн. 2. М., 2006. С. 16, 41.

³⁵⁸ Бердинских И. В. Указ. соч. С. 107; Виола Л. Введение... С. 41.

³⁵⁹ Красильников С. А. Серп и Молох... С. 243.

³⁶⁰ Бердинских И. В. Указ. соч. С. 129.

³⁶¹ Игнатова Н. М. Спецпереселенцы в 30–50-е годы XX в.: на материалах Коми АССР: Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2001. С. 29.

³⁶² Докладная записка «О расселении и использовании кулацкой ссылки в Уральской области» [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.info/dokum/193_dok/1930ssylka.html (дата обращения: 08. 12. 2011).

бревен («почти все строения рубились из сосны..., дома состояли из двух изб, одна из которых нередко бывала курная, а вторая строилась без печи и служила кладовой. Освещалась теплая изба маленькими окнами. Наряду с подобными домами в последней четверти XIX века распространение получили постройки с белыми печами в обеих избах. Освещались такие дома только большими окнами...»³⁶³).

По мнению В. Н. Земскова, «по виду спецпоселки практически ничем не отличались от обычных сельских населенных пунктов»³⁶⁴. Но внешний облик не определял всех сходных черт между спецпоселками и селами, деревнями. При строительстве многих спецпоселков использовались совершенно иные архитектурно-планировочные принципы, включавшие регулярную планировку застройки, новые типы построек, строительные материалы. К примеру, в спецпоселке Лобвинского ЛЗ «дома, поставленные из свежих, добротных брусьев, имели четкую планировку. Улицы были прямые и пересекались также со строжайшей аккуратностью»³⁶⁵. Спецпоселок Ломовка Коми-Пермяцкого автономного округа занимал «строго размеченный прямоугольник вырубленного леса, в который вписались большими коробками четырехкомнатные бараки»³⁶⁶.

В процессе строительства спецпоселка можно выделить три этапа: 1) проживание спецпереселенцев в землянках и шалашах – этот этап предшествовал и сопровождал возведение построек для постоянного проживания; 2) заселение домов и бараков, наспех построенных для удовлетворения первичных жилищных потребностей спецпереселенцев (эти постройки были низкого качества и быстро разрушались); 3) строительство и заселение более качественных построек, возводимых в течение нескольких последующих лет. Нужно отметить, что не все хозяйственные организации предпринимали третий этап развития жилищной инфраструктуры населенных пунктов спецпереселенцев, стараясь обеспечить их жильем еще на второй стадии строительства.

Еще на этапе строительства спецпоселков комендантским отделом Уральской области отмечалось, что возведенные жилища «внушают ряд серьезных опасений

³⁶³ Шургин И. Н. От лесной избушки до церкви дивной. Деревянная архитектура коми. М., 2009. С. 5.

³⁶⁴ Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 26.

³⁶⁵ Саушкин М. И. Указ. соч. С. 355.

³⁶⁶ Бердинских И. В. Указ. соч. С. 216.

в санитарно-гигиеническом отношении и требуют капитальных ремонтов, так как выстроены без достаточного отопления, сыры и распланированы внутри таким образом, что почти не имеют площади, свободной от нар»³⁶⁷.

Как вспоминал И. Т. Твардовский, живший в ссылке в лесозаготовительном поселке Парча Новолялинского района, «в бревенчатой хате, срубленной без элементарных плотницких навыков, что сразу же замечалось по кривизне углов и кособокости сруба... сырые стены промерзали, покрывались инеем, а когда топились печи, иней таял, с потолка капало, стены сочились... двери были без тамбуров, и при открывании врывался леденящий холод»³⁶⁸.

В. М. Кириллов отмечал, что к концу 1931 г. в спецпоселках при леспромхозах Уральской области был построен только 51,1 % от необходимого количества бараков, большинство которых были непригодны для проживания³⁶⁹. Среди причин, тормозивших строительство жилья, можно отметить то, что хозяйственные организации стремились максимально использовать спецпереселенцев на основных работах, чтобы выполнить плановые задания³⁷⁰. Помимо неудовлетворительной организации работ по строительству жилья для спецпереселенцев, важным фактором невыполнения планов строительства стали перебои в доставке стройматериалов, их разбазаривание на местах³⁷¹, отсутствие планов и проектов строительства спецпоселков³⁷². «Часть леспромхозов или не имела средств на строительство, или, имея их, расходовала не по назначению. В результате с наступлением зимнего периода спецпереселенцы находились в жилищах местного значения или проживали в помещениях, не отвечающих минимальным требованиям жилищно-санитарных условий»³⁷³.

Ряд спецпоселков был построен в местностях, не пригодных для ведения сельского хозяйства³⁷⁴. В зимний период резко возрастало число побегов жителей спецпоселков Северного Урала из-за суровых природно-климатических, жилищ-

³⁶⁷ Докладная записка «О расселении и использовании кулацкой ссылки...» (дата обращения: 08. 12. 2011).

³⁶⁸ Твардовский И. Т. Указ. соч. С. 84–85.

³⁶⁹ Кириллов В. М. История репрессий... С. 139.

³⁷⁰ См. н-р: ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 3. Л. 69; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 967.

³⁷¹ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 676.

³⁷² Там же, с. 967.

³⁷³ Там же, с. 501.

³⁷⁴ См. н-р: Елисеева Е. И. Указ. соч. С. 75.

ных и трудовых условий. В. Т. Шаламов, участвовавший в конце 1930 г. в работе комиссии по обследованию леспромхозов Чердынского района, не выполнявших план, описал случай, когда местный комендант показал брошенный спецпоселок: новые избы с открытыми дверьми с железными печурками. Жители Кубани, сосланные на Северный Урал, бежали³⁷⁵.

В середине 1930-х гг. внешний вид лесозаготовительных трудпоселков по-прежнему производил удручающее впечатление. Школы и детские сады «ютились» во временных, наскоро приспособленных помещениях. Жилье находилось в полуразрушенном состоянии³⁷⁶. Несмотря на наличие финансовых ресурсов, предназначенных для развития жилищной инфраструктуры трудпоселков, хозяйственные организации не могли их освоить. В 1934 г. трест «Свердлес» освоил только 12 % средств (из 380 тыс. руб.), отпущенных Наркомлесом СССР на жилищное строительство и текущий ремонт зданий, «Западолес» – 18 % (из 380 тыс. руб.), «Камлесосплав» – 66 % (из 307 тыс. руб.), «Древлес» – 38 % (из 223 тыс. руб.), Камский ЦБК – 41 % (из 490 тыс. руб.)³⁷⁷.

Однако в некоторых населенных пунктах до сих пор сохранилась спецпереселенческая застройка. Данную особенность отмечала Л. Н. Мазур, указывая, что многие спецпоселки, построенные в 1931–1932 гг., превратились в крупные центры лесопромышленного комплекса (например, Новая Каква, Новая Кола, Атюс в Серовском районе, Лобва – в Новолялинском, Пролетарий и Косолманка – в Верхотурском)³⁷⁸.

Процент проживающих в домах 1930-х гг. постройки (нами анализировались поселки Косолманка, Пролетарий, Лобва) в настоящее время составляет 10–25 % от общего числа жителей, что является достаточно высоким показателем сохранности и пригодности для жительства бывших спецпереселенческих домов. Закономерен вопрос, каким образом создавался привлекательный облик спецпоселков, учитывая тот факт, что часть бывших спецпереселенцев в дальнейшем осталась в них жить?

³⁷⁵ Шаламов В. Т. Указ. соч. С. 36, 37.

³⁷⁶ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 751.

³⁷⁷ Там же, с. 751–752.

³⁷⁸ Мазур Л. Н. Сельское расселение на Среднем Урале... С. 379.

Спецпоселки при предприятиях по механической обработке и глубокой переработке древесины строились в 1931–1932 гг., во вторую волну спецссылки. Опыт размещения и возведения поселений лесозаготовительной направленности годом ранее позволил избежать ряда ошибок. Спецпоселки были лучше обеспечены строительными материалами, по сравнению с лесозаготовительными и сельскохозяйственными спецпоселками, где многие постройки спустя несколько лет приходили в негодность³⁷⁹.

Спецпоселки представляли собой некие гибриды, профиль хозяйственной деятельности которых лежал в сферах промышленного производства, строительства, транспорта, сельского хозяйства. Например, в спецпоселке Косолманка трудоспособное, прежде всего мужское, население трудилось на лесозаготовках, сплаве и погрузке древесины, а другая часть жителей работала в неуставной сельскохозяйственной артели «Рассвет».

О качестве и условиях проживания в спецпереселенческом жилье можно судить по показателю жилой площади, приходящейся на одного человека. В среднем по Уральской области в первые годы спецссылки на одного спецпереселенца приходилось около 2 м² жилой площади³⁸⁰ (в начале 1931 г. – 0,94 м²)³⁸¹. На 1 сентября 1932 г. по лесопромышленному комплексу Уральского региона на одного спецпереселенца приходилось 3,8 м² жилой площади³⁸², что было выше нормы жилой площади на одного человека (3 м²), установленной договорами с хозяйственными организациями³⁸³. В 1936 г. по тресту «Свердлесдрев» на одного человека приходилось в среднем 4,7 м² жилой площади, однако свыше 20 % рабочих проживали в бараках³⁸⁴.

Проанализируем особенности размещения, планировки и застройки спецпоселков, подведомственных Верхотурскому ЛЗ и Лобвинскому ЛК, расставив основные акценты на двух аспектах: географическая характеристика и формирование материально-бытовой инфраструктуры поселков.

³⁷⁹ Славко Т. И. Указ. соч. С. 82, 84.

³⁸⁰ Мазур Л. Н. Край ссылки... С. 189.

³⁸¹ Кириллов В. М. История репрессий... С. 138.

³⁸² Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области... С. 396.

³⁸³ Бердинских И. В. Указ. соч. С. 129.

³⁸⁴ История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 97.

Строительство спецпоселка Лобвинского ЛЗ развернулось в 1931 г. в полутора-двух километрах от предприятия, ниже по течению р. Лобва, на выступе, омываемом водной артерией. Такое расположение обеспечивало удобный сплав леса, необходимого для строительства жилья. Первые партии спецпереселенцев высадились на «голом» месте, сначала соорудили кое-какие шалаши, потом принялись за землянки. Наибольший размах строительство жилья приобрело с лета 1931 г. Через два месяца в недостроенные квартиры начали вселяться семьи³⁸⁵. Площадку под строительство спецпоселка Верхотурского ЛЗ определили «в сосновом бору на высоком, сухом месте» вблизи предприятия. Прибывшие сюда спецпереселенцы «начали делать землянки, а через несколько дней – строить дома»³⁸⁶.

С целью изучения качества, планировки строений спецпоселка Верхотурского ЛЗ в 2010 г. нами было проведено инструментальное исследование на базе микрорайона Пролетарий п. Привокзальный Верхотурского района. Из 70 жилых (семь частных домов, восемь барачков, 52 двухквартирных дома общей жилой площадью около 3800 м², в которых проживали более 800 чел.) и социальных объектов (детский сад, фельдшерско-акушерский пункт, начальная школа), построенных в 1931–1936 гг., 42 строения (60 %) сохранились в состоянии, пригодном для проживания. 10 строений находились в разрушенном и полуразрушенном состоянии, 18 зданий были снесены по причине пожаров, строительства новых зданий (Приложение 16, 17).

Было выявлено четыре типа строений, имеющих конструктивные различия, – двухквартирные жилые дома 1931–1932 гг. постройки, двухквартирные жилые дома, возведенные в 1936 г., бараки 1932 и 1935 гг. постройки. Строительными материалами служили сосновые бревна диаметром 25–30 см (их использовали при возведении двухквартирных жилых домов в 1931–1932 гг.) и сосновые брусья размерами в поперечном разрезе 15 x 15 см (они применялись для строительства двухквартирных домов в 1936 г., барачков, социальных объектов).

---

³⁸⁵ Саушкин М. И. Указ. соч. С. 355.

³⁸⁶ Долгополов А. И. Указ. соч. С. 63.

Строения имели толевую (несколько двухквартирных домов 1931–1932 гг. постройки) и шиферную кровли (остальные строения). Основания строений были представлены бревенчатым фундаментом с диаметром бревен 30–35 см (дома 1931 г. постройки), каменным фундаментом размером в поперечном разрезе 10 х 10 см (большинство двухквартирных домов, барачков и социальных объектов), свайным фундаментом (два 16-квартирных барака). Применяемые варианты фундаментов обеспечивали устойчивость строений, но имели низкий уровень теплоизоляции, поскольку расстояние между грунтом и полом составляло 5–10 см.

Двухквартирные дома 1931–1932 гг. постройки (38 объектов) имели размеры 8 х 6 м. В квартирах было по две комнаты размерами 4 х 2 м и 4 х 4 м. Двухквартирные дома 1936 г. постройки с параметрами 7 х 7 м имели более удобную планировку. В квартирах было две комнаты, которые разделялись небольшой прихожей (Приложение 18). В 1932 г. были построены по два 12, 14, и 16-квартирных барака. Комнаты, расположенные по обе стороны общего коридора, имели размеры 3,5 х 2,5 м. В 1935 г. возвели два четырехквартирных барака, предназначенные для обеспечения жильем учителей школы спецпоселка. Квартиры в них были двухкомнатными (Приложение 19).

Второе исследование уровня сохранности спецпереселенческой застройки было проведено в 2011 г. на базе спецпоселка Лобвинского ЛЗ. В первой половине 1930-х гг. в нем было построено 135 жилых двухквартирных домов. Все они имели одинаковую планировку: размеры 8 х 6 м; две комнаты размерами 4 х 2 м и 4 х 4 м. Основным строительным материалом служили брусья из сосны, в отдельных случаях использовались сосновые бревна. Из 138 жилых строений (135 двухквартирных домов, три индивидуальных дома общей жилой площадью около 7000 м², где проживали более 1500 чел.), и четырех объектов социального назначения (комендатура, две школы, магазин) 129, то есть 89,4 %, сохранились (Приложение 21, 22).

Высокий уровень сохранности жилищного фонда может быть объяснен двумя моментами: использованием при строительстве качественных стройматериалов, поставляемых Лобвинским ЛЗ; капитальной реконструкцией большей части жи-

лых домов в 1960-х гг., когда в квартирах было увеличено число комнат, произведена обшивка стен, замена крыш, полов (однако основа – спецпереселенческий дом – была сохранена).

Рассмотрим особенности развития социально-бытовой инфраструктуры спецпоселков. В спецпоселке Верхотурского ЛЗ в течение 1932–1935 гг. открылись школа-семилетка, детский сад, фельдшерский пункт и коммутатор³⁸⁷. Руководство предприятия преследовало цель удовлетворения также нужд «местных» жителей, которые пользовались услугами школы, фельдшерского пункта и детского сада. В рабочем поселке клуб был построен еще в 1929 г., и спецпереселенцы пользовались его услугами. После сдачи жилья и объектов соцкультбыта началась работа по благоустройству рабочего поселка. Так, в 1936 г. были отремонтированы клуб, магазин и общежитие для рабочих, сделан пристрой к школе, возведено 10 двухквартирных домов, положено 1415 м тротуаров³⁸⁸. В 1938 г. было открыто родильное отделение при медпункте³⁸⁹. За несколько лет рабочий поселок Верхотурского ЛЗ обрел необходимые социально-культурные и бытовые учреждения.

В спецпоселке Лобвинского ЛЗ в 1932 г. построили начальную школу, в 1936 г. была открыта средняя школа. С середины 1930-х гг. действовали фельдшерский пункт, баня, магазин. В одном из бараков в рабочем поселке открыли клуб, где действовал струнный оркестр, демонстрировалось кино³⁹⁰. В 1936 г. в поселок провели электричество. Детский сад долгое время не открывали. Спецпереселенцы сами ухаживали за своими детьми, либо, если позволяли средства, нанимали для них нянек³⁹¹.

В лесозаготовительных спецпоселках также велось строительство объектов социально-культурного и бытового назначения. Например, в спецпоселках Лобвинского ЛПХ были открыты детские ясли, начальные школы, столовые, клубы³⁹².

Проживание в жилых домах и бараках было сопряжено с трудностями. В квартиры домов нередко заселяли по несколько семей³⁹³. По воспоминаниям бывшей

³⁸⁷ Дерябин К. История Верхотурского лесозавода // Новая жизнь. 1990. 4 ноября. С. 4.

³⁸⁸ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 5–6.

³⁸⁹ Там же, оп. 1-л. Д. 1. Л. 15.

³⁹⁰ Гордин А. А. Указ. соч. С. 36, 182–184.

³⁹¹ Саушкин М. И. Указ. соч. С. 363, 368.

³⁹² Гордин А. А. Указ. соч. С. 52.

жительницы спецпоселка Верхотурского ЛЗ Н. И. Буркица (в девичестве Скрипник), «много места в квартирах занимала большая печь, которая не обеспечивала необходимый температурный режим. Пришлось установить дополнительную «печь-буржуйку», чтобы лучше прогреть жилище. Также делали завалинки, обшивали стены, меняли пол, вставляли в окна вторые рамы, изготавливали простейшую мебель»³⁹⁴ (Приложение 23).

Обстановка в домах, квартирах жителей рабочего поселка и спецпереселенцев практически не отличалась, ведь разница в их материальном положении была незначительной. Люди спали на топчанах, расположенных вдоль стен, или на печи. Матрацы набивали сеном, подушки – пухом камыша. Столы были самодельными, вместо стульев – чурки. Занавески на окна изготавливались из широких бинтов. Света в квартирах не было – жгли лучину. Бывшая спецпереселенка Т. А. Вишнякова рассказала следующий случай: «Однажды к нам в барак зашел директор Верхотурского ЛЗ П. К. Телегин. Мы собирались обедать, и приготовленная еда находилась на табуретах. Как только он это увидел, то разгневался и через некоторое время выделил нам стол и стулья»³⁹⁵.

Типы жилых построек, возводимых в спецпоселках, явились решением жилищной проблемы своего времени, повлияв, в целом, на снижение социальной напряженности в связи с неудовлетворительным уровнем обеспеченности населения жильем, и отразили конструктивные новшества в сфере строительства рабочих поселков. В зависимости от степени заинтересованности хозяйственных организаций в качественном жилье и развитии материальной базы спецпоселков, постройки прослужили населению от десяти и более лет, постепенно разрушаясь и вновь ставя во главу угла проблему строительства нового жилья. Л. Н. Мазур отмечала, что только к середине 1930-х гг. «были найдены наиболее оптимальные варианты организации и обустройства спецпоселков, налажены необходимые условия жизни»³⁹⁶.

---

³⁹³ См. н-р: Долгополов А. И. Указ. соч. С. 63.

³⁹⁴ Записано со слов Буркица Н. И. (Скрипник). 2008. 13 января // Архив автора.

³⁹⁵ Записано со слов Вишняковой Т. А. 2007. 6 февраля // Архив автора.

³⁹⁶ Мазур Л. Н. Край ссылки... С. 198–199.

В некоторых населенных пунктах, как показали результаты исследования, проблемы организации и обустройства спецпоселков решались в первые годы спецссылки в связи с необходимостью организации бесперебойного снабжения лесоматериалами строительного и военно-промышленного комплекса. Во второй половине 1930-х гг. выделялись ссуды на индивидуальное строительство и приобретение скота, организовывался ремонт жилья для стахановцев, улучшались условия быта в общежитиях. Однако реализация мероприятий по улучшению жилищных условий рабочих не везде протекала успешно. Некоторые хозяйственные организации создавали для рабочих минимальные жилищно-бытовые условия³⁹⁷.

Тем не менее, создать привлекательные жилищные условия для рабочих большинство предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930-х гг. не смогли. По уровню благоустройства, качества жилья, социально-бытового обслуживания выигрывали рабочие поселки при предприятиях по механической обработке и глубокой переработке древесины. Благодаря строительству детских садов, школ, медицинских пунктов с одной стороны, удовлетворялись потребности «местных» жителей и ссыльных, обеспечивалась привлекательность поселков для рабочих. Лесозаготовительные предприятия, которые располагались вдали от транспортных коммуникаций, других сельских и городских населенных пунктов, часто не уделяли должного внимания жилищным проблемам ввиду использования принудительного труда и постоянного перемещения лесозаготовителей от освоенного лесного массива к новому.

2. 4. Продовольственное обеспечение

Продовольственное обеспечение работников, занятых в лесной промышленности, налаживалось на протяжении 1930-х гг. и зависело от конкретных условий (природно-климатических, экономических, социальных, транспортных и др.). Оно осуществлялось тремя способами: 1) организованное продовольственное обеспечение через хозяйственные организации (когда объем питания зависел от эффективности труда рабочих и организации питания на предприятии); 2) развитие индивидуальных хозяйств («вольные» рабочие с большим стажем работы и спецпе-

---

³⁹⁷ См. н-р: История лесной промышленности Среднего Урала... С. 97.

реселенцы разрабатывали небольшие приусадебные участки); 3) сбор ягод, грибов, трав, кражи продуктов питания и овощей, попрошайничество.

Организованное продовольственное обеспечение зависело, в первую очередь, от политики руководства государства и лично И. В. Сталина, целью которой было – «понижить общий объем потребления, избежав при этом понижения производительности труда в приоритетных отраслях»³⁹⁸. На уровне исполнительной и местной власти на продовольственное обеспечение влияли особенности распределения товаров, взаимодействий местных, региональных, государственных предприятий и организаций, конкретные действия ответственных лиц, работа сельского хозяйства, пищевой промышленности, транспорта. Политика государства и хозяйственных организаций в области организации продовольственного обеспечения осваивавшихся территорий имела целью, с одной стороны, стимулирование труда рабочих, а с другой стороны, снижение доли поставок продовольствия за счет развития индивидуальных хозяйств.

Предприятия лесопромышленного комплекса Уральского региона создавали в своей структуре сельскохозяйственные подразделения. Сельское хозяйство развивалось в направлении животноводства, растениеводство носило вспомогательный характер. В первой половине 1930-х гг. предприятия испытывали дефицит рабочей (хозяйственные организации были, в первую очередь, озабочены выполнением основных производственных планов) и тягловой силы, кормов, семенного материала, инструментов, средств.

Например, в сельскохозяйственном комбинате Верхотурского ЛЗ в посевную кампанию 1932 г. на работу выходили только 25 % рабочих, большинство из которых не выполняли норм, только 20 % лошадей были годны для пахоты, не было семян, кормов, тракторов³⁹⁹. Совхоз «Бумажник» строившегося Камского ЦБК в 1933 г. должен был засеять разными культурами 1100 га⁴⁰⁰. Если результаты растениеводческой деятельности были более-менее успешными, то в части животноводства совхоз работал неудовлетворительно. В 1934 г. планировалось обновить

---

³⁹⁸ Грегори П. Указ. соч. С. 129.

³⁹⁹ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴⁰⁰ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

поголовье коров и свиней для увеличения надоев и производства мяса⁴⁰¹. Рядом с Красновишерском для удовлетворения продовольствием работников целлюлозно-бумажного комбината и жителей населенного пункта были построены животноводческая ферма на 600 голов крупного рогатого скота и на 1000 голов свиней, а также сельскохозяйственная ферма⁴⁰².

Во второй половине 1930-х гг. сельскохозяйственные подразделения стали работать более результативно. К примеру, в 1939 г. у совхоза «Бумажник» имелись шесть тракторов, один комбайн, три автомашины, 107 механизмов для обработки земли, 54 механизма для посадки культур, уборки и обработки урожая⁴⁰³. В 1940 г., по сравнению с предыдущим годом, увеличились обрабатываемые площади (с 2577 до 2791 га), урожайность зерновых (с 12,8 до 13,1 ц/га), росло поголовье крупного рогатого скота, свиней, лошадей, улучшились показатели выполнения годового плана (хотя он полностью не выполнялся ни в 1939, ни в 1940 г.)⁴⁰⁴.

Организованное продовольственное обеспечение должно было служить одним из стимулов повышения эффективности труда рабочих. Так, по тресту «Уралсевлес» к 1 января 1932 г. планировалось построить 51 ларек, три овощехранилища, 45 питательных пунктов, 38 хлебопекарен, восемь складов⁴⁰⁵. Однако работа по организации удовлетворительного продовольственного обеспечения работников осуществлялась неуспешно, качество работы общепита оставляло желать лучшего. Например, в столовых строившегося Сосьвинского ДОКа (для рабочих, инженерно-технических работников, детей) в период с 1932 по 1935 гг. отмечалось «отвратительное качество обедов». Руководство комбината предложило направить (через три года с начала строительства) поваров на курсы повышения квалификации⁴⁰⁶.

Рабочие, занятые на лесозаготовках в Предуралье, в 1933 г. писали в адрес властей: «...Нашего заработка хватает только на десять дней при такой дороговизне на все. В столовых обеды готовят очень плохие, на силос скоту, а деньги дерут с

---

⁴⁰¹ Там же, л. 215.

⁴⁰² Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат... С. 667.

⁴⁰³ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 4. Д. 3. Л. 10–11об.

⁴⁰⁴ Там же, д. 3. Л. 18об. – 20; Д. 5. Л. 11об. – 13, 15об.

⁴⁰⁵ ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 3. Л. 84–85.

⁴⁰⁶ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 93об.

нас около рубля за обед...»⁴⁰⁷ С развертыванием стахановского движения на предприятиях создавались закрытые столовые для стахановцев, в том числе из числа спецпереселенцев.

Спецпереселенцы в рамках организованного продовольственного обеспечения должны были получать продукты только по нормам и фондам рабочего снабжения. Это стало возможно благодаря созданному 16 мая 1931 г. специальному управлению при тресте «Ураллес» по хозяйственному использованию, снабжению и устройству спецпереселенцев и на основании информационного письма ГУЛАГа ОГПУ об организации продовольственного обеспечения спецпереселенцев от 13 июля 1931 г.⁴⁰⁸

Официально еще в мае 1930 г. постановлениями Совета труда и обороны и СНК СССР в отношении предприятий, новостроек, совхозов, лесоразработок были уравнены нормы снабжения спецпереселенцев и «вольнонаемных» рабочих продовольствием, одеждой и обувью⁴⁰⁹. Однако, к примеру, трест «Камуралбумлес» предполагал обеспечивать продовольствием только трудоспособных спецпереселенцев⁴¹⁰. «В связи со снижением норм продовольствия, при слабой интенсивности труда спецпереселенцы-рабочие не обеспечивали семьи заработанным пайком. Поэтому нетрудоспособных членов семей снабжали из фондов государственного снабжения наравне с теми семьями, в которых не имелось трудоспособных»⁴¹¹.

Возможность приобретать причитающиеся спецпереселенцам пайки в начале 1930-х гг. была ограничена из-за невыплат заработной платы (такая ситуация была особенно характерна для лесозаготовок), а также недостаточных поступлений продовольственных и промышленных товаров⁴¹². С июля 1933 г., согласно постановлениям Совета труда и обороны и СНК СССР, спецпереселенцы стали получать нормы наряду с «вольнонаемными» рабочими, а члены их семей – нормы членов семей рабочих. К концу первой пятилетки, как отмечала Е. А. Осокина,

⁴⁰⁷ Цит. по: Шевырин С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье... (дата обращения: 15. 12. 2013).

⁴⁰⁸ Славко Т. И. Указ. соч. С. 91–92.

⁴⁰⁹ Бердинских И. В. Указ. соч. С. 133.

⁴¹⁰ Кириллов В. М. История репрессий... С. 134.

⁴¹¹ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 502.

⁴¹² См. н-р: Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области... С. 174–175, 181.

различий между «вольнонаемными» рабочими и спецпереселенцами, с точки зрения принципов государственного снабжения, изложенных в постановлениях, не существовало⁴¹³.

Организация продовольственного обеспечения в разных отраслях экономики имела различия. Как вспоминали спецпереселенцы, в первой половине 1930-х гг. уровень снабжения рабочих на предприятиях по механической обработке и глубокой переработке древесины, железной дороге был практически одинаковым, но выше, чем на лесозаготовках (например, в 1932 г. в спецпоселках Коми-Пермяцкого автономного округа дневной паек на одного человека насчитывал 200 г «хлеба» и 30 г ячневой крупы⁴¹⁴, а в спецпоселке Парча Новолялинского района десятидневный паек равнялся 8 кг муки, 3 кг крупы, небольшому количеству сахара, рыбы⁴¹⁵). Е. И. Елисеева приводит данные, согласно которым в 1932 г. для спецпереселенцев Надеждинского района, занятых в лесной и горной промышленности, в среднем на одного человека поступило за год: муки – 127 кг, сахара – 7,5 кг, масла растительного – 4,75 кг, крупы – 8,5 кг, рыбы – 7,8 кг, мяса – 0,3 кг⁴¹⁶.

В середине 1930-х гг. дневной паек на одного взрослого составлял 400 г ржаного хлеба (почти без всяких примесей), 50 г гороха, 25 г сахара. Это было примерно столько же, как и в первые годы ссылки, когда с 1931 г. спецпереселенцы, занятые в промышленности, получали в день 300 г муки, 30 г крупы, 75 г рыбы, 12 г сахара⁴¹⁷. Хотя для рабочих Урала, согласно исследованиям 1926–1928 гг., основными продуктами питания являлись мучные, мясные и молочные⁴¹⁸. Однако в условиях хозяйственного освоения новых территорий, их удаленности от основных районов расселения, продовольственного кризиса в стране (нередко в разных регионах страны перераставшего в голод) было невозможно в короткие сроки наладить более-менее удовлетворительную организацию снабжения.

---

⁴¹³ Осокина Е. А. Указ. соч. С. 92–93.

⁴¹⁴ Саушкин М. И. Указ. соч. С. 277.

⁴¹⁵ Твардовский И. Т. Указ. соч. С. 88.

⁴¹⁶ Елисеева Е. И. Указ. соч. С. 74.

⁴¹⁷ Славко Т. И. Указ. соч. С. 92.

⁴¹⁸ Продовольственная безопасность Урала... С. 25–32.

Приведенные данные не означают, что продовольственное обеспечение спецпереселенцев осуществлялось в строго регламентированных объемах. Лесопромышленный комплекс, где было занято большинство спецпереселенцев, был подвержен колебаниям заготовительных планов, вследствие чего люди нередко оставались без работы и снимались с довольствия⁴¹⁹. В северных районах Уральской области спецпереселенцы гораздо сильнее страдали от нехватки теплой одежды и плохого жилья. Туда было сложнее завезти продовольствие, лекарства, а возможности ведения огородничества и организации сельскохозяйственных предприятий были ограничены.

В начале 1930-х гг. при распределении продуктов в первую очередь снабжались близлежащие лесозаготовительные участки, а отдаленным отправлялись остатки продовольствия, которых порой хватало только примерно десятой части спецпереселенцев⁴²⁰. Коменданты, руководители предприятий и хозяйственных организаций, стремившиеся хоть как-то улучшить продовольственное обеспечение спецпереселенцев, могли сами пострадать от репрессий. Нерационально использовались кредиты, отпускавшиеся хозяйственным организациям для сельскохозяйственного устройства трудпоселенцев (например, в 1934 г. трест «Западолес» не использовал по прямому назначению 1359 тыс. руб., «Камлесосплав» – 486 тыс. руб.)⁴²¹.

Проблема продовольственного обеспечения лесозаготовительных спецпоселков была наиболее злободневной для предприятий лесопромышленного комплекса. Как только официально уменьшались нормы снабжения (как в случае с Наркомлесом СССР в 1933 г.) или задерживались поставки продовольствия, ухудшалось положение рабочих. В пищу шли несъедобные суррогаты, реже кошки, собаки и трупы павших животных, снижалась эффективность труда рабочих, увеличивался уровень преступности, заболеваемости и смертности⁴²².

Спецпереселенцы ходили побираться в поселки «местных» жителей, которые редко что подавали. Слишком было много голодных, к тому же жители негативно

---

⁴¹⁹ Захаровский Л. В. Указ. соч. С. 29.

⁴²⁰ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 676.

⁴²¹ Там же, с. 756.

⁴²² Земсков В. Н. Судьба «кулацкой ссылки»... С. 120.

относились к раскулаченным⁴²³. Например, в лесозаготовительном спецпоселке Ромахино Верхотурского района в период голода спецпереселенцы делали лепешки, добавляя немного муки в липовый опил, варили листья молодой липы, крапиву, лебеду, секли и тушили иван-чай, дети собирали на старых пнях и жарили короедов⁴²⁴. Даже вода в реках (транспортировка леса, как правило, осуществлялась сплавным способом) была пригодна только для хозяйственных нужд. В районе действия Новолялинского ЦБК вода не соответствовала санитарным нормам⁴²⁵. Жителям спецпоселков приходилось в большинстве случаев переходить на колодезное водоснабжение или искать притоки рек с незагрязненной водой, а в зимний период использовать талый снег.

Для многих спецпереселенцев, в основном детей, женщин и стариков, ссылка закончилась смертью, чему способствовал недостаток питания, а порой и голод. Потребовалось несколько лет, чтобы организовать более-менее удовлетворительное продовольственное обеспечение спецпереселенцев (которое даже на протяжении второй половины 1930-х гг. во многом зависело от получаемых страной урожаев, особенностей распределения продовольствия и его доставки). Однако и в 1934 г. во многих леспромхозах Свердловской области имели место задержки в выдаче продовольствия трудпоселенцам на пять-десять дней и более. Общественное питание было организовано неудовлетворительно и было доступно далеко не всем (48–60 руб. в месяц при среднем заработке 70–100 руб.)⁴²⁶. По отдельным леспромхозам (например, Верхотурскому, Гаринскому, Лобвинскому) трудпоселенцы в течение мая-июля 1934 г. не снабжались продовольствием и вынуждены были употреблять суррогаты⁴²⁷.

Спецпереселенцы, не получавшие организованного продовольственного обеспечения (неработающие, дети, пожилые люди), находили самые причудливые способы удовлетворения потребностей в питании: обмен имевшейся одежды, ин-

---

⁴²³ Саушкин М. И. Указ. соч. С. 365.

⁴²⁴ Долгополов А. И. Указ. соч. С. 83.

⁴²⁵ Медико-санитарное обслуживание спецпереселенцев в Уральской области. Из докладной записки Уральского облздравотдела в Народный комиссариат здравоохранения (на 10 февраля 1932 г.). URL: http://www.hrono.info/dokum/193_dok/1930ssylka.html (дата обращения: 08. 12. 2011).

⁴²⁶ Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение... С. 753.

⁴²⁷ Там же, с. 755–756.

струментов на продукты у «местных» жителей; побирательство; поиск остатков продуктов питания на помойках, хищение овощей с полей, огородов; сбор трав, ягод, грибов в окрестных лесах⁴²⁸. К примеру, Н. И. Буркица (Скрипник), оказавшаяся в 1930 г. в лесозаготовительном поселке Старая Ляля, посещала детское учреждение, где прятала под платок ломти хлеба и приносила их отцу, которые вскоре умер, не вынеся тяжелой работы на лесозаготовках⁴²⁹ (Приложение 22).

Проблемы продовольственного обеспечения детей отчасти решались открытием яслей, детских садов и школ, где, как правило, были огородные участки, урожай с которых в определенной степени обеспечивал питание ребят в учебном году⁴³⁰. Сбор трав, ягод, грибов в окрестных лесах также играл важную роль в определенной степени компенсации дефицита продовольствия. Правда, имели место случаи отравления, смерти из-за незнания спецпереселенцами природно-климатических особенностей Урала.

Что касается получаемой рабочими лесопромышленного комплекса заработной платы, на которую также можно было приобрести продукты питания в магазинах, то ее значимость с каждым годом падала из-за роста цен и дефицита продовольственных товаров. К тому же сеть магазинов и ассортимент товаров в рабочих поселках, учитывая удаленность многих из них от средних и больших городских поселений, были невелики. Так, в 1928–1932 гг. в Уральском регионе при росте номинальной заработной платы рабочих на 65 % рост общего индекса цен составил 250 %⁴³¹; в 1932–1940 гг. заработная плата рабочих крупной промышленности выросла в 4,3 раза, а общая стоимость набора продовольственных и непродовольственных товаров в 1932–1939 гг. увеличилась в 4,8 раза⁴³². Покупательная способность населения снизилась. В 1928–1940 гг. цены на наиболее «популярные» товары возросли: мясо и мясопродукты, яйца и масло животное – в 9–11 раз, молоко

---

⁴²⁸ См. н-р: Долгополов А. И. Указ. соч. С. 64–65.

⁴²⁹ Записано со слов Буркица Н. И. 2008. 13 января // Архив автора.

⁴³⁰ См. н-р: Саушкин М. И. Указ. соч. С. 369.

⁴³¹ Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала... С. 168–169.

⁴³² Там же, с. 179–180.

и сыр – в 7,1 раза, крупу и картофель – в 13 раз, хлеб – в 8,7 раза, муку – в 15 раз⁴³³.

В конце 1934 г. – 1935 г. произошли важные изменения в продовольственном обеспечении населения страны. В постановлении СНК СССР и центрального комитета ВКП (б) от 25 сентября 1935 г. говорилось о снижении цен на хлеб, муку, крупу, о введении единых розничных цен на мясо, рыбу, сахар и другие продукты, об отмене карточной системы. Руководство предприятий проводило работу по выполнению постановлений высших органов власти и партии. Так, в поселке Сосьвинского ДОКа был завершён ремонт двух магазинов и пекарни⁴³⁴. В поселке Камского ЦБК была ликвидирована система закрытых распределителей, появились магазины, специализировавшиеся в торговле рыбой, мясом, колбасными изделиями, консервами, водочными напитками, кондитерскими изделиями⁴³⁵.

Другим основным источником снабжения являлись индивидуальные хозяйства. В частности, возможности развития хозяйств спецпереселенцев, занятых в лесной промышленности, регулировались постановлением СНК СССР от 16 августа 1931 г. № 174-с. В соответствии с ним хозяйственные организации и комендантуры стали выделять землю под приусадебные участки, а также инвентарь и скот. Приблизительные нормы надела в Уральском регионе определялись следующим образом: под застройку – 0,2 га (2000 м²); огород – 0,15 га (1500 м²); пашня – 0,3 га (3000 м²) на едока; сенокос – 2 га (20000 м²) на хозяйство. Посевы и промыслы спецпереселенцев освобождались от всех видов налогов до 1933 г.⁴³⁶ Л. Н. Мазур отмечала, что «постановление СНК СССР от 16 августа 1931 г. имело большое значение для выживания спецпереселенцев и обустройства спецпоселков, позволяя преобразовать их в «территорию жизни»⁴³⁷.

При строительстве спецпоселков во второй половине 1931 г. – начале 1932 г. закладывался регулярный характер застройки (поквартальная разбивка территории), и все пространство внутри квартала распределялось под огороды. Для опре-

---

⁴³³ Продовольственная безопасность Урала... С. 294–295.

⁴³⁴ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 19об.

⁴³⁵ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 3. Л. 239.

⁴³⁶ Мазур Л. Н. Край ссылки... С. 191.

⁴³⁷ Там же, с. 192.

деления среднего размера земельного участка, обрабатывавшегося спецпереселенческой семьей, проживавшей в двухквартирном домике (основной тип жилых построек, поскольку бараки относились к временному типу жилища), нами было проведено инструментальное исследование, в ходе которого получены современные данные о параметрах участков и их площади. Средний размер огородного участка в спецпоселке Верхотурского ЛЗ составил 0,17 га (1700 м²). Размеры конкретных участков были различными – от 0,13 до 0,2 га (от 1300 до 2000 м²).

Скорее всего, огороды распределялись, исходя из числа людей в семье, занятых в производстве. Тем не менее, тенденция завышения площади участков при планировании спецпоселка очевидна. Их большая часть имела площадь 0,17–0,18 га (1700–1800 м²). Была возможность увеличения площади участка за счет занятия пространства между застройкой и уличными дорогами, но определенное расстояние между ними – особенность организации большинства спецпоселков. Спецпереселенцам удавалось разрабатывать огороды под посадку картофеля вне жилой зоны, и эти земельные участки оставались неучтенными при расчете размеров индивидуальных хозяйств. Значит, средний показатель обрабатываемой земельной площади на одну спецпереселенческую семью был еще больше. Так, с площади 0,02 га, в зависимости от ухода за грядками и климатических условий, можно снимать ежегодно от 25 до 40 ведер картофеля объемом 12 л, то есть польза от завышения размеров участков имелаась.

В спецпоселке Лобвинского ЛЗ в ходе исследования средний размер огородного участка составил 0,12 га (1200 м²). Это было обусловлено высокой концентрацией населения и плотностью застройки на отведенной под спецпоселок территории. Спецпереселенцам удавалось разрабатывать огороды вне жилого поселка. М. И. Саушкин отмечал, что его семья, переехавшая в спецпоселок Лобва в 1935 г., разработала под посадку картофеля два огорода вне жилой зоны. В 1936 г. семья получила урожай: 80 ведер картофеля и 10 ведер капусты⁴³⁸. Н. И. Паседа, родившийся в 1941 г. в том же спецпоселке, рассказал, что его родители под картофельные грядки отводили в разные годы 0,04–0,06 га. Получаемого урожая было

---

⁴³⁸ Саушкин М. И. Указ. соч. С. 367–368.

достаточно для обеспечения семьи из четырех человек продовольствием. Н. И. Паседа отметил, что одна часть семей спецпереселенцев разрабатывала весь земельный участок под посев овощей, другая – только необходимую площадь для минимального обеспечения продовольствием. Степень вовлеченности спецпереселенцев в огородные работы зависела от их занятости на производстве, уровня заработной платы, личностных качеств⁴³⁹.

Разработка огородных участков происходила постепенно, на протяжении 1930-х гг. Спецпереселенцы изначально не располагали объемом семенных культур на весь огородный участок. Даже в 1935 г. под посадку картофеля одной семьей поселка Верхотурского ЛЗ в среднем отводилось 0,03 га, с которых можно было снять за сезон от 40 до 70 ведер, в 1936 г. – 0,05 га⁴⁴⁰. То есть только спустя примерно четыре-пять лет огородный участок среднестатистической спецпереселенческой семьи стал обеспечивать ее урожаем на протяжении года. Оставшаяся разработанная площадь засеивалась семенами культур, бывших в ходу у «местных» жителей – свеклы, капусты, бобов, гороха, репы, табака. Труднее было тем переселенцам, которых переводили из других лесозаготовительных спецпоселков, закрывавшихся после разработки лесной базы.

Сельскохозяйственные комбинаты при предприятиях лесопромышленного комплекса организовывали разработку пашни и сенокосов с использованием труда спецпереселенцев. В 1936 г. Лобвинский ЛК провел землеустройство на площади 1000 га и закупил семь коров, Верхотурский ЛЗ – шесть коров⁴⁴¹. В 1936 г. в рабочем поселке Верхотурского ЛЗ у 311 семей имелось 96 дойных коров, 157 коз, 99 свиней, 298 кур. поголовье домашнего скота увеличилось в 2,7 раза, по сравнению с 1935 г.⁴⁴² Показатели обеспеченности семей этого поселка коровами и свиньями (соответственно, 0,3 и 0,32 на одну семью) в 1936 г. были близки и даже превышали средние показатели по Уральскому региону (соответственно, 0,4

---

⁴³⁹ Записано со слов Паседа Н. И. 2011. 1 апреля // Архив автора.

⁴⁴⁰ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

⁴⁴¹ Там же, л. 34.

⁴⁴² Там же, д. 18. Л. 30.

и 0,07 на одну семью рабочих и служащих городов)⁴⁴³, стране (соответственно, 0,15 и 0,25 на одну семью спецпереселенцев, по данным на 1938 г.)⁴⁴⁴.

Как подчеркивалось на государственном уровне, индивидуальное хозяйство «должно было иметь самые незначительные размеры, чтобы не отвлекать внимания спецпереселенцев, и при этом обеспечивать их собственное потребление овощами и зерном, чтобы избавить государство от завоза продуктов»⁴⁴⁵. Естественно, что в полной мере реализовать правительственные ожидания по части перехода спецпереселенцев на самообеспечение продовольствием не удалось. Хотя даже наполовину разработанный огородный участок (разумеется, при должном уходе за ним) позволял обеспечить семью спецпереселенцев основными продуктами питания, но требовал от ее членов больших временных затрат. И многим семьям, ввиду своей занятости на предприятиях, работавших по двух-, трехсменному графику, не удавалось уделять достаточно времени индивидуальному хозяйству.

Рабочие предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона стремились обеспечить себя и свои семьи продовольствием. В первой половине 1930-х гг. важную роль играли организованное продовольственное обеспечение и разные формы самоснабжения. Во второй половине десятилетия важную роль стали играть индивидуальные хозяйства. Труд в лесопромышленном комплексе – один из наиболее тяжелых. Норма потребления в отрасли, по расчетам Е. Кабо (1923 г.), составляла 4065,2 ккал (третье место). Исследователь указывал, что «выведенные нормы потребления продуктов питания – минимальные и урезаемы быть не могут»⁴⁴⁶.

Предписанные нормы для спецпереселенцев, занятых физическим трудом, составляли 2027 ккал в день⁴⁴⁷. Однако они в большинстве случаев не соблюдались и были существенно меньше, как для «вольнонаемных» работников, так и для ссыльных. Исходя из современных данных об энергетической ценности продук-

---

⁴⁴³ Постников С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России... С. 119–120.

⁴⁴⁴ Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 176.

⁴⁴⁵ Мазур Л. Н. Край ссылки... С. 191.

⁴⁴⁶ Продовольственная безопасность Урала... С. 24.

⁴⁴⁷ Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ... С. 118.

тов питания, а также их невысокого качества в 1930-х гг., норма составляла 1000–1200 ккал. Сказывались отраслевая специфика, отдаленность предприятий от крупных городов, сельскохозяйственных районов, организационно-экономические особенности продовольственного обеспечения. Приобрести продовольственные товары в магазинах было проблематично. По мере развития индивидуальных хозяйств рабочие получали необходимые продукты питания, главным образом, оттуда. Так что проблема продовольственного обеспечения рабочих, занятых в лесопромышленном комплексе, и их семей стояла остро на всем протяжении 1930-х гг.

По сути, продовольственное обеспечение одновременно являлось стимулом к труду (чем эффективнее труд, тем лучше питание) и принуждением к труду (снижение норм выработки влекло уменьшение снабжения). Однако результаты сельскохозяйственного развития, достигнутые к концу 1930-х гг., явились пределом, поскольку в последующие годы, в связи с природно-климатическими особенностями Среднего и Северного Урала, площадь обрабатываемых земель и поголовье скота сокращались. Соответственно, произошло изменение соотношения разных источников продовольствия в снабжении рабочих и их семей. На первый план выходили организованное продовольственное обеспечение и покупка продуктов питания в магазинах, а индивидуальные хозяйства переставали играть ту важную роль, которая отводилась им в 1930-х гг.

Глава 3. Социально-экономическая эффективность функционирования лесопромышленного комплекса Уральского региона

3. 1. Эффективность труда работников

В 1930-х гг. сложилось и стало нормой на долгие годы сосуществование двух путей привлечения к труду: принуждения и стимулирования. Выполнение производственных планов, стабильная работа предприятий была напрямую связана с повышением эффективности труда рабочих. А. В. Бакунин отмечал, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «при огосударствлении собственности, отчуждении работников от средств производства последовало закономерное снижение трудовой и социальной активности работников, в связи с чем партийные, государственные и хозяйственные руководители шли на повышение заработной платы на ведущих стройках, использовали идеологическую обработку масс, развитие различных форм соревнования и др.»⁴⁴⁸

Проанализируем особенности реализации предприятиями лесопромышленного комплекса Уральского региона мероприятий, направленных на повышение эффективности труда работников и функционирования производств, а также поведенческие реакции работников на эти действия. Современные исследователи, анализируя взаимоотношения между властью и обществом в 1930–1950-х гг. (общественное сопротивление власти – агрессивная политика – ответная реакция общества – новый цикл репрессий), выявили основные факторы формирования стратегий выживания людей. Попытке партии и государства распространить свой контроль на все сферы общественной жизни, в том числе с помощью репрессий, противостояла бесконечная гамма форм сопротивления общества, чаще всего пассивных: различных стратегий ухода или выживания⁴⁴⁹.

На протяжении 1930-х гг. предприятия использовали административный ресурс в борьбе с прогулами и опозданиями рабочих, авариями, простоями производственного оборудования, хищениями материальных ценностей. 15 ноября 1932 г. центральный исполнительный комитет СССР издал постановление, согласно ко-

⁴⁴⁸ Бакунин А. В. Индустриализация... С. 229.

⁴⁴⁹ Верт Н. Террор и беспорядок... С. 9–10.

тому любой рабочий, пропустивший один день «без уважительной причины», подлежал увольнению⁴⁵⁰. Однако зачастую руководство предприятий было не осведомлено о прогулах и опозданиях работников из-за ошибок в табелях, отсутствия отметок о количестве отработанных часов и т. п. Не было эффективно налажено взаимодействие руководителей подразделений предприятий с работниками.

Начальник строительства Камского ЦБК Я. И. Горячев в 1933 г. указывал, что «заведующие отделами и цехами, получая те или иные приказы, распоряжения, а также директивы вышестоящих органов, не знакомят с ними работников, вследствие чего они ссылаются на неизвестность таковых»⁴⁵¹. Начальник строительства Сосьвинского ДОКа отмечал, что отношение рабочих к труду, оборудованию, повышению квалификации было негативным. В ночные смены рабочие спали, агрегаты не очищали от пыли и грязи⁴⁵². Приходилось периодически проводить проверки. Так, в ночь на 2 апреля 1934 г. начальнику строительства удалось увести двух лошадей с конного двора, поскольку дежурные и начальник спали. Дежурные лишились работы и должны были выплатить сумму убытков, связанных с поиском двух «украденных» лошадей⁴⁵³.

Причины прогулов, как правило, были связаны с решением бытовых проблем рабочих. Например, 7 июня 1937 г. (Сосьвинский ДОК) А. Абросов ходил в деревню, И. Тычкин проспал, А. Бармина водила корову в ветпункт; 15 июня М. Криницын чинил ботинки, В. Мишкин проспал, Н. Винокуров делал конюшню. Что интересно, прогульщики не понесли наказаний⁴⁵⁴. В последующие годы количество прогулов снижалось, но незначительно. Руководство предприятий увольняло работников, особенно часто за пьянство или появление в нетрезвом виде на рабочем месте, кражи. В остальных случаях работники, как правило, отделывались выговорами, штрафами, лишением премий, снижением окладов, понижением разряда и в должности.

⁴⁵⁰ Голдман В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М., 2010. С. 136.

⁴⁵¹ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

⁴⁵² АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 1. Л. 54, 62.

⁴⁵³ Там же, д. 3. Л. 32.

⁴⁵⁴ Там же, д. 5. Л. 141об.–142.

В 1938 г. на Сосьвинском ДОКе было зафиксировано 298 прогулов, но только 17 чел. было уволено⁴⁵⁵. Нередко начальники цехов разрешали рабочим отлучаться с производства по разным причинам, не оформляя документов, допуская перерасход заработной платы и искажение фактических показателей работы. Часто работники уходили в отпуска без сохранения заработной платы⁴⁵⁶. Служащие предприятий порой сами провоцировали прогулы. К примеру, 16 февраля 1937 г. трудпоселенцам в количестве 96 чел., занятым на строительстве Соликамского ЦБК, не была подана машина (расстояние от поселка до места работы – 9–10 км). На следующий день начальник транспортного цеха большинство из этих рабочих не допустил до работы, двух уволил⁴⁵⁷.

В конце 1930-х гг. вступили в силу ряд нормативных правовых актов, которые ограничивали права и свободы работников. 20 декабря 1938 г. СНК СССР принял постановление об обязательном введении трудовых книжек на всех предприятиях и учреждениях страны. В трудовых книжках отмечались места работы, должны были записываться все поощрения и наказания, взыскания, причины увольнений. В январе 1939 г. вышло постановление СНК СССР, согласно которому опоздание на 20 мин. приравнивалось к неоправданному отсутствию. 26 июня 1940 г. был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», который фактически запрещал «одностороннее расторжение трудового договора» и прикреплял работника к предприятию, вводя ряд карательных мер за прогулы, опоздания и самовольный уход с работы⁴⁵⁸.

Предприятия получили действенный инструмент для улучшения трудовой дисциплины. Наказанные работники продолжали трудиться (на исправительно-трудовых работах), недополучая 25 % зарплаты. В частности, на Краснокамской БФ «Гознак» за первое полугодие 1940 г., при 277 прогулах, 30 опозданиях свыше

---

⁴⁵⁵ Там же, д. 10. Л. 5.

⁴⁵⁶ См. н-р: ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

⁴⁵⁷ Общество и власть. Российская провинция. 1917–1940. Пермский край. Док. и мат. Пермь, 2008. С. 792, 793.

⁴⁵⁸ Соколов А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник, 2003. М., 2004. С. 76.

20 мин., 178 опозданиях до 20 мин., 350 прочих нарушениях трудовой дисциплины (на предприятии трудились чуть более 1500 работников), было уволено 336 чел., отдано под суд – 8 чел. (с 26 по 30 июня), наложено прочих взысканий – в 491 случае⁴⁵⁹. За три месяца после издания указа от 26 июня 1940 г. на фабрике было привлечено к суду 75 чел. за прогулы и опоздания свыше 20 мин., пять чел. – за самовольный уход с работы. Количество прогулов уменьшилось, но число прочих нарушений (невыполнение распоряжений администрации, халатное отношение к работе и т. п.) возросло в несколько раз⁴⁶⁰.

На протяжении 1930-х гг. реализация комплекса мероприятий, направленных на улучшение трудовой дисциплины, не принесла ожидаемых результатов. Проблема не только не была ликвидирована, а стала одним из сопутствующих факторов развития производственных отношений. В условиях высокого уровня текучести рабочей силы руководство предприятий не могло использовать суровые меры в отношении нарушителей трудовой дисциплины, иначе лишилось бы многих работников.

В конце 1930-х гг. многие рабочие продолжали увольняться с предприятий из-за неудовлетворительных условий труда и проживания, в поисках более высокооплачиваемой работы. Так, на Черноярском ЛЗ с числом рабочих 300 чел. в 1939 г. уволились 49 человек, в 1940 г. – 48⁴⁶¹. 44 % рабочих уволились по собственному желанию; 25 % – по причине прогулов; 13 % – по причине переезда в связи с учебой или окончания учебы на предприятии. По линии НКВД и по приказам директора предприятия было уволено за 1939–1940 гг. только 10 % рабочих. В 1939 г. наиболее высокий уровень ротации работников наблюдался на бирже сырья (семь человек), в распиловочном цехе (пять человек), в службе охраны (семь человек).

Что побуждало рабочих покидать производства? Большая часть лесопромышленных предприятий была расположена в зоне недостаточно развитой инфраструктуры (в лучшем случае, выход к реке или железнодорожной ветке), что обу-

---

⁴⁵⁹ ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 7. Л. 127, 127об.

⁴⁶⁰ Там же, д. 9. Л. 219.

⁴⁶¹ АОАСГО. Ф. р-482. Оп. 2-л. Д. 1, 2.

словливалось перебои со снабжением материальными ресурсами и продовольствием. В совокупности с организационно-экономическими особенностями функционирования отрасли это создавало ряд серьезных проблем: высокий уровень болезней, травм, смертей (неудовлетворительное обеспечение продовольствием, низкокалорийное питание, ошибки в работе с передовой техникой); неприспособленность к выполнению трудоемких работ (недостаток умений сплава, погрузки, сортировки древесины); высокие нормы выработки (выполнить и перевыполнить их было можно в условиях удовлетворительного снабжения и эффективной организации работ). Если рабочий был физически вынослив и обладал умениями по работе с древесиной, тогда он трудился продолжительное время. Остальные, в том числе сезонные рабочие, покидали производство, прежде всего, по причине тяжелых физических нагрузок.

Кадровые проблемы, отсутствие у инженерно-технических работников качественного образования и высокой квалификации, увеличение нагрузок на оборудование приводили к производственным ошибкам, ухудшению характеристик оборудования, его поломкам, снижению качества продукции. Да и отношение рабочих к выполнению своих обязанностей было не самым лучшим.

Например, в августе 1933 г. на строившемся Камском ЦБК привезенное оборудование «разбросано в разных местах по сторонам железнодорожного пути, под ящики не положены прокладки, ящики с надписью «Осторожно! Не поворачивать» лежат на боку, вверх дном, здесь же находятся ящики с надписью «Предохранять от сырости». Даже после специально организованного субботника большая часть указанных недостатков не была устранена⁴⁶². О ненадлежащем хранении оборудования указывалось в приказах начальника строительства в середине 1935 г. Оборудование стоимостью 8,5 млн. руб. даже не охранялось, как следовало. После краж деталей агрегаты становились непригодны для работы⁴⁶³.

На Сосьвинском ДОКе в апреле 1934 г. были уволены и привлечены к ответственности механик, техник и агент за то, что приобрели четыре станка, у которых

---

⁴⁶² ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 128.

⁴⁶³ Там же, д. 3. Л. 176.

недоставало ряда деталей, и пуск их стал невозможен⁴⁶⁴. В конце 1938 г. Краснокамская БФ из-за неэффективной организации труда, неудовлетворительного обращения с новейшим оборудованием, нарушений технологических процессов не смогла качественно выполнить специальный заказ по производству бумаги меццо-тинто для экспозиции СССР на Нью-Йоркской выставке. Виновные работники отделались выговорами, понижениями в должностях, административными взысканиями⁴⁶⁵.

10 июля 1940 г. вступил в силу указ Президиума Верховного Совета СССР, который предполагал наказание руководителей предприятий, подразделений за производство некачественной продукции и брака, несоблюдение режима и правил работы. Так, в ноябре 1940 г. начальник клеино-сушильного цеха Краснокамской БФ был привлечен к уголовной ответственности за то, что допустил повышение влажности во время производства бумаги (бракованной продукции оказалось 15 т)⁴⁶⁶.

Конечно, за состояние промышленного объекта были в равной степени ответственны и руководство, и работники, на которых возлагались обязанности по контролю над производственным процессом, организацией труда. Однако на протяжении 1930-х гг. на предприятиях не удалось достичь благополучия в производственной, трудовой, санитарной, пожарной безопасности.

Так, в 1937 г. инспектор пожарной охраны Свердловского промышленного округа, обследовавший строительство Сосьвинского ДОКа, выявил 53 недостатка в организации пожарной охраны: мусор в помещениях и около построек, хранение горюче-смазочных материалов внутри зданий, опил возле пилорам, неудовлетворительное состояние электропроводки, отсутствие у некоторых построек водохранилищ и т. п.⁴⁶⁷ Неудивительно, что на предприятии часто происходили пожары, и охрана не успевала оперативно на них реагировать.

Другим мероприятием по повышению эффективности труда работников стало внедрение новых форм оплаты и организации труда, премирования и награждения

---

⁴⁶⁴ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 3. Л. 33об., 35.

⁴⁶⁵ ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 3. Л. 69; РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.

⁴⁶⁶ ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 10. Л. 164.

⁴⁶⁷ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 5. Л. 113об.–118об.

работников. И. В. Ильиных отмечала, что «власть, манипулируя отношением рабочих к труду, внедряя опыт «соцсоревнования», ориентировалась на присущие русскому сознанию ухарство, штурмовщину, трудовой запал, сформированные необходимостью форсированно трудиться в краткие промежутки времени, ограниченные природными и погодными условиями»⁴⁶⁸.

С 1933 г. постоянным рабочим и служащим лесозаготовительных и лесосплавных предприятий (условия труда работников предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины регулировались общим законодательством о труде) после 11 месяцев работы стал предоставляться очередной отпуск продолжительностью один месяц, после каждых трех лет работы – дополнительный отпуск продолжительностью один месяц⁴⁶⁹.

Сдельно-прогрессивная система оплаты труда, направленная, в первую очередь, на стимулирование работников, перевыполнявших нормы выработки, вводилась на протяжении 1930-х гг. в отношении отдельных видов работ, в зависимости от их значимости или существовавших проблем, групп работников, профессий.

К примеру, в октябре 1937 г. на Сосьвинском ДОКе для скорейшего завершения строительных работ была введена прогрессивная система на земляных и плотницких работах. За перевыполнение нормы от 101 до 110 % начислялось 20 % к заработку, умноженному на процент перевыполнения; от 111 до 120 % – 40 %; от 121 до 140 % – 60 %; более 140 % – 100 %. Если рабочий с заработком 200 руб. перевыполнил норму на 24 %, он получал премию в размере 28 руб. 80 коп.⁴⁷⁰ Скорее всего, такая система если и повышала эффективность труда, то на непродолжительное время, ведь невыполнение месячных, квартальных, годовых планов было постоянной проблемой предприятий.

В конце 1938 г., скорее всего из-за угрозы невыполнения годового плана, наряду с увеличением дневных расчетных ставок при сохранении действующих норм выработки, была введена сезонная премия-надбавка для лесорубов – от 50 до 150

⁴⁶⁸ Ильиных И. В. Формы и методы мотивации трудовой активности рабочих Урала на рубеже 1920–1930-х гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Мат. VII всерос. науч. конф., ноябрь 2005 г. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2005. С. 375–376.

⁴⁶⁹ Постановление ЦИК и СНК СССР «Об условиях труда рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности и лесном хозяйстве»... (дата обращения: 04. 05. 2014).

⁴⁷⁰ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 7. Л. 49об. – 50об.

% от основной зарплаты в зависимости от количества выполненных и перевыполненных норм выработки⁴⁷¹.

В 1940 г. на целлюлозно-бумажных предприятиях, вследствие их неэффективной работы в предыдущие годы, были введены сдельно-прогрессивная оплата труда и надбавки за непрерывный стаж работы на одном предприятии для кадровых рабочих и рабочих, занятых на рейдах и лесных биржах, то есть на наиболее трудоемких работах; сдельная система – для инженерно-технических работников и служащих⁴⁷².

Изменения системы оплаты труда работников, по сути, не оказали сильного воздействия на повышение эффективности труда, на которое рассчитывали государственные и партийные органы. Часто работнику выплачивались заработная плата в полном объеме, даже если он не выполнил месячную норму. Руководство предприятий не желало увеличения текучести рабочей силы. В годы, когда предприятия, тресты не выполняли производственные планы, фонд оплаты труда расходовался полностью или перерасходовался.

Руководители предприятий порой шли на разные хитрости, чтобы стимулировать труд работников, способствовать улучшению их материального благополучия. Например, на Краснокамской БФ в начале 1939 г. были выявлены нарушения, касавшиеся незаконного удержания из зарплаты рабочих и служащих в пользу кассы взаимопомощи и выдачи авансов в счет зарплаты на срок до трех месяцев⁴⁷³. То есть мероприятия, которые руководство предприятия рассматривало в качестве стимулирующих и которые явно пользовались популярностью у работников, с точки зрения закона являлись нелегальными.

Способом повышения эффективности труда рабочих стала организация бригад. Руководство «Ураллеспрома» распорядилось довести показатель вовлечения рабочих, занятых на лесозаготовках, в бригады к 15 октября 1931 г. до 40 %, к 15 ноября – до 80 %, к 1 декабря – до 90 %. На 1 ноября тресты отставали в выполне-

---

⁴⁷¹ Советская лесная экономика... С. 323.

⁴⁷² ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 9. Л. 135–135об.

⁴⁷³ ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.

нии плана на 6–23 %⁴⁷⁴. Однако в ходе проверок хода лесозаготовок в Уральской области, Северном крае и других регионах были выявлены «исключительно скверная постановка организации труда, отсутствие организаторов производства в лесу, уравниловка в заработной плате». Бригадной системой, согласно данным партийной организации и Наркомлеса СССР, были охвачены только 20–25 % рабочих, но проверкой были установлены еще более низкий показатель охвата, низкая производительность труда, переброски рабочих с участка на участок, с одного вида работ на другой⁴⁷⁵.

Премирование работников производилось в связи с разными обстоятельствами: к государственным праздникам (например, 8 Марта, 1 Мая, 7 Ноября); за хорошую работу во время штурмовых недель, декадников, месячников; за выполнение важных заданий, не входящих в функционал работника. Размер премии зависел от повода ее выплаты, должности работника, его социально-профессиональной характеристики.

Например, кузнецу Денисенко, работавшему на Сосьвинском ДОКе, в 1935 г. за изготовление деталей для рамного корпуса и другие работы, которые он выполнил после рабочего дня, выплатили премию только 200 руб.⁴⁷⁶ Сцежник Камского ЦБК Кирьянов получил премию 150 руб. в начале 1937 г. за то, что полгода назад спустился в канализационный колодец, затопленный щелоком температурой 60 °С, устранил засор и спас от затопления щелочные насосы. Мастера этого же комбината Волков и Козичкин получили премии по 500 руб. за работу по подготовке и пуску бумажной машины, а инженер Талалаев был премирован 3500 руб. за дополнительную работу в течение семи месяцев по вводу в эксплуатацию клейного корпуса, монтажу оборудования⁴⁷⁷.

Красновишерскому ЦБК, перевыполнившему план по производству бумаги и целлюлозы в летний период 1939 г. впервые за несколько предыдущих лет, были выделены 45 тыс. руб. из фонда народного комиссара лесной промышленности СССР для премирования работников, а также премии директору, техническому

⁴⁷⁴ ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

⁴⁷⁵ Советская лесная экономика... С. 221–222.

⁴⁷⁶ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 89.

⁴⁷⁷ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1 Д. 4. Л. 200, 205.

директору и главному бухгалтеру в размере месячного оклада каждому⁴⁷⁸. В отношении спецпереселенцев, перевыполнявших нормы, руководство предприятий могло возбуждать ходатайства о досрочном восстановлении их в избирательных правах. Такие меры были предприняты, например, в отношении бригады сплавщиков из Косинского ЛПХ, которые перевыполнили установленную норму в десять раз и достигнутый результат закрепили до окончания сплава⁴⁷⁹.

Руководству предприятий приходилось постоянно разрешать противоречие между необходимостью стимулирования труда работников и требованием экономии средств фонда заработной платы. Поэтому, когда нужно было не допускать перерасхода средств фонда заработной платы, премии выплачивались работникам из других статей бюджета либо трудоустройство новых работников не производилось определенный срок. Для работников могла увеличиться продолжительность рабочего дня (производились дополнительные выплаты за переработанное время), мог быть введен запрет отпусков⁴⁸⁰. На предприятиях постоянно происходила переброска рабочих с одного участка на другой, как правило, приоритетный (например, строительство производственных объектов, жилья для «вольнонаемных» рабочих). Вследствие этого сокращался объем или вообще приостанавливались работы на других участках, возникали отставания в выполнении планов.

В этих условиях руководство предприятий мобилизовало ресурсы для достижения необходимых показателей. Например, на Сосьвинском ДОКе программа по строительству и монтажу в январе 1935 г. была выполнена только на 32,4 %. Февраль был объявлен месяцем «ликвидации существующего прорыва». Предстояло выполнить работы по монтажу и пуску пяти важных для предприятия объектов⁴⁸¹. В конце 1936 г. на всех предприятиях Наркомлеса СССР, ввиду угрозы невыполнения годового плана, был объявлен стахановский декадник⁴⁸².

Важным фактором стимулирования труда рабочих стало распространение практики награждений. В 1939 г. происходило массовое награждение работников ле-

---

⁴⁷⁸ Там же, д. 8. Л. 9–10.

⁴⁷⁹ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области... С. 222.

⁴⁸⁰ См. н-р: ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 89.

⁴⁸¹ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 34об., 35.

⁴⁸² РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 29. Л. 18, 20, 22.

сопромышленного комплекса значком «Почетному работнику лесной промышленности». В течение года им были награждены четыре работника аппарата «Главвостлеса», два – аппарата треста «Свердлесдрев», 59 – предприятий и аппарата треста «Свердлес», 40 – предприятий и аппарата треста «Уралзаподлес», 16 – предприятий и аппарата треста «Комипермлес», 52 – предприятий и аппарата треста «Камлесосплав», восемь – Новолялинского ЦБК, девять – Верхотурского ЛЗ, шесть – Камбумстроя, восемь – Тавдинского ЛК, восемь – Кунгурского ЛЗ, два – Пермского шпалозавода, четыре – Черноярского ЛЗ, два – Пермского ЛК, два – Яйвинского ЛЗ⁴⁸³. Всего, по имеющимся данным, 222 работника лесопромышленного комплекса Уральского региона.

На предприятиях лесопромышленного комплекса апробировались разные формы социалистического соревнования. Государство было готово платить рабочим больше, но только в том случае, если они перевыполняли производственные нормы. Стимулирование работников и бригад, выполнявших и перевыполнявших нормы выработки, стало возможным благодаря выделению в фондах оплаты труда предприятий стимулирующей части.

В первой половине 1930-х гг. основными мероприятиями по повышению эффективности труда являлись индивидуальное и бригадное соцсоревнование, ударничество. Так, на 1 января 1931 г. на 48 предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона из 61388 рабочих 22,6 % было охвачено различными формами соревнования⁴⁸⁴. С начала 1930-х гг. на предприятиях практиковались конкурсы между бригадами, цехами на лучшее выполнение производственных заданий⁴⁸⁵. Естественно, что возрастала нагрузка на рабочих, оборудование, из-за чего возникали аварии, простои, а производственные задания не выполнялись.

Мероприятия мобилизационного характера, к примеру, ударные декадни, месячники, не приводили к планируемым результатам. Неудовлетворительно поставленная организационная работа, незаинтересованность руководства предприятий в увеличении нагрузки на «вольнорабочих» рабочих (впоследствии и на

⁴⁸³ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 8. Л. 40–41, 69–70, 72, 87–88, 89, 91, 131, 137–141, 153, 156–158, 163, 164–167, 176–177.

⁴⁸⁴ История индустриализации Урала (1926–1932 гг.)... С. 475.

⁴⁸⁵ См. н-р: АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1. Л. 29; ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 8. Л. 70.

спецпереселенцев, численность которых становилась с каждым годом меньше), проблемы в сфере оплаты труда, продовольственном обеспечении, жилищно-бытовом и социальном обслуживании сдерживали возможности повышения эффективности труда работников.

В исправительно-трудовых лагерях, где была возможность улучшения условий содержания, досрочного освобождения, заключенные, в основном профессиональные уголовники, пользуясь своим авторитетом, создавая атмосферу страха и насилия, заставляли других заключенных перевыполнять плановые задания любой ценой, чтобы затем приписать повышенные нормы себе. Затем следовало зачисление «блатарей» в ударники, и за систематическое перевыполнение норм они представлялись на досрочное освобождение. В. Т. Шаламов ярко описал действие этой системы в произведении «Вишера: Антироман»⁴⁸⁶.

С середины 1930-х гг. новыми ориентирами в повышении эффективности труда стали стахановское и рационализаторское движения, которые в идеале, при тщательном научном изучении конкретных условий производства, должны были способствовать формированию новой отлаженной схемы трудового процесса. В резолюции пленума центрального комитета ВКП (б) в декабре 1935 г. указывались направления повышения эффективности функционирования предприятий лесопромышленного комплекса, связанные с увеличением занятости рабочих и нагрузки на оборудование. Например, «увеличение съемки целлюлозы с 1 м³ варочного котла», «повышение производительности рамосмены по пропуску сырья, особенно на более оснащенных предприятиях». Были даны директивы пересмотреть технические нормы производительности оборудования и нормы выработки в сторону увеличения, развернуть техническое обучение рабочих⁴⁸⁷.

Однако вместо этого, как отмечал В. С. Терехов, власть превратила идею стахановского движения в идеологический шаблон, требуя наращивать темпы, что вынуждало руководителей искать такие способы увеличения производительности труда, которые изменяли бы в лучшую сторону только конечные показатели⁴⁸⁸. На

⁴⁸⁶ Шаламов В. Т. Указ. соч. С. 13.

⁴⁸⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... С. 819–820.

⁴⁸⁸ Терехов В. С. Рекруты великой идеи... С. 200–201.

первом этапе развития стахановского движения у многих рабочих формировалась положительная мотивация труда, связанная с возможностями карьерного роста, увеличения зарплаты, изменения социального статуса. Но в конце 1930-х гг. от рабочих требовали повышения норм выработки, а уровень заработной платы оставался фактически на прежнем уровне.

Инициатором стахановского движения в лесопильно-деревообрабатывающей промышленности Урала стал сменный мастер лесопильного цеха Тавдинского ЛК А. С. Шубников, который в декабре 1935 г. поставил рекорд – распилил 359,55 м³ за смену (222,83 % нормы)⁴⁸⁹.

Увеличение числа стахановцев происходило быстрыми темпами. Так, на Верхотурском ЛЗ на январь и август 1936 г. изменение числа стахановцев по отношению к общему числу работников выглядело следующим образом: 46 (18,9 %) и 180 (63,4 %), из их 116 женщин⁴⁹⁰. На Новолялинском ЦБК в 1936 г. насчитывалось 787 стахановцев (28 % от общего количества рабочих)⁴⁹¹.

Работники леспромхозов, освоившие новую технику, добивались повышения эффективности труда. Так, тракторист Сулемского лесозаготовительного участка Чусовского отдела треста «Ураллестяж» В. А. Гилев за сезон 1934/1935 г. вывез 23312 м³ леса⁴⁹². Через год, за сезон 1935/1936 г., тракторист Баяновского механизированного лесного пункта Г. Я. Воргезов вывез на тракторе С-60 32285 м³ леса. 5 марта 1936 г. он вывез за один рейс 1225 м³⁴⁹³.

Несмотря на первоначальные достижения, работники, естественно, не успевали обслуживать агрегаты и механизмы, выполнять полный объем работы, тем более делать это качественно. Это приводило к поломкам дорогих агрегатов и простоям. Например, в 1936 г. квалифицированные рабочие механического цеха Верхотурского ЛЗ машинист Теряев, кочегары Шукшин, Картунов стали обслуживать локомобиль в два человека, упразднив должность помощника машиниста. В отчете отмечалось, что этими мерами рабочие ликвидировали сверхплановые простои и

---

⁴⁸⁹ Воронин Д. И. Указ. соч. С. 8, 11.

⁴⁹⁰ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁴⁹¹ Кожевников М. А. Указ. соч. С. 88–90.

⁴⁹² Глузман В. Л. Указ. соч. С. 172.

⁴⁹³ Там же, с. 294.

сократили плановые простои машины, значительно улучшив уход за агрегатом⁴⁹⁴ 11 октября 1937 г. произошла поломка локомотива вследствие «безобразного и крайне небрежного выполнения ремонта агрегата», то есть работе агрегата уже до этого сопутствовали аварии. Исполняющий обязанности механика Треногов был снят с работы. Материал о случившемся передали в районную прокуратуру для привлечения виновного к уголовной ответственности⁴⁹⁵.

Возможность получения больших по объему материальных благ делала статус ударников и стахановцев, по сравнению с рядовыми рабочими, более престижным. К примеру, в 1935 г. руководством Новолялинского ЦБК было премировано: семь ударников и стахановцев – патефонами; 17 – абонементом в театр; 27 – талонами на горячее питание. В квартирах ударников и стахановцев были установлены шесть радиоточек. В течение года 11 ударников и стахановцев отдохнули в домах отдыха и на курортах, 28 рабочих обеспечили дровами. На денежные премии было израсходовано 32 тыс. руб.⁴⁹⁶

Естественно, что «успехи» отдельных работников вызывали зависть и ненависть со стороны других. Правда, за неосторожно сказанное слово или оскорбление стахановца можно было потерять работу, что и произошло, к примеру, с А. и Я. Сазоновыми на Сосьвинском ДОКе в конце 1935 г. За хулиганскую выходку в отношении стахановца их уволили и выселили из квартир⁴⁹⁷. Руководству предприятий подобные случаи были на руку для развития стахановского движения.

Для определения верхних планок мощностей цехов проводились так называемые стахановские сутки, пятидневки, месячники, к которым заранее готовились, а производственные участки заранее обеспечивались сырьем. Так, в стахановскую пятидневку в январе 1936 г. на Новолялинском ЦБК производительность одной рамосмены в лесопильном цехе увеличилась с 55,7 до 92 м³ пилопродукции, план был выполнен на 167,8 %⁴⁹⁸. Перевыполнение норм выработки рабочими предприятия достигалось на основе взаимодействия цехов, перестройки организации

⁴⁹⁴ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁴⁹⁵ История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 98.

⁴⁹⁶ Ботяновская В. В. Указ. соч. С. 4.

⁴⁹⁷ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 5. Л. 28.

⁴⁹⁸ Кожевников М. А. Указ. соч. С. 88–90.

труда. В подразделениях лесопромышленного комбината были организованы «стахановские школы», где под руководством инженерно-технических кадров рабочие учились трудиться «по-новому».

Тем не менее, при всех достижениях, перевыполнениях заданий рабочими на предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона не наблюдалось положительной динамики выпуска пилопродукции. Если в 1934 г., когда стахановского движения еще не было, Верхотурский ЛЗ производил 41,2 тыс. м³ пиломатериалов, то в 1936 г., в период интенсивного развертывания этой формы соцсоревнования, он выпустил только 30,1 тыс. м³ пиломатериалов⁴⁹⁹. Лобвинский ЛК в 1935 г. перевыполнил план на 72,5 тыс. м³ пиломатериалов, однако в последующие годы выполнение плана давалось с трудом.

Несмотря на имевшиеся «рекорды», многие руководители предприятий и трестов, как правило, не предпринимали конкретных действий по развитию соцсоревнования, ограничиваясь распространением директив и инициатив Наркомлеса СССР и его главков. Так, в конце 1936 г. на совещании у народного комиссара лесной промышленности В. И. Иванова, большинство руководителей целлюлозно-бумажных предприятий не смогли внятно объяснить, что они делают по развитию стахановского движения. В 1936 г. на производствах уменьшилось количество стахановцев и рабочих, занимавшихся технической учебой⁵⁰⁰.

Со стахановским движением и другими стимулирующими мероприятиями, направленными на увеличение норм выработки, была тесно связана рационализация производственных процессов. Б. М. Шпотов отмечал, что в СССР «обращали внимание на самые простые и очевидные проявления рационализации – перемещение материалов по кратчайшим расстояниям, высокопроизводительные станки, утилизация отходов, дисциплина в цехах и т. п.»⁵⁰¹

Предложения рационализаторов касались повышения производительности оборудования, «усовершенствования» импортных агрегатов, улучшения организации труда. Первоначально имел место экономический эффект, однако ненаучное про-

⁴⁹⁹ АОАГОВ. Ф. 56. Д. 4. Л. 3; Д. 18. Л. 1.

⁵⁰⁰ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 32.

⁵⁰¹ Шпотов Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е гг.: лабиринты экономического сотрудничества. М., 2013. С. 129.

ектирование производственных процессов в дальнейшем выразилось в издержках основных фондов на обеспечение качественной работы высокотехнологичного оборудования. Снижение эффективности проведенных мероприятий наблюдалось в среднем через год.

Так, на Верхотурском ЛЗ экономический эффект от внедрения предложений рационализаторов уменьшился с 633,4 тыс. руб. в 1935 г. до 247,9 тыс. руб. за восемь месяцев 1936 г., при увеличении объема выпуска продукции в 1,34 раза за этот период⁵⁰². Рационализаторские предложения рабочие вносили и по таким рабочим моментам, которые должны были итак иметь место в строительстве и производственных процессах, но по каким-либо причинам этого не было. Например, в начале 1936 г. на Сосьвинском ДОКе были премированы десятник Перминов и плотник Смагин за то, что предложили устанавливать дверные и оконные коробки с возведением стен. Причем в приказе начальника строительства отмечалось, что ранее такой практики на предприятии не было⁵⁰³.

Стахановское и рационализаторское движения, несмотря на впечатляющие «рекорды», в том виде, в каком они реализовывались, не могли оказать существенных изменений в организации труда и производственных процессов. Н. Верт весьма точно отмечал негативные последствия стахановского и рационализаторского движения: «Проведение дней, недель или декад стахановского труда надолго выбивало производственный процесс из нормального ритма, израсходованные запасы сырья не восполнялись, а «рекорды» сопровождались длительными периодами спада производства»⁵⁰⁴. Это, в свою очередь, усиливало недовольство рабочих, способствовало росту напряженности в отношениях между руководством, стахановцами и рядовыми рабочими.

Тем не менее, эти движения имели также положительные результаты. Проведение рационализации производственных процессов вело к увеличению ассортимента продукции, рационализации технологий механической обработки и глубокой переработки древесины, росту квалификации кадровых рабочих.

---

⁵⁰² АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 18 Л. 2.

⁵⁰³ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 5. Л. 33об.–34.

⁵⁰⁴ Верт Н. История Советского государства... С. 161.

Технико-технологическая модернизация предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона требовала увеличения числа специалистов и повышения уровня квалификации рабочих. В 1930 г. в Уральском регионе подготовка специалистов в сфере лесного хозяйства, заготовки, транспорта древесины, лесозэксплуатации, лесопиления, деревообработки и лесохимии велась в лесотехническом институте (г. Свердловск) и рабфаках института в Надеждинске, Ляле, Тюмени, Перми, Свердловске, Сарапульском, Талицком, Соликамском, Верхотурском, Лялинском, Пермском, Аша-Балашевском техникумах, Лялинской, Тавдинской, Верхотурской, Кунгурской, Миасской школах фабрично-заводского ученичества, Лялинской, Тавдинской, Верхотурской и при Сибирской фабрике школах лесопромышленного ученичества⁵⁰⁵.

В 1935 г. в Свердловске на базе лесотехнического института был открыт институт повышения квалификации административно-хозяйственных и инженерно-технических кадров, а также стахановцев лесной промышленности, который ежегодно оканчивали более 1000 чел.⁵⁰⁶ А. Ф. Кузнецов отмечал, что к 1937 г. на Урале было размещено «12 % всех специальных учебных заведений Наркомлеса СССР, которые за 1933–1937 гг. подготовили 362 инженера (Уральский лесотехнический институт), более 700 специалистов (техникумы)»⁵⁰⁷.

Неграмотные и малограмотные рабочие были охвачены ликбезом и школой малограмотных, проходили краткосрочные двухмесячные курсы. Открывались школы техминимума, которые давали возможность работникам углубить свои знания по отдельным направлениям производства. Частота открытия школ свидетельствовала об остроте проблемы грамотности и квалификации работников. На Сосьвинском ДОКе в 1935 г. были открыты школа с числом слушателей 30 чел. с изучением физики, математики, обществознания, русского языка и энергетики, в 1936 г. – школа техминимума с организацией трех групп по направлениям: строительство, технология дерева и деревообработки, электромеханика – с охватом 50

---

⁵⁰⁵ ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–9.

⁵⁰⁶ Кузнецов А. Ф. Партийное руководство подготовкой кадров для лесной и лесоперерабатывающей промышленности Урала... С. 71.

⁵⁰⁷ Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности... С. 15, 16.

чел.⁵⁰⁸ В конце 1937 г. были организованы курсы технического минимума, которые должны были охватить 200 работников. Направления подготовки включали почти весь спектр строительных специальностей⁵⁰⁹. Курсы и кружки организовывались и в 1937–1940 гг., поскольку ввиду высокой текучести рабочей силы, необходимо было постоянно повышать образовательный и профессиональный уровень вновь прибывавших работников.

Однако отношение работников к обучению было далеко не лучшим. Работников часто перебрасывали с одного производственного участка на другой, и они не успевали посетить занятия. За сознательное уклонение от обучения можно было лишиться премии. Так, на Сосьвинском ДОКе три человека были лишены премии, выплаченной к 19-й годовщине Октябрьской революции, за то, что отказались учиться в школе ликвидации безграмотности⁵¹⁰. На Краснокамской БФ в 1939 г. начитывалось около 260 неграмотных и малограмотных работников, трудившихся, в том числе, в основных цехах, не желавших проходить обучение⁵¹¹.

Работников направляли на другие предприятия лесопромышленного комплекса для повышения квалификации. Так, в ноябре 1936 г. руководство Сосьвинского ДОКа направило пять человек на Черноярский ЛЗ, семь человек – на Лобвинский ЛК⁵¹². Молодые специалисты, окончившие технические вузы, направлялись, в том числе на предприятия лесопромышленного комплекса. В частности, в 1940 г. восемь выпускников Ленинградской лесотехнической академии и Ивановского энергетического института в числе 68, переданных Народному комиссариату целлюлозно-бумажной промышленности, получили инженерно-технические должности на Камском, Соликамском и Новолялинском ЦБК⁵¹³.

Технико-технологическая модернизация предприятий, разделение и организация труда, изменения в оплате труда работников, формирование жилищно-бытовой инфраструктуры, попытки решения продовольственной проблемы, активное внедрение стимулирующих методов, рационализация производственных

⁵⁰⁸ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 4. Л. 30; Д. 5. Л. 64об., 66об.

⁵⁰⁹ Там же, д. 7. Л. 61–63об., 77.

⁵¹⁰ Там же, д. 5. Л. 67об.–68, 69.

⁵¹¹ ГАПК. Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 3. Л. 63.

⁵¹² АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 5. Л. 65об., 79.

⁵¹³ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–21, 106–110.

процессов, повышение квалификации рабочих определяли эффективность функционирования лесопромышленного комплекса.

Работники по-разному реагировали на мероприятия, направленные на повышение эффективности их труда. В связи с этим, можно выделить три основных стратегии поведения работников, в числе которых были «вольнонаемные», спецпереселенцы, заключенные: осознание своего «подневольного» положения и выбор пассивных форм неподчинения (работа спустя рукава, непонимание получаемых распоряжений, безынициативность, мелкое воровство, невыходы по утрам и т. д.)⁵¹⁴; стремление получить любую работу, чтобы выжить, «свести концы с концами»⁵¹⁵; стремление достичь, благодаря имеющимся умениям и навыкам, индивидуальных успехов (занять должность в административном или инженерно-техническом персонале, стать квалифицированным работником или стахановцем)⁵¹⁶.

Стратегии поведения, которые реализовывали работники лесопромышленного комплекса, являлись отражением одного из четырех уровней «сопротивлений» в СССР в период 1930-х – начале 1950-х гг. – социального неподчинения⁵¹⁷. Оно включало мелкие кражи и растраты, мелкую спекуляцию, вызванную «экономикой дефицита», прогулы, брак на производстве, частую смену места работы, несмотря на все более суровые наказания за «самовольный уход» с предприятия.

3. 2. Социально-экономическая эффективность функционирования предприятий

Насколько было эффективным функционирование лесопромышленного комплекса, если даже в середине и конце 1930-х гг. партия и правительство характеризовали отрасль как отсталую?⁵¹⁸ Анализ эффективности функционирования предприятий лесопромышленного комплекса проведем на примере главка Нар-

⁵¹⁴ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня. М., 2001. С. 12; Она же. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город. М., 2008. С. 270, 272.

⁵¹⁵ Твардовский И. Т. Указ. соч. С. 93.

⁵¹⁶ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне... С. 19.

⁵¹⁷ Верт Н. Террор и беспорядок... С. 338–340.

⁵¹⁸ См. н-р: РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 1; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... С. 891.

комлеса СССР «Главвостлес» и двух предприятий – строившегося Сосьвинского ДОКа и действовавшего Верхотурского ЛЗ.

«Главвостлес», главк Наркомлеса СССР, осуществлял руководство лесозаготовительными трестами в Уральском регионе. Несмотря на активное освоение лесных массивов, увеличение объемов лесозаготовок, использование принудительного труда, «Главвостлес» испытывал серьезные трудности в выполнении плановых заданий: дефицит рабочих, низкую эффективность их труда, в особенности спецпереселенцев, незначительный уровень механизации. Еще одной причиной, влиявшей на невыполнение плановых заданий, являлась необеспеченность инструментом. Так, в период с 25 сентября по 10 октября 1930 г. по тресту «Ураллес» обеспеченность рабочих жильем улучшилась с 10–60 до 65 %, пилами – с 6 до 50 %, топорами – с 1,5 до 50 %, напильниками – с 2 до 30 %⁵¹⁹. Каким образом трудились (или не трудились) остальные рабочие, остается только догадываться.

Для повышения эффективности труда рабочих проводились механизация отдельных видов работ, улучшение материальных и жилищно-бытовых условий, увеличение норм выработок, совершенствовалась организация труда. Так, в 1930–1932 гг. производительность труда рубщика увеличилась с 1,8 до 3,2 ф. м, рабочего, занятого на вывозке древесины, – с 2,75 до 4 ф. м⁵²⁰. Перевыполнение норм рабочими и бригадами имело место в тех случаях, когда во главе предприятия стоял рачительный руководитель, который мог, в силу своих профессиональных обязанностей, обеспечить эффективное функционирование объекта, а также когда было сильным воздействие организационно-экономических факторов (высокое качество древесины, обеспеченность инструментом, наличие у рабочих опыта труда в лесу и т. п.).

Лесозаготовка и вывозка древесины на протяжении 1930-х гг. оставались наиболее проблемным местом в сфере лесозаготовки. Так, план первого квартала 1933 г. по вывозке леса был выполнен «Главвостлесом» на 72,7 %, тогда как аналогичный показатель по Наркомлесу СССР составлял 84,4 %⁵²¹ (в 1932 г. по на-

⁵¹⁹ ГАСО. Ф. р-1517. Оп. 1. Д. 8. Л. 78, 99.

⁵²⁰ Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие... С. 29.

⁵²¹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

родному комиссариату план по лесозаготовкам был выполнен на 69 %, по вывозке – на 73 %) ⁵²². Наркомлес СССР пытался решить существовавшие проблемы изданием директив, отправкой специалистов на предприятия лесопромышленного комплекса. К примеру, в директиве о результатах работы организаций и предприятий Наркомлеса в первом квартале 1933 г., указывалось, что главные управления во втором квартале должны выполнить плановые задания, особенно в части механизации работ, уменьшить количество простоев и организовать технический надзор за оборудованием в целях прекращения аварий, довести производительность труда до плановых норм, прекратить практику перерасходования фондов заработной платы, безоговорочно выполнить планы по жилищному строительству и посевных кампаний в намеченные сроки ⁵²³. Естественно, что руководству организаций и предприятий Наркомлеса выполнить эти требования не удалось и в 1933 г., и в последующие годы.

Большинство трестов Наркомлеса СССР на протяжении 1930-х гг. не выполняли плановых заданий, что сказывалась на общих показателях работы главных управлений. В 1934 г. тресты «Свердлес», «Уралзападолес» сорвали план по лесовывозке ⁵²⁴. В 1936 г. объемы заготовки древесины по «Главвостлесу» снизились на 6 млн. м³, по сравнению с 1935 г. При этом более 4 млн. м³ леса замерзло на сплавных путях ⁵²⁵. Уральские лесозаготовительные тресты еще в 1933 г. вывезли к железной дороге 500 тыс. м³ леса стоимостью 14 млн. руб., который, по данным на конец 1936 г., не был реализован ⁵²⁶. Естественно, что большинство предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины из-за дефицита сырья не выполнили план.

В конце 1936 г., когда невыполнение лесопромышленным комплексом страны плана лесозаготовок и лесовывозки было уже очевидным, лесозаготовительные тресты Уральского региона отложили начало массового выхода рабочих в лес до 20 ноября вместо указанных в распоряжении Наркомлеса сроков (октябрь-

---

⁵²² Советская лесная экономика... С. 221–222.

⁵²³ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 61.

⁵²⁴ Советская лесная экономика... С. 256.

⁵²⁵ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

⁵²⁶ Там же, д. 30. Л. 8.

месяц)⁵²⁷. Народный комиссариат критиковал «Главвостлес», однако в этой ситуации очевидны неумелое планирование специалистами хода и объема лесозаготовок и лесовывозки в зависимости от региональных особенностей, а также слабая организационная работа трестов Уральского региона (начало массового выхода рабочих в лес могло быть отложено из-за погодных условий, равно как и из-за неудовлетворительной организации вербовок). Наркомлес требовал повысить производительность труда на лесозаготовках в три раза, на лесовывозке – в девять-десять раз⁵²⁸. Естественно, выполнить это требование было невозможно.

Председатель СНК СССР В. М. Молотов в конце 1935 г. отчитывал народного комиссара лесной промышленности СССР Лобова за неудовлетворительную работу ведомства и руководство им: «Годы тянутся, а у вас все топчется около одного места. Когда спрашиваешь, много ли у вас постоянных кадров на лесозаготовках и вывозки – ничего нет... Народный комиссариат существует отдельно от ВСНХ уже четвертый год и ничего не создал, сидит на пустом месте. Ориентируется на мужичка прежнего. Это же устаревшая установка. Опасная. Реакционная. Раньше это было трудно сделать... мало было опыта. Теперь можно создать постоянные кадры, на которые можно было бы опереться... Если вы дело руководства улучшите, вы можете значительно лучше работать уже в течение этой зимы, не говоря уже о том, чтобы не допускать таких безобразий на будущее лето, как было в этом году... Для этого нужно создать кадры, заботиться, воспитывать людей... Нужно настоящее руководство, а не цепочка безответственных органов, которые покрывают ошибки друг друга. И не отделяться общими речами... Вы бы лучше подняли руку да выгнали бы старых, засидевшихся людей, которые были в старом Наркомлесе без машин, без кадров, которые привыкли к безответственности трестов, главков и леспромхозов. Вот этих бы людей подновить свежей кровью, людьми, которые знают дело, понимают в механизмах...»⁵²⁹.

Новый народный комиссар лесной промышленности СССР В. И. Иванов в 1936 г. говорил о тех же проблемах: «Мы свыклись с невыполнением плана... Когда

---

⁵²⁷ Там же, д. 29. Л. 3, 5, 8.

⁵²⁸ Там же, л. 23.

⁵²⁹ Советская лесная экономика... С. 268–269.

ставишь вопрос, с каким итогом выходишь, мне говорят: «Что Вы, посмотрите, против прошлого года у меня выполнение плана выше на 12–13 %»⁵³⁰... Еще сильно и крепко у нас сидит в головах ориентировка на непроизводительный способ работы, ставка на крестьянскую лошадку и на колхозника, на сезонную рабочую силу⁵³¹». О том, что не был выполнен план текущего года, руководители предприятий и трестов явно не беспокоились. Главным для директоров было наличие хоть какой-то положительной динамики в развитии предприятий и трестов, чему в немалой степени способствовали приписки, искажавшие реальную ситуацию с заготовкой и вывозкой леса. В 1937 г., когда председатель СНК В. М. Молотов поручил специалистам народного комиссариата составить список хорошо работавших леспромхозов для изучения и распространения опыта их работы, при проверке выяснилось, что «руководители некоторых этих леспромхозов сидят как враги». Действительно «хорошо работавших» леспромхозов оказалось только 11 из 36 по списку⁵³².

Однако руководитель Наркомлеса СССР забыл упомянуть о неудовлетворительном взаимодействии своего ведомства с главками, трестами и отдельными предприятиями. В начале 1941 г. XVIII конференция ВКП (б), отмечая неудовлетворительную работу ряда отраслей, в том числе лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, указывала на то, что «народные комиссариаты ведут свою работу во многом бюрократически, не добираются еще до каждого отдельного предприятия, «руководят» своими предприятиями не по существу, а формально, путем бумажной переписки; не проверяют исполнение своих решений директорами предприятий и ограничивают, таким образом, рамки своей руководящей работы заседаниями коллегий и принятием решений...»⁵³³

В 1938 г., когда на развитии экономики страны самым серьезным образом сказались последствия репрессий, леспромхозы Наркомлеса СССР выполнили план примерно на 60 % (в 1938 г. было заготовлено почти на 13 млн. м³ и вывезено

---

⁵³⁰ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 2, 3.

⁵³¹ Там же, л. 16.

⁵³² Там же, д. 84. Л. 24.

⁵³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... С. 970–971.

почти на 12 млн. м³ леса меньше, чем в 1937 г.⁵³⁴). «Главвостлес» в 1938 г. заготовил 5 млн. м³ древесины (46,2 % плана) и вывез 5,25 млн. м³ леса (45,6 % плана)⁵³⁵. Для сравнения, в 1937 г. было заготовлено 6,4 млн. м³ и вывезено 6,2 млн. м³ древесины⁵³⁶. Тресты «Главвостлеса» работали хуже других управлений Наркомлеса СССР. Наиболее активно заготовка и вывозка леса проходила в первом и четвертом кварталах года, поскольку большинство работ производилось вручную, за счет гужевых перевозок, сплава. Особенно резко темпы заготовки и вывозки возрастали в декабре – предприятия стремились хоть как-то улучшить показатели выполнения годового плана. В частности, трест «Свердлес» только в 1939–1940 гг. добился выполнения годовых планов (в 1940 г. – 102,3 %)⁵³⁷.

Результат технико-технологической модернизации заготовки древесины должен был заключаться в увеличении объемов заготовки и вывозки древесины механизмами. Если в Уральском регионе в 1929 г. по механизированным и рационализированным дорогам вывозилось 160 тыс. ф. м древесины (1,2 % от всего вывезенного леса), то в 1932 г. – 5700 тыс. ф. м (25 %)⁵³⁸ (по трестам Наркомлеса этот показатель был ниже). Официальный показатель вывозки леса предприятиями Наркомлеса СССР по рационализированным (ледяным) дорогам в первом квартале 1933 г. составил только 14,7 %⁵³⁹. В Предуралье только в 1934 г. была осуществлена вывозка древесины тракторами, объем которой составил 28 тыс. м³ (0,07 % общего объема вывозки)⁵⁴⁰.

Отдельные леспромхозы, располагавшие техникой, смогли добиться более высоких результатов. В частности, Новолялинский ЛПХ в 1935 г. вывез механизированным способом 305 тыс. м³ – почти половину годового плана⁵⁴¹. Однако в целом СНК СССР и центральный комитет ВКП (б) в постановлении отмечали неудовлетворительное использование тракторов, многочисленные аварии механизмов в трестах «Севлес», «Свердлес», «Востсиблес». В 1934 г. наличный

⁵³⁴ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 10.

⁵³⁵ Там же, д. 137. Л. 2, 3.

⁵³⁶ Там же, д. 137. Л. 15.

⁵³⁷ Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 292.

⁵³⁸ Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие... С. 29.

⁵³⁹ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 2. Л. 60.

⁵⁴⁰ Тиунов В. Указ. соч. С. 124.

⁵⁴¹ Глузман В. Л. Указ. соч. С. 230.

парк тракторов использовался в лучшие периоды вывозки по «Свердлесу» до 40 %, по «Востсиблесу» – около 45 %, по «Севлесу» – не более 63 %⁵⁴².

В 1938 г. наибольший объем древесины по трестам «Главвостлеса» вывозился тракторами (82,9 %), остальное – автомашинами, по узкоколейным железным дорогам и подвесным дорогам⁵⁴³. На 31 декабря 1938 г. работали только 199 тракторов из 252 имеющихся и 29 автомашин из 69⁵⁴⁴. В исправительно-трудовых лагерях процент использования техники также был низким. Например, в 1940 г. «Усоллаг» имел 104 трактора и 128 грузовых машин, а в день проверки работали только 14 тракторов и 13 машин, остальная техника находилась в ремонте или простаивала⁵⁴⁵.

Низкий уровень использования механизмов на вывозке древесины был вызван слабой ремонтно-технической базой леспромхозов, материальными и организационными трудностями ремонта техники. К примеру, в Красновишерском ЛПХ на 20 сентября 1940 г. было отремонтировано три трактора при плане 29 и пять автомашин при плане 10, в Новолялинском ЛПХ – пять тракторов при плане 20 и пять автомашин при плане 15⁵⁴⁶ (несмотря на это, Новолялинский ЛПХ вывез механизированным способом 62 % годового объема древесины⁵⁴⁷).

Уровень механизации вывозки древесины в уральских трестах Наркомлеса СССР был примерно таким же, как в трестах, подведомственных Народному комиссариату тяжелой промышленности СССР, однако отдельные лесозаготовительные предприятия, лучше укомплектованные техникой и лучше ее использовавшие, добивались высоких показателей механизированной вывозки лес (Приложение 23, 24, 25).

Темпы механизации вывозки и трелевки древесины в Уральском регионе были выше, чем по СССР. Здесь в заготовке лесных ресурсов была высокой доля металлургических трестов, которые располагали более развитой материально-технической базой, по сравнению с трестами Наркомлеса. Хотя оснащенность ме-

⁵⁴² Советская лесная экономика... С. 257.

⁵⁴³ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 27.

⁵⁴⁴ Там же, д. 137. Л. 46.

⁵⁴⁵ Шевырин С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье... (дата обращения: 15. 12. 2013).

⁵⁴⁶ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 10. Л. 47.

⁵⁴⁷ Глузман В. Л. Указ. соч. С. 230.

ханизмами леспромхозов Наркомлеса на Урале была одной из самых высоких. Так, механизированная трелевка древесины по СССР в 1940 г. составляла 6,6 %, а на Урале еще в 1937 г. – 16,2 %⁵⁴⁸. Доля механизированной валки леса на Урале до начала 1940-х гг. не имела существенного значения, составляла менее 1 %, в 1942 г. – в среднем 3,65 %⁵⁴⁹.

Эффективность труда рабочих оставалась невысокой, нормы выработки не выполнялись (в частности, лесорубы Красновишерского и Новолялинского ЛПХ выработывали только 3 – 3,5 м³ древесины вместо нормативных 4,5 м³⁵⁵⁰). За годы Великой Отечественной войны произошло сокращение уровня механизации вывозки древесины у трестов и рост этого показателя у исправительно-трудовых лагерей (хотя доля механизированной вывозки леса в Уральском регионе была на уровне показателей по стране), роль которых в лесопромышленном комплексе существенно выросла. К концу 1940-х гг. уровень механизации работ по заготовке леса в целом по СССР составлял только около 12 %, по вывозке леса – 43 %. В конце 1950-х гг. процессы заготовки, подвозки, вывозки на 89–96 % выполнялись машинами, обрубка сучьев была механизирована всего на 9 %, лесосплавные работы – на 35–40 %⁵⁵¹. Удельный вес ручных работ в общих трудовых затратах в 1969 г. по СССР составлял: на лесосеке – 49,6 %, на транспорте – 23,7 %, на складах пиломатериалов – 44,3 %⁵⁵².

Высокой была текучесть рабочей силы. Так, во второй половине 1931 г. на лесозаготовках в Уральской области текучесть рабочей силы составляла 87 %⁵⁵³. Проблема сохранялась на протяжении 1930-х гг. Только за первый квартал 1939 г. по «Главвостлесу» прибыло 1623 чел., убыло – 2611 чел.⁵⁵⁴ Число увольнений работников было выше, поскольку завершился сезон лесозаготовок и лесовывозки, а это значит, что осенью главк вновь столкнулся с проблемой привлечения рабочей силы в отрасль. Вербовки не обеспечивали потребности лесозаготовительных тре-

⁵⁴⁸ Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности... С. 15.

⁵⁴⁹ Леса Урала... С. 68.

⁵⁵⁰ ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 10. Л. 48.

⁵⁵¹ Шегельман И. Р. Указ. соч. С. 89.

⁵⁵² Там же, с. 94.

⁵⁵³ ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

⁵⁵⁴ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 130. Л. 18.

стов в рабочей силе. Реально выходило на работы в лес намного меньше рабочих, чем предусматривалось планом, а тресты не прилагали достаточно усилий, чтобы заключить необходимое количество договоров и создать более-менее приемлемые условия проживания для рабочих. Так, по тресту «Свердлес» на 25 октября 1939 г. было заключено около 6,6 тыс. договоров (73 % плана), а реально вышло на работы в лес чуть более 2 тыс. чел. По другим трестам Уральского региона была аналогичная ситуация⁵⁵⁵. В октябре 1938 г., когда активизировались лесозаготовка и вывозка леса, на предприятиях «Главвостлеса» трудились только 16,8 тыс. рабочих (35,7 % к потребности), в том числе 10,8 тыс. постоянных рабочих (62,4 % к потребности). К концу года ситуация несколько улучшилась, но не хватало 23 % рабочих, которые должны были трудиться, согласно плану⁵⁵⁶.

На протяжении 1930-х гг. «Главвостлес» не смог наладить эффективное функционирование заготовок и вывозки леса. Большинство плановых показателей не выполнялись. Наиболее острыми проблемами стали механизация работ лесу, привлечение работников в отрасль, эффективность их труда. Эти проблемы приобрели системный характер, их решение давалось с трудом в последующие десятилетия.

Проанализируем эффективность функционирования отдельных предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона.

Строительство Сосьвинского ДОКа велось на протяжении 1930-х гг., хотя официально комбинат был сдан в эксплуатацию в 1937 г. До 1936 г. строительство велось на основании сметы на подготовительные работы. Из-за того, что не был своевременно составлен технический проект предприятия (это произошло в июле 1936 г., а первые чертежи «Гипромаша», осуществлявшего проектирование, стали поступать только с 15 ноября 1936 г.⁵⁵⁷), строительство было заморожено с февраля по сентябрь 1936 г. Ответственными за такое положение являлись вышестоящие инстанции – сначала «Уралдревлес», затем «Главтрансмаш». Стоимость строительства Сосьвинского ДОКа составляла, согласно техническому проекту,

---

⁵⁵⁵ Там же, д. 130. Л. 45.

⁵⁵⁶ Там же, д. 137. Л. 45.

⁵⁵⁷ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 6. Л. 86.

23,14 млн. руб. За 1932 г. – начало 1936 гг. было освоено только 7,2 млн. руб. или 31 %⁵⁵⁸. Если бы вышестоящие инстанции своевременно подготовили технический проект, передали его строившемуся предприятию, сроки строительства сократились бы существенно.

Несмотря на то, что в условиях прекращения финансирования руководство Сосьвинского ДОКа организовало ряд строительных работ, план по строительству 1936 г. был выполнен только на 78,8 %⁵⁵⁹ (в предыдущие годы были аналогичные ситуации⁵⁶⁰), 1937 г. – на 79,5 %⁵⁶¹. Ни одного производственного объекта за два года в эксплуатацию не вводилось. Тем не менее, объемы капитальных вложений в 1936 г. были превышены на 32,8 %, по сравнению с планом. Невыполнение плана строительно-монтажных работ, значительное превышение их сметной стоимости привели к удорожанию всего строительства на 45,1 %, хотя, согласно плану, должно было произойти снижение на 12,3 %⁵⁶². «Главтрансмаш» в качестве основных причин такого положения называл отсутствие проектов отдельных производственных объектов и изменение руководством Сосьвинского ДОКа их внутренней планировки, высокую стоимость накладных расходов и расходов на материалы (здесь, скорее всего, виноваты сметчики вышестоящих инстанций, готовившие проекты на подготовительные работы и технический проект, которые не учли всех факторов размещения и функционирования предприятия, отдаленного от индустриальных центров и транспортных магистралей).

Руководство комбината справедливо указывало на неудовлетворительное снабжение материалами, из-за чего ряд работ приходилось прекращать. Не было получено оборудование для сдачи в эксплуатацию ряда цехов, а на 1 января 1938 г. на предприятии не было утвержденных проектов теплосиловой станции, рейда, водонасосной станции, жилого поселка, которые уже строились⁵⁶³. Хотя, по состоянию на 1 января 1938 г., в складах хранилось оборудование стоимостью 489

---

⁵⁵⁸ Там же, л. 1.

⁵⁵⁹ Там же, л. 2.

⁵⁶⁰ Там же, д. 4. Л. 34об., 35; Д. 5. Л. 79–79об.

⁵⁶¹ Там же, д. 8. Л. 2.

⁵⁶² Там же, д. 6. Л. 3.

⁵⁶³ Там же, д. 8. Л. 2об., 3.

тыс. руб. (на 1 января 1937 г. – 51 тыс. руб.)⁵⁶⁴. Значит, дело было все-таки в низких темпах строительных работ, поскольку ряд цехов, проекты которых утвердили, не был сдан в 1937 г. Однако не нужно исключать и систематические задержки поставок оборудования для тех цехов, которые уже функционировали.

Только в 1938 г. Сосьвинский ДОК перевыполнил план по строительству на 13 % (3,17 против 2,8 млн. руб.). Однако произошло удорожание строительства в 1,73 раза вместо плановых 0,99⁵⁶⁵. Поэтому перевыполнение плана в финансовом выражении не означает, что план по другим показателям был выполнен и перевыполнен. Вновь в отчетных документах перечислялись объекты, которые не были сданы в эксплуатацию; проблемы, связанные с отсутствием проектов на отдельные производственные объекты, заявленного оборудования (в 1938 г. поступило только 15 % требуемого оборудования⁵⁶⁶). Можно сделать заключение об отсутствии эффективных взаимоотношений предприятия с вышестоящей инстанцией, ее с проектной организацией.

После выделения в середине 1938 г. комбината в самостоятельное подразделение Уралвагонзавода проблем меньше не стало. По-прежнему задерживался ввод объектов, систематически не выполнялись производственные задания. К примеру, в 1939 г. директор комбината Куфтырев указывал, что программа по выпуску деталей в апреле-мае была выполнена только на 70 %⁵⁶⁷. Предприятие в течение года не выполняло производственные задания, простаивало несколько недель из-за аварий, хотя годовая производственная программа по выпуску продукции была выполнена на 193 % к предыдущему году (было произведено 3461 м³ вагонной обшивки при плане 3311 м³)⁵⁶⁸. Высокие показатели работы связаны с небольшим планом в 1938 г., когда предприятие начало функционировать. Выручка от реализации продукции составила 4,16 млн. руб., но почти в два раза уступала сумме расходов за год, поскольку строительство комбината продолжалось⁵⁶⁹.

---

⁵⁶⁴ Там же, л. 6.

⁵⁶⁵ Там же, д. 10. Л. 1, 2об.

⁵⁶⁶ Там же, л. 3об.

⁵⁶⁷ Там же, д. 11. Л. 27.

⁵⁶⁸ Там же, д. 13. Л. 39.

⁵⁶⁹ Там же, л. 33.

В конце 1939 г. комбинат стал полностью самостоятельным предприятием в системе «Главтрансмаша». Управление строительством было передано в систему «Главуралстроя»⁵⁷⁰. Такое разделение отрицательно сказывалось на функционировании предприятия. Производственные объекты возводила одна организация, производственную деятельность осуществляла другая.

Обеспеченность Сосьвинского ДОКа рабочей силой в 1936 г. составила 75–76 %, но по отдельным подразделениям имело место превышение количества работников, по сравнению с плановыми показателями. На строительстве и монтаже производственных объектов трудились 264 чел., хотя должны были работать 245 чел. При этом производственная программа была выполнена только на 84,6 %. Заработная плата у рабочих оказалась больше запланированной, только в 1937 г. перерасход составил 150 % к фонду оплаты труда⁵⁷¹. И это в ситуации, когда не был выполнен план, а производительность труда составила в 1936 и 1937 гг. 93–94 % от запланированной⁵⁷². Правда, последний показатель можно поставить под сомнение, поскольку учет рабочей силы велся неудовлетворительно, что выявляли периодические проверки. Так, в октябре 1937 г. было установлено, что 177 чел. (при общем количестве около 500 рабочих), числившихся в отделе кадров, на работе не оказалось⁵⁷³, потому что часто трудоустройство и увольнение, перевод рабочих с одного участка на другой осуществлялись начальниками цехов, бригадирами без согласований с отделом кадров. Как следствие, перерасход фонда заработной платы, невыполнение планов, искажение показателей деятельности предприятия. Хотя руководство Сосьвинского ДОКа корень проблемы видело в несоответствии смет фонду зарплаты, из-за чего приходилось изменять расценки, как правило, в сторону повышения.

В 1938 г. производительность труда превысила плановую на 4 %⁵⁷⁴, правда, при этом количество работников превышало плановый показатель на 26 %. Поэтому связывать рост производительности труда с охватом почти всех работников круж-

---

⁵⁷⁰ Там же, д. 11. Л. 64, 64об.

⁵⁷¹ Там же, д. 8. Л. 4.

⁵⁷² Там же, д. 6. Л. 2, 4; Д. 8. Л. 3об.

⁵⁷³ Там же, д. 7. Л. 54.

⁵⁷⁴ Там же, д. 10. Л. 5.

ками техминимума, совершенствованием организации труда, как это сделало руководство предприятия, не стоит. Причины крылись в занятости большего количества работников, чем требовалось, и в перерасходе фонда заработной платы на 24 %⁵⁷⁵. Так что производительность труда по-прежнему оставалась невысокой. При всем этом Сосьвинскому ДОКу не хватало рабочей силы. В 1937 г. коллектив строительных рабочих обновился на 89 %⁵⁷⁶, в 1938 г. – на 86 %⁵⁷⁷, в 1939 г. коллектив рабочих, занятых на производстве, – на 97 %⁵⁷⁸. Понятно, что в таких условиях рационально и эффективно использовать рабочую силу, образовательный и профессиональный уровень которой оставался невысоким, было невозможно. Курсы техминимума организовали только в конце 1937 г.

На Сосьвинском ДОКе ощущалась острая нехватка строительных механизмов и машин, однако и те, что имелись, использовались крайне неэффективно. В 1936 г. в наличии были экскаватор, мотовоз и два трактора «Фордзон». В течение года работал только экскаватор, однако только 14,3 % нормативного времени. Остальное время техника простаивала. В целом, выработка механизированным способом по предприятию составила 11 % к плану⁵⁷⁹ (на стройках Наркомлеса СССР в первом полугодии 1936 г. использование бетономешалок составило 26 %, транспортеров – 13 %, экскаваторы почти не работали⁵⁸⁰). В 1938 г. использование механизмов составило всего 3,7 %⁵⁸¹, и это при больших объемах строительных работ. Такая ситуация сохранялась и в 1940 г.⁵⁸². На комбинате отсутствовала собственная ремонтная база, а потребность в электроэнергии была удовлетворена только на две трети⁵⁸³.

Руководство предприятия находило массу причин оправдать низкий уровень механизации строительных работ. Однако активное использование ручного труда говорит о консерватизме управленцев и применении ими методов организации

⁵⁷⁵ Там же, л. 26–26об.

⁵⁷⁶ Там же, д. 8. Л. 3об.

⁵⁷⁷ Там же, д. 10. Л. 5.

⁵⁷⁸ Там же, д. 13. Л. 39об.

⁵⁷⁹ Там же, д. 6. Л. 2, 29–30, 32.

⁵⁸⁰ РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 30. Л. 45а.

⁵⁸¹ АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 10. Л. 3об.

⁵⁸² Там же, д. 14. Л. 19.

⁵⁸³ Там же, д. 13. Л. 39.

труда, присущих мобилизационной модели экономики. Из-за нерационального использования механизмов и транспортных средств выполнить планы по строительству было проблематично, хотя это прямая задача руководства предприятия, с которой оно не справлялось.

Исходя из проведенного анализа, очевидна неэффективность функционирования Сосьвинского ДОКа на этапе строительства. Смена вышестоящих инстанций, профиля предприятия, проектных организаций привели к затягиванию сроков строительства, его удорожанию. Этому способствовала слабо развитая транспортная, жилищная, производственная инфраструктура. Предприятие постоянно испытывало дефицит строительных материалов, продовольствия, рабочей силы. Квалифицированные кадры нередко использовались в проведении земляных и строительных работ либо увольнялись из-за тяжелых условий труда. Руководство предприятия было вынуждено часто ездить в командировки в гг. Надеждинск (Кабаковск), Нижний Тагил, Свердловск, Москву, часто оставляя нерешенными проблемы производства и рабочих.

Продолжим анализ эффективности функционирования предприятий лесопромышленного комплекса на примере действовавшего Верхотурского ЛЗ. Производственная мощность предприятия на момент ввода в эксплуатацию в 1931 г. составляла 35–40 тыс. м³ пиломатериалов в год (две пилорамы). Из-за неудовлетворительной работы лесозаготовительных и лесосплавных организаций, организационно-экономических проблем на заводе, в 1933–1936 гг. производственные программы не выполнялись. В 1937–1940 гг. произошло увеличение объемов выпуска предприятием пилопродукции в два раза (по-прежнему работало две пилорамы), что было связано с повышением объемов и улучшением сортности поставляемой древесины (с 1939 г. сырье стало поступать по железной дороге от «Севураллага»), экономическим эффектом от рационализации технологических процессов, организации труда, развития производственной и жилищно-бытовой инфраструктуры.

Эффективность функционирования предприятия зависела от нескольких показателей. В 1933–1936 гг. наблюдался стабильный выпуск пилопродукции на уров-

не 25–40 тыс. м³ при высоком расходе сырья на производство м³ пиломатериалов. Во второй половине 1930-х гг., после ряда технико-технологических новаций, появления деревообрабатывающих мастерских, повышения сортности поставляемой древесины, расход сырья на производство одного м³ пилопродукции несколько снизился. На протяжении 1933–1939 гг. наблюдалось снижение количества дней работы лесопильного завода (в 1933 г. – 300, в 1934 г. – 289, в 1939 г. – 264), при этом число рабочих выросло незначительно. В 1933–1934 гг. в один день работы предприятия выполнялось свыше пяти рамосмен (приведенных к семичасовым). В 1935–1936 гг., после пересмотра норм выработки и перевода рабочих на сдельную оплату труда, произошло значительное снижение количества рамосмен при сохранении планового задания по производству пилопродукции на уровне 1933–1934 гг.

В 1938 г., в связи с переводом предприятия на четырехсменный режим, был вдвое увеличен план по выработке пиломатериалов. Эффективность труда рабочих в 1933–1939 гг. росла (хотя показатель выпуска лесоматериалов на одного рабочего снижался в 1933–1936 гг.). С 1933 по 1940 гг. производительность оборудования по пропуску сырья увеличилась в 2,15 раза, по распилу сырья и выпуску пиломатериалов – в 1,79 раза. Тем не менее, мероприятия по увеличению эффективности труда путем повышения занятости трудовых ресурсов (соцсоревнование, пересмотр норм) достигли максимальных показателей уже к 1939–1940 гг. (Приложение 26, 27).

Сравнение показателей работы Верхотурского ЛЗ 1930-х гг. с цифрами 1940-х гг. позволяет делать вывод об отсутствии положительной динамики эффективности труда рабочих⁵⁸⁴.

Поскольку в конце 1930-х гг. процент использования оборудования на лесозаводах Урала, подведомственных Наркомлесу СССР, был невысоким (в Молотовской области – 30 %, на Верхотурском ЛЗ – 85 %, Лобвинском ЛК – 47 %, Черныярском ЛЗ – 65 %, Тавдинском ЛК – 64 %⁵⁸⁵), значит, и все последующее десяти-

---

⁵⁸⁴ АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 88. Л. 3.

⁵⁸⁵ Леса Урала... С. 143, 169.

летие предприятия не работали в полную мощность. Оборудование устаревало, требовало замены, не реализуя свой производительный потенциал.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. на предприятиях лесопромышленного комплекса Свердловской области из 100 действующих рам 76 по своему состоянию требовали замены. Это были устаревшие изношенные и неподдающиеся ремонту рамы типа РЛМ-64 и Р-65⁵⁸⁶.

Значит, тенденция стагнации была присуща в целом лесопромышленному комплексу Уральского региона. Ей способствовали отсутствие системной технико-технологической модернизации со второй половины 1930-х гг., почти полное отсутствие производства оборудования для лесопромышленного комплекса в годы Великой Отечественной войны, неэффективное использование производственных мощностей, внедрение зачастую непродуманных рационализаторских приемов, исчерпание возможностей разных форм социалистического соревнования.

На предприятиях лесопромышленного комплекса Уральского региона, где существовал труд «вольнонаемных» работников, спецпереселенцев и заключенных, рост эффективности труда достигался увеличением нагрузки на технику, изменением норм выработки, администрированием и принуждением, повышением заработной платы высококвалифицированных рабочих, идеологической обработкой масс, развитием различных форм соревнования. В пользу этого говорят также данные, приводимые Н. А. Ивницким. Он отмечал, что на промышленных предприятиях производительность труда спецпереселенцев была несколько выше, чем на лесозаготовках, – она составляла в среднем 80–85 % от нормы⁵⁸⁷. А. Б. Суслов, напротив, указывал, что «отношение спецпереселенцев к труду в большинстве случаев мало отличалось от отношения к своим обязанностям других работников. Применявшиеся материальные стимулы – питание и зарплата – не являлись определяющими факторами невысокой эффективности труда. Они обуславливались слабой заинтересованностью управленцев в конечном результате, что влияло и на отношение к условиям труда и жизни спецпереселенцев»⁵⁸⁸.

---

⁵⁸⁶ История развития лесной промышленности Среднего Урала... С. 232.

⁵⁸⁷ См. н-р: Ивницкий Н. А. Указ. соч. С. 201, 215–216.

⁵⁸⁸ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае... С. 15.

Высоких показателей эффективности труда не удалось добиться из-за отсутствия работы по системному усовершенствованию техники и технологических процессов во второй половине 1930-х гг. Действие материальных стимулов к труду в конечном итоге также не оказало положительного влияния, так как рабочим невыгодно было интенсивно трудиться из-за систематических продолжительных дефицитов товаров. С 1950-х гг. общей для лесопромышленного комплекса тенденцией становится необходимость постоянных вливаний рабочей силы извне. В 1930–1940-х гг. задачу формирования производственных коллективов рабочих решала репрессивная политика государства. Она, по сути, и оказалась единственным возможным на тот момент решением проблемы хозяйственного освоения северных и восточных территорий страны. Затем предприятиям требовалось вкладывать дополнительные финансовые средства в улучшение условий жизни и труда рабочих.

Подводя итоги, отметим, что лесопромышленный комплекс – сложная система, подверженная влиянию, как природно-климатических, так и организационно-экономических, политических факторов. Чтобы отрасль эффективно функционировала, необходима ее систематическая модернизация и формирование социальной группы кадровых рабочих – профессионалов своего дела. В 1930-х гг. эта работа была далека от завершения, и эффективность работы лесопромышленного комплекса была невысокой.

Заключение

В конце 1920-х – 1930-х гг. лесопромышленный комплекс стал играть важную роль в экономике Уральского региона, прежде всего, за счет освоения новых лесных массивов, строительства и реконструкции предприятий по механической обработке и глубокой переработке древесины. Отрасль была переориентирована на производство лесоматериалов для удовлетворения потребностей, в первую очередь, Урала, где осуществлялись важные индустриализационные преобразования, тогда как в начале XX в. существенная часть продукции поставлялась в другие регионы страны и экспортировалась.

В конце XIX – начале XX вв. лесопромышленные предприятия и объединения самостоятельно формировали объемы производства, занимались сбытом продукции, приобретали оборудование, осуществляли тарифную, социальную политику. В конце 1910-х – начале 1940-х гг. произошли трансформации систем лесопользования и управления лесным комплексом. Предприятия, тресты, вышестоящие инстанции были, по сути, лишены возможности самостоятельного принятия решений в сфере лесозаготовки вследствие чрезмерной централизации управления экономикой страны. Формирование иерархической системы управления отраслью выразилось в слабом взаимодействии вышестоящих инстанций с нижестоящими и другими ведомствами. На официальном уровне был закреплён принцип сплошных рубок, из-за чего произошло снижение качества производимой лесопромышленным комплексом продукции, нарушение видового разнообразия лесов и экологии.

К существовавшей с конца XIX в. проблеме дефицита трудовых ресурсов добавилась проблема механизации лесозаготовки, освоения отдалённых от транспортных коммуникаций лесных массивов. Предприятия не справлялись с плановыми заданиями, затягивалось строительство производственных объектов, имелся огромный перерасход финансовых средств. Леспромхозы, освоив лесную базу, ликвидировались, построенная инфраструктура забрасывалась, рабочая сила и техника переводились на другие предприятия.

Пятилетними планами конца 1920-х – начала 1930-х гг. предусматривалось формирование единого лесопромышленного комплекса на Урале, структурные компоненты которого должны были связать железнодорожные магистрали широтного направления для обеспечения вывоза лесных ресурсов и продукции отрасли в другие регионы страны и на экспорт. Комплекс должен был тесно взаимодействовать с отраслями народного хозяйства и сочетать в себе разные виды переработки древесины.

Природно-климатические и социально-экономические условия Уральского региона оказали сильное воздействие на развитие отрасли, осуществление лесозаготовки. Предприятия размещались группами в непосредственной близости от лесных массивов, подлежащих освоению. В конце 1920-х – начале 1940-х гг., в результате существования других ведомств, занимавшихся лесозаготовкой (народные комиссариаты тяжелой промышленности, путей сообщения), нового административно-территориального и лесокультурного районирования, использования труда заключенных, в отрасли сформировались три лесопромышленных комплекса в Предуралье, Северном и Восточном Зауралье. Они специализировались в разных видах лесозаготовки, но составляли единое целое в физико-географическом отношении.

В лесной промышленности Урала в конце 1920-х – начале 1940-х гг. имелись проблемы, которые оказывали серьезное влияние на ее функционирование. Несовершенство организации работы отрасли приводило к большим потерям лесных ресурсов, которые не находили применения. Почти половина всего заготавливаемого леса использовалась в качестве топлива, сужая возможности развития предприятия по механической обработке и глубокой переработке древесины.

Низкий уровень механизации работ по заготовке, транспортировке древесины, их сезонный характер, небольшая численность населения Среднего и Северного Урала, ставшего одной из главных площадок индустриализации страны, обусловили использование принудительного труда спецпереселенцев и заключенных, систематические вербовки рабочей силы в разных регионах СССР.

Сложно было удержать в лесопромышленном комплексе и «вольнорабочих» рабочих. Тяжелые условия труда (преимущественно ручного), невысокая, по сравнению с другими отраслями промышленности, заработная плата, неудовлетворительные социальные, жилищно-коммунальное обслуживание, продовольственное обеспечение способствовали высокой текучести рабочей силы.

Несмотря на механизацию ряда работ в сфере лесозаготовки, более рациональное, по сравнению с началом 1930-х гг., использование рабочей силы, развитие жилищной, социальной, транспортной инфраструктуры, повышение заработной платы и стимулирование труда, предприятия отрасли в изучаемый период не могли удовлетворить потребность в трудовых ресурсах.

К тому же производственные коллективы предприятий были подвержены влиянию такого фактора, как политические репрессии, которые приводили также к сокращению общей численности работников отрасли (особенно в 1937–1938 гг.), проблемам в функционировании комплекса (репрессировались, в том числе, квалифицированные кадры).

В 1930-х гг. было только положено начало формированию социальной группы кадровых рабочих лесной промышленности, вобравшей в себя черты и качества крестьянского и городского населения страны с разным уровнем притязаний и отношением к труду и жизни. Тем не менее, благодаря индустриализации, жизнь части работников изменилась, и порой существенно. Они стали квалифицированными рабочими, служащими, инженерами, руководителями. Однако для еще большего числа людей существовавшая система мотивов и побуждений к труду обернулась понижением социального статуса, негативным отношением к выполнению обязанностей, халатностью, воровством и другими формами асоциального поведения.

В отрасли сложились производственные отношения, во многом базировавшиеся на использовании принудительного труда. Оплата труда спецпереселенцев была приближена, а затем уравнена с заработками «вольнорабочих» рабочих. Рост заработной платы коснулся всех категорий работников, однако более быстрыми

темпами увеличивались заработки инженерно-технических работников и служащих, в которых предприятия испытывали более острую потребность.

В результате проведенного анализа политики в сфере оплаты труда в лесопромышленном комплексе Уральского региона, мы пришли к следующему выводу: несмотря на официальную статистику, свидетельствующую о повышении заработной платы, реально работники недополучали от 30 до 50 % заработанных денег по причинам отчислений на разные виды жилищно-коммунального, социального обслуживания, займы. Хозяйственные организации и государство вытягивали из заработков средства, необходимые для поддержания жилищной и социально-бытовой инфраструктуры рабочих поселков и реализации экономических проектов в стране.

Индустриализация в лесной промышленности была связана с формированием поселенческой сети, представленной в изучаемый период поселками для «вольнонаемных» рабочих и поселками для различных категорий «спецконтингента». Приток трудовых ресурсов в отрасль в начале 1930-х гг. обусловил появление жилищной проблемы. С одной стороны, жилищное строительство являлось важным фактором привлечения работников на предприятия, с другой, оно недостаточно финансировалось, а качество построек, как правило, было низким.

На протяжении 1930-х гг. происходило формирование застройки рабочих поселков, совершенствование и улучшение качества построек, развитие социально-бытовой и культурной инфраструктуры. Уровень развития инфраструктуры рабочих поселков зависел от специализации предприятий, удаленности их от транспортных коммуникаций и крупных индустриальных центров, размеров и важности для экономики региона, страны, финансовых и материальных возможностей. Мы пришли к выводу, что в изучаемый период в рабочих поселках не удалось создать в рабочих поселках привлекательных жилищных, социально-бытовых и культурных условий.

Продовольственное обеспечение зависело как от работы сельского хозяйства, пищевой промышленности, транспорта, так и от особенностей распределения товаров, взаимодействия местных, региональных, государственных предприятий и

организаций, конкретных действий ответственных лиц. Сельское хозяйство развивалось в направлении животноводства, растениеводство носило вспомогательный характер. Развитие индивидуальных хозяйств было ограничено нормативно-правовыми актами и природно-климатическими условиями Среднего и Северного Урала. Зарплата играла незначительную роль в продовольственном обеспечении работников и их семей из-за роста цен и дефицита товаров.

Продовольственное обеспечение в изучаемый период играло роль стимула к труду (чем эффективнее труд, тем лучше питание) и принуждения к труду (снижение норм выработки влекло уменьшение снабжения). В начале 1930-х гг. важную роль сыграло организованное обеспечение продовольствием, однако во второй половине десятилетия приоритет был за индивидуальными хозяйствами и покупкой товаров в магазинах.

Нами был проведен анализ социально-экономической эффективности труда работников и функционирования предприятий, отрасли в целом. В условиях командно-административной экономики деятельность предприятий по повышению эффективности труда работников развивалась в тех направлениях, которые диктовались партийными и государственными органами. Однако на локальном уровне большинство работников не воспринимали позитивные политические акции, которые, по сути, ограничивали их права и свободы. Равно как и руководители предприятий «по-своему» интерпретировали нормативные правовые акты и мероприятия, связанные с ними. Ведь именно они ежедневно сталкивались с проблемами функционирования предприятий: опозданиями, прогулами работников, халатным выполнением трудовых обязанностей, хищениями, нарушениями трудовой дисциплины, авариями, простоями, отношением работников к социалистическому соревнованию, повышению уровня образования и квалификации и т. д.

Те факторы (заработная плата, премирование, награждения, предоставление жилья, продовольственное обеспечение, социальное обслуживание, образование, повышение квалификации и др.), от которых зависело повышение эффективности труда работников и функционирования лесопромышленного комплекса Ураль-

ского региона, по сути, в полной мере не играли той важной роли в масштабе отрасли, которая им отводилась.

Государственные, региональные, партийные органы решали проблемы, как правило, мобилизационными методами: репрессиями в отношении работников лесопромышленного комплекса, допуская невыполнение плановых заданий, срыв сроков строительства и реконструкции предприятий, аварии и т. п.; использованием труда спецпереселенцев и заключенных, приобретением техники, которая часто не находила применения в условиях Урала.

Мы можем говорить о формировании в конце 1920-х гг. – первой половине 1941 г. на Урале крупного лесопромышленного комплекса, способного удовлетворять потребности в лесоматериалах, бумаге и целлюлозе региона и других территорий страны, экспортировать часть древесины.

Лесопромышленный комплекс Уральского региона стал важным структурным компонентом отечественного лесного комплекса. Несмотря на то, что развитие отрасли подчинялось общим закономерностям развития экономики, общества в Советском государстве, выявился ряд специфических проблем, которые стали сопутствующими факторами функционирования лесной промышленности в последующие десятилетия.

С. А. Шевырин отмечал, что широкое использование труда спецпереселенцев и заключенных привело к тому, что в 1930–1950-х гг. «в лесопромышленном комплексе на территории Прикамья не было экономически привлекательных условий труда и быта»⁵⁸⁹. Этот вывод можно распространить на лесопромышленный комплекс Уральского региона в целом, где имелись нерешенные за изучаемых период производственные, жилищные и социально-бытовые, продовольственные проблемы, сохранялась текучесть кадров, недовольство уровнем заработной платы, организации мероприятий по стимулированию труда.

Реформирование системы управления лесным комплексом на протяжении 1930-х гг. не принесло ожидаемых результатов. Государству требовались лесоматериалы, бумага, целлюлоза, топливо и другие виды продукции, которые давала от-

---

⁵⁸⁹ Шевырин С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье... (дата обращения: 25. 12. 2010).

расль, однако реализуемая в стране модель экономического развития, направленная на сформированное развитие тяжелой индустрии, репрессивная политика сталинского режима не позволили комплексу в 1930-х гг. завершить даже стадию механизации, осуществляя ее на отдельных направлениях и далеко в неполном объеме. Следствием стали сбои в функционировании отрасли, когда за промышленным ростом наблюдался спад в течение нескольких лет.

Таким образом, поставленные нами цель и задачи диссертационного исследования достигнуты. Перспективы изучения истории лесной промышленности Уральского региона связаны с расширением хронологических рамок исследования. Период «новой экономической политики» (1921 г. – конец 1920-х гг.) связан с восстановлением отрасли после Революции и Гражданской войны, изменениями законодательства о лесах, разработкой планов развития лесной промышленности. В годы Великой Отечественной войны лесопромышленный комплекс Уральского региона стал играть еще более важную роль в отечественном лесном комплексе и экономике за счет эвакуации предприятий из западных районов страны, выполнения оборонных заказов, расширения ассортимента продукции, механизации работ.

Список сокращений

АОАГОВ	Архивный отдел администрации городского округа Верхотурский
АОАСГО	Архивный отдел администрации Серовского городского округа
БФ	бумажная фабрика
ВКП (б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВСНХ	Высший совет народного хозяйства
ГАПК	Государственный архив Пермского края
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ГУЛАГ	Главное управление лагерей
ДОК	деревообрабатывающий комбинат
ЛЗ	лесопильный завод
ЛК	лесной комбинат
ЛПХ	лесопромышленное хозяйство, леспромхоз
Наркомлес	Народный комиссариат лесной промышленности
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ	Объединенное главное политическое управление
РГАЭ	Российский государственный архив экономики
РОССПЭН	Российская политическая энциклопедия
РСФСР	Российская советская федеративная социалистическая республика
СНК	Совет народных комиссаров
СССР	Союз советских социалистических республик
ЦБК	целлюлозно-бумажный комбинат

Список источников и литературы

Источники

Неопубликованные источники

1. Архивный отдел администрации городского округа Верхотурский (АОАГОВ). Ф. 56 (Верхотурский ЛЗ). Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 6, 18, 88. Оп. 1-л. Д. 1, 2.
2. Архивный отдел администрации Серовского городского округа (АОАСГО).
Ф. р-325 (Сосьвинский ДОК). Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16.
Ф. р-482 (ОАО «Черноярский лесозавод»). Оп. 2-л. Д. 1, 2. Оп. 3-л. Д. 2, 3.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК).
Ф. р-1074 (Лесопромышленный комбинат «Уралзападолес»). Оп. 6. Д. 3, 4, 6.
Ф. р-1086 (ОАО «Камский ЦБК «Кама»). Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10. Оп. 4. Д. 3, 5.
Ф. р-1541 (Краснокамская бумажная фабрика «Гознак»). Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 7, 8, 9, 10.
4. Государственный архив Свердловской области (ГАСО).
Ф. р-1517 (Уральский государственный трест лесной, лесохимической, бумажной и деревообрабатывающей промышленности (Ураллес). Оп. 1. Д. 8.
Ф. р-1518 (Уральское государственное всесоюзное объединение лесной промышленности и лесного хозяйства ВСНХ СССР (Ураллеспром). Оп. 1. Д. 3, 7, 30, 62.
5. Новолялинский краеведческий музей. Ф. 1. Д. 1.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7637 (Министерство лесной промышленности СССР). Оп. 1. Д. 2, 5, 29, 30, 84, 86, 130, 136, 137.

Материалы авторских интервью

7. Интервью с Н. И. Буркица (Скрипник) // Архив автора. – 2008. – 13 января.

8. Интервью с Т. А. Вишняковой // Архив автора. – 2007. – 6 февраля.
9. Интервью Н. И. Паседа // Архив автора. – 2011. – 1 апреля.

Опубликованные источники

10. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года : Уральский регион : Сб. мат. / Сост. В. П. Мотревич. – Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. – 372 с.
11. Индустриализация СССР. 1926–1928 гг. : Док. и мат. / Отв. ред. А. А. Воронцов; Сост. З. К. Звездин, М. Ф. Залого, С. Р. Левина, Н. И. Левченко, Н. М. Хвостенкова. – М. : Изд-во «Наука», 1969. – 533 с.
12. История индустриализации Урала : док. и мат. 1933–1937. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. – 366 с.
13. История индустриализации Урала (1926–1932 гг.) / под ред. В. Н. Зуйкова (гл. ред.), В. В. Фельдмана, И. И. Бабилова. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1967. – 595 с.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – В 2 ч. – Ч. 2. – М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. – 1204 с.
15. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1940. Пермский край. Док. и мат. / Отв. ред. А. Б. Суслов. – Пермь : Банк культурной информации, 2008. – 920 с.
16. Политбюро и крестьянство : высылка, спецпоселение. 1930–1940. – В 2 кн. – Кн. 2 / Отв. ред. Н. Н. Покровский, В. П. Данилов, С. А. Красильников, Л. Виола. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (далее везде – РОССПЭН), 2006. – 1120 с.
17. Политические репрессии в Прикамье. 1918 – 1980 гг. : Сб. док. и мат. – Пермь : «Пушка», 2004. – 560 с.
18. Продовольственная безопасность Урала в XX в. Док. и мат. – В 2 т. – Т. 2 / Под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. – Екатеринбург : «Академкнига», 2000. – 456 с.

19. Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг. : Сб. док. и мат. / Сост. В. Г. Макуров, А. Т. Филатова. – Ин-т языка, литературы и истории Карельского науч. центра РАН; Гос. архив обществ.-полит. движений и формирования Респ. Карелия; Нац. архив Респ. Карелия. – Петрозаводск, 2005. – 442 с.

Периодическая печать

20. Могильщики деревянных трубопроводов // Лесная промышленность. – 1937. – 3 июля. – С. 3.

Источники личного происхождения

21. Бушманов, В. К. Пробуждение тайги. Искры памятных лет / В. К. Бушманов. – Пермь : Пермское кн. изд-во, 1973. – 242 с.

22. Долгополов, А. И. Амональное : Быль / А. И. Долгополов. – СПб. : Изд-во Буковского, 2001. – 365 с.

23. Саушкин, М. И. Муки невинно обреченных : Автобиограф. повесть / М. И. Саушкин. – Чапаевск : ЧИПО, 1997. – 487 с.

24. Твардовский, И. Т. Родина и чужбина : Книга жизни / И. Т. Твардовский. – Смоленск : Посох ; Русич, 1996. – 351 с.

25. Шаламов, В. Т. Вишера: Антироман / Сост. И. П. Сиротинская; Предисл. О. Волков / В. Т. Шаламов. – М. : Книга, 1989. – 59 с.

Литература

Периодическая печать

26. Антонова, Н. Е. Лесная политика : теория и применение / Н. Е. Антонова // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 33–52.

27. Гашев, А. Лесной рынок Уральской области / А. Гашев // Хозяйство Урала. – 1929. – № 1. – С. 108–121.

28. Гринько, Г. Ф. План великих работ (Основные проблемы пятилетнего народно-хозяйственного плана СССР на период 1928/1929–1932/1933 гг.) / Г. Ф. Гринько // Плановое хозяйство. – 1929. – № 2. – С. 7–98.
29. Дерябин, К. История Верхотурского лесозавода / К. Дерябин // Новая жизнь. – 1990. – 4 ноября. – С. 3–4.
30. Корнилов, Г. Е. Аграрная модернизация России в XX в. : региональный аспект / Г. Е. Корнилов // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 2. – С. 4–14.
31. Кулагин, О. И. Трансформация системы управления лесопользованием в СССР в начале 1930-х гг. / О. И. Кулагин, И. Р. Шегельман // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 8 (14). – В 4-х ч. – Ч. III. – Тамбов : Грамота, 2011. – С. 206–209.
32. Мухин, В. Больше внимания лесной промышленности / В. Мухин // Хозяйство Урала. – 1928. – № 4. – С. 56–63.
33. Некрасов, П. Перспективы развития уральского лесозэкспорта / П. Некрасов // Хозяйство Урала. – 1928. – № 5–6. – С. 120–124.
34. Онучин А. А. О принципах экосистемного управления лесами / А. А. Онучин, В. А. Соколов // Лесная таксация и лесоустройство. – 2005. – № 1. – С. 78–85.
35. Переход, В. К вопросу о лесоэкономическом макро- и микрорайонировании Уральской области / В. Переход // Хозяйство Урала. – 1929. – № 2. – С. 47–56.
36. Писаренко, А. И. Какая лесная политика нужна России? / А. И. Писаренко, В. В. Страхов // Лесное хозяйство. – 2006. – № 2. – С. 2–5.
37. Соловов, М. К. К пятилетнему плану капитального строительства Урала / М. К. Соловов // Хозяйство Урала. – 1926. – № 15–16. – Свердловск, 1926. – С. 40–51.

38. Сосновских, С. В. Политические репрессии середины 1930-х гг. на Урале в творчестве современных историков / С. В. Сосновских // Известия Уральского государственного университета. – 2007. – № 52. – С. 319–328.
39. Степанов, П. Вопросы генерального плана хозяйства Урала / П. Степанов // Хозяйство Урала. – 1928. – № 1. – С. 1–18.
40. Тарасевич, В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие / В. Тарасевич // Хозяйство Урала. – 1933. – № 4. – Свердловск, 1933. – С. 28–40.
41. Тарасевич, В. Лесное хозяйство Урала в системе Урало-Кузнецкого комбината / В. Тарасевич // Хозяйство Урала. – 1931. – № 2. – Свердловск, 1931. – С. 35–46.
42. Тарасевич, В. Перспективы развития лесного хозяйства Урала / В. Тарасевич // Хозяйство Урала. – 1926. – № 17. – С. 77–85.
43. Тарасевич, В. Пятилетний план лесопромышленного хозяйства Урала / В. Тарасевич // Хозяйство Урала. – 1929. – № 6. – С. 21–32.
44. Тарасевич, В. Рабочая сила на лесозаготовках Урала / В. Тарасевич // Хозяйство Урала. – 1928. – № 7. – С. 103–116.
45. Чашихин, В. С. Бумкомбинат в годы предвоенных пятилеток / В. С. Чашихин // Знамя Ленина. – 1965. – 16 июня. – С. 3; 1965. – 27 июня. – С. 3.
46. Шварц, Е. А. Лесное хозяйство, экономическое развитие и биоразнообразие: отказаться от мифов прошлого / Е. А. Шварц // Устойчивое лесопользование. – 2003. – № 2. – С. 2–7.

Литература

47. 25 лет в строю. Соликамский целлюлозно-бумажный комбинат. – М. : «Известия», 1966. – 96 с.
48. Алексеев, В. В. Введение / В. В. Алексеев // Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. : Монография / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Москва : Наука, 2000. – С. 3–9.

49. Алексеев, С. Е. Индустриализация как фактор модернизации Урала в конце 1920-х – 1930-е гг. : Взгляд современных историков / С. Е. Алексеев, В. Д. Камынин // Урал в контексте российской модернизации : Сб. ст. – Челябинск : Изд-во «Каменный пояс», 2005. – С. 25–37.
50. Анимица, Е. Г. Города Среднего Урала / Е. Г. Анимица. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 304 с.
51. Антуфьев, А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны / А. А. Антуфьев. – Екатеринбург : УрО РАН, 1992. – 337 с.
52. Артемов, Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели поздней индустриальной модернизации : Дис. ... докт. ист. наук / Е. Т. Артемов. – Екатеринбург, 2006. – 400 с.
53. Бабкин, Н. Зеленое золото / Н. Бабкин // В нашем краю : статьи и очерки о Свердловской области. – Свердловск : Свердловское кн. изд-во, 1953. – С. 274–282.
54. Бакунин, А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке (1933–1937 гг.) / А. В. Бакунин. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1968. – 439 с.
55. Бакунин, А. В. Индустриализация / А. В. Бакунин // Уральская историческая энциклопедия. – 2-е изд. – Екатеринбург : Изд-во «Академкнига», 2000. – С. 228–230.
56. Бакунин, А. В. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Урала (1933–1937 гг.) / А. В. Бакунин // Рабочий класс Урала в период строительства социализма : Сб. ст. – Свердловск : УНЦ АН СССР, 1982. – С. 57–80.
57. Бакунин, А. В. Уральский промышленный комплекс / А. В. Бакунин, А. Э. Бедель. – Екатеринбург : УрО РАН, 1994. – 160 с.
58. Бедель, А. Э. Формирование Уральского промышленного комплекса в реконструктивный период : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1989. – 19 с.

59. Белых, Н. Ю. Экономика ГУЛАГа как система подневольного труда (на материалах Вятлага 1938–1953 гг.) / Н. Ю. Белых; Отв. ред. В. А. Бердинских. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 293 с.
60. Бененсон, Г. М. Лесозаготовительная промышленность в народном хозяйстве СССР : Очерки развития лесной промышленности / Г. М. Бененсон. – Вып. 1. – М. ; Л. : Гослесбумиздат, 1952. – 210 с.
61. Бердинских, И. В. Особенности формирования инфраструктуры системы спецпоселений в СССР в 1931–1940-х гг. : Дис. ... канд. ист. наук / И. В. Бердинских. – Киров : Вятский гос. гуманитар. ун-т, 2007. – 228 с.
62. Бердникова, Т. Б. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия : Уч. пос. / Т. Б. Бердникова. – М. : ИНФРА-М, 2007. – 215 с.
63. Ботяновская, В. В. История Новолялинского целлюлозно-бумажного комбината / В. В. Ботяновская, В. С. Чашихин. – Новая Ляля, 1983. – 14 с.
64. Бумажная промышленность // Уральская советская энциклопедия. – Т. 1. – М. ; Свердловск : Изд-во Уралоблисполкома «Уральская советская энциклопедия», 1933. – С. 506–511.
65. Бумажная промышленность СССР. 1917–1957 гг. / Под ред. К. А. Вейнова. – М. ; Л. : Гослесбумиздат, 1958. – 148 с.
66. Верт, Н. История Советского государства. 1900–1991 / Н. Верт; Ред. А. В. Варламов, К. В. Иорданская, Ю. Д. Рыжков. – М. : Прогресс-Академия, 1992. – 365 с.
67. Верт, Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / Н. Верт; Пер. с фр. А. И. Пигалева. – М. : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента Б. Н. Ельцина, 2010. – 447 с.
68. Виола, Л. Введение / Л. Виола, С. А. Красильников // Политбюро и крестьянство : высылка, спецпоселение. 1930–1940 / Отв. ред. Н. Н. Покровский, В. П. Данилов, С. А. Красильников, Л. Виола. – Кн. 2. – М. : РОССПЭН, 2006. – С. 5–62.

69. Виола, Л. Крестьянский ГУЛАГ : мир сталинских спецпоселений / Л. Виола; Пер. с англ. Е. Осокиной. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 335 с.
70. Вихнин, И. С. Люди, которые построили Пермь / И. С. Вихнин, И. Ф. Сергеев. – Пермь : ИД «ВладиМир», 2005. – 258 с.
71. Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат // Уральская советская энциклопедия. – Т. 1. – М. ; Свердловск : Изд-во Уралоблисполкома «Уральская советская энциклопедия», 1933. – С. 662–668.
72. Воронин, Д. И. Стахановские методы работы тавдинцев / Д. И. Воронин. – М. : Гослестехиздат, 1938. – 41 с.
73. Глузман, В. Л. Лесозаготовительные предприятия Среднего Урала / В. Л. Глузман, М. Ф. Маслюков. – Екатеринбург : ИД «Сократ», 2001. – 384 с.
74. Голдман, В. З. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.) / В. З. Голдман; Пер. с англ. В. Ю. Лобовской. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 358 с.
75. Голдин, В. Н. На Тавдинских пристанях : культурно-исторические очерки / В. Н. Голдин, Ю. А. Горбунов, С. А. Новопашин, В. Н. Ермолаев, Л. С. Лепаловская, Т. В. Шешина. – Екатеринбург : ИД «Сократ», 2007. – 480 с.
76. Гордин, А. А. Лобва : 100 лет / А. А. Гордин. – Серов, 2005. – 253 с.
77. Горчаковский, П. Лесные богатства Урала / П. Горчаковский, Н. Коновалов, Р. Урванов. – Свердловск : Свердл. обл. гос. изд-во, 1948. – 109 с.
78. Грегори, П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори; Пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 400 с.
79. Дэвис Р. Советская экономика и начало «Большого террора» // Экономическая история : Ежегодник. 2006. – М : РОССПЭН, 2006. – С. 439–474.
80. Дульский, И. Лесные богатства Урала / И. Дульский. – Свердловск ; М. : Гослестехиздат, 1934. – 43 с.

81. Елисеева, Е. И. Кулацкая ссылка в Надеждинском (Серовском) районе Свердловской области / Е. И. Елисеева // Документ. Архив. История. Современность : Сб. науч. трудов. – Екатеринбург, 2006. – С. 70–81.
82. Захаровский, Л. В. Политика «ликвидации кулачества как класса» и ее проведение в Уральской области. 1929–1933 гг. : Автореф. ... дис. канд. ист. наук / Л. В. Захаровский. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2000. – 31 с.
83. Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР : 1930–1960 гг. : Дис. ... докт. ист. наук / В. Н. Земсков. – Москва, 2005. – 415 с.
84. Земсков, В. Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930–1954 гг.) / В. Н. Земсков // Отечественная история. – 1994. – № 1. – С. 118–143.
85. Ивницкий, Н. А. Судьба раскулаченных в СССР / Н. А. Ивницкий. – М. : Собрание, 2004. – 296 с.
86. Игнатова, Н. М. Использование труда спецпереселенцев – «бывших кулаков» в лесной промышленности и других отраслях в середине 1930-х – 1950-е гг. / Н. М. Игнатова // Покаяние : Мартиролог. – Т. 4. – Ч. 2. / Сост. Н. М. Игнатова. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2001. – С. 59–72.
87. Игнатова, Н. М. Осуществление политики спецпереселения и изменения численности спецпереселенцев – «бывших кулаков» в середине 1930-х – 1950-е гг. / Н. М. Игнатова // Покаяние : Мартиролог. – Т. 4. – Ч. 2. / Сост. Н. М. Игнатова. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2001. – С. 19–30.
88. Игнатова, Н. М. Спецпереселенцы в 30–50-е годы XX века : На материалах Коми АССР : Дис. ... канд. ист. наук / Н. М. Игнатова. – Сыктывкар, 2001. – 205 с.
89. Ильиных, И. В. Формы и методы мотивации трудовой активности рабочих Урала на рубеже 1920–1930-х гг. / И. В. Ильиных // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Мат. VII всерос. науч. конф., ноябрь 2005 г. – В 2 т. – Т. 1. – Екатеринбург : ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2005. – С. 372–377.
90. Ильюхов, А. А. Как платили большевики : Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. / А. А. Ильюхов. – М.: РОССПЭН ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. – 415 с.

91. История лесного хозяйства и лесоводы Челябинской области. – В 2 т. – Т. 1 / Сост. А. Н. Вязников, Г. И. Соколов / Агентство лесн. хоз-ва по Челябинской области. – Челябинск : «Каменный пояс», 2006. – 456 с.
92. История народного хозяйства Урала. – В 2 ч. – Ч. 1. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1988. – 256 с.
93. История развития лесной промышленности Среднего Урала / Сост. М. Ф. Маслюков. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. – 398 с.
94. История Урала / Под ред. И. С. Капцуговича. – Изд-е 2-е. – В. 2-х т. – Т. 2. – Пермь : Пермское кн. изд-во, 1977. – 542 с.
95. История Урала : XX век : Учебник / Под ред. Б. В. Личмана, В. Д. Камынина. – Екатеринбург : Изд-во «СВ-96», 1998. – 432 с.
96. История целлюлозно-бумажной промышленности России. – Архангельск : «Правда Севера», 2009. – 232 с.
97. Камскому комбинату – 20 лет. – Краснокамск : Всесоюзное НТО бум. и деревообр. пром-ти, 1956. – 67 с.
98. Кармазин, А. С. Историография социальной политики советского государства в отношении рабочего класса Урала в 1921–1941 гг. (на материалах Уральского региона) : Автореферат дис. ... канд. ист. наук / А. С. Кармазин. – Тюмень, 2006. – 27 с.
99. Кириллов, В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е – начало 1950-х гг. / В. М. Кириллов. – В 2-х ч. – Ч. 1. – Нижний Тагил : Урал. гос. пед. ун-т; Нижнетагильский гос. пед. ин-т, 1996. – 227 с.
100. Кириллов, В. М. Принудительный труд в контексте мобилизационной экономики / В. М. Кириллов // Мобилизационная модель экономики : Исторический опыт России XX в. : Сб. мат. всерос. науч. конф. / Под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск : Энциклопедия, 2009. – С. 330–335.
101. Кириллов, В. М. Страницы истории среднеуральских «островов» ГУЛАГа (1936–1953) / В. М. Кириллов // Страницы истории Урала : Сб. ст. и инф. мат. – Вып. 3 / Отв. ред. В. А. Порозов. – Пермь : Пермский гос. пед. ун-т, 1998. – С. 88–100.

102. Кириллов, В. М. Теория и методология истории : Уч. пос. / В. М. Кириллов; Нижнетагильская гос. соц.-пед. академия. – Нижний Тагил : Нижнетагильская гос. соц.-пед. академия, 2005. – 119 с.
103. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003. – 486 с.
104. Кожевников, М. А. Целлюлозно-бумажный комбинат. История / М. А. Кожевников, В. Колчев. – Новая Ляля, 1978. – 194 с.
105. Красильников, С. А. Режимные крестьяне 1930-х гг. : от повинностей к принуждению / С. А. Красильников // История сталинизма : Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память : Мат. междунар. науч. конф. / Отв. ред. Л. И. Бородкин, С. А. Красильников, О. В. Хлевнюк. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2013. – С. 398–416.
106. Красильников, С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. / С. А. Красильников. – М. : РОССПЭН, 2003. – 288 с.
107. Кузнецов, А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Ф. Кузнецов. – Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1979. – 19 с.
108. Кузнецов, А. Ф. Партийное руководство подготовкой кадров для лесной и лесоперерабатывающей промышленности Урала (1933–1937) / А. Ф. Кузнецов // Партийные организации во главе культурного строительства. – Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1978. – С. 67–72.
109. Кузнецов, А. Ф. Химико-лесной комплекс Урала : история и современность (XV–XX вв.) : Мат. к спецкурсу / А. Ф. Кузнецов. – Екатеринбург : Урал. гос. лесотех. академия, 1996. – 48 с.
110. Леса Урала / Под ред. М. Е. Ткаченко. – Свердловск : Изд-во Урал. филиала АН СССР, 1948. – 231 с.
111. Лесная индустрия Прикамья. – Пермь : Пермское кн. изд-во, 1968. – 278 с.

112. Лесоперерабатывающий комбинат «Урал-Лобва» : 1910–2010 / Сост. Е. А. Лопаев, В. П. Хребтенко и др. – Серов, 2010. – 102 с.
113. Мазур, Л. Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. / Л. Н. Мазур // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. ун-та, 2002. – С. 176–208.
114. Мазур, Л. Н. Сельское расселение на Среднем Урале в XX веке : направления и варианты трансформации поселенческой сети : Дис. ... докт. ист. наук / Л. Н. Мазур. – Екатеринбург, 2006. – 475 с.
115. Маркевич, А. М. «Магнитка близ Садового кольца» : Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2001 / А. М. Маркевич, А. К. Соколов. – М. : РОССПЭН, 2005. – 368 с.
116. М. ван дер Линден Мотивация труда в российской промышленности : некоторые предварительные суждения / М. ван дер Линден // Социальная история. Ежегодник. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 206–216.
117. Меерович, М. Г. Наказание жилищем : жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.) / М. Г. Меерович. – М. : РОССПЭН ; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 303 с.
118. Мирошниченко, М. И. Жилищные условия населения городов Урала в 1920-х – первой половине 1930-х гг. / М. И. Мирошниченко // Урал индустриальный : Бакунинские чтения : Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. Мат. XI Всерос. науч. конф. – В 2-х т. – Т. 2. – Екатеринбург : УМЦ-УПИ, 2013. – С. 163–168.
119. Народное хозяйство в Свердловской области в 1939–1941 гг. – Свердловск, 1941. – 206 с.
120. Народное хозяйство Молотовской области : Стат. сб. – Молотов : Молотовское кн. изд-во, 1957. – 200 с.
121. Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска : Стат. сб. – Свердловск : Гос. статистическое изд-во, 1956. – 151 с.

122. Население России в XX веке. – В 3 т. – Т. 1. – М. : РОССПЭН, 2000. – 463 с.
123. Неволин, О. А. Лесоустройство : Уч. пос. для вузов / О. А. Неволин, С. В. Третьяков, С. В. Ердяков, С. В. Торхов. – Архангельск : Изд-во Архангельского гос. тех. ун-та, 2005. – 588 с.
124. Николаев, С. Зеленая кладовая / С. Николаев. – Пермь : Пермское кн. изд-во, 1967. – 113 с.
125. Новая Ляля : к 75-летию города. – Екатеринбург : ООО «Издательский дом «Литур», 2013. – 216 с.
126. Новоселов, А. И. Туринск / А. И. Новоселов, А. И. Смирных. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1990. – 159 с.
127. Осокина, Е. А. За фасадом «сталинского изобилия» : Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 / Е. А. Осокина. – М. : РОССПЭН, 1999. – 271 с.
128. Петров, Б. С. Очерки о развитии лесной промышленности Урала / Б. С. Петров. – М. ; Л. : Гослесбумиздат, 1952. – 146 с.
129. Постников, С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – М. : РОССПЭН, 2009. – 367 с.
130. Постников, С. П. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900–1941 гг.) / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – Екатеринбург : УрО РАН, 2006. – 474 с.
131. Прикамье. Век XX : Уч. пос. / Пермь : Изд-во «Книжный мир» ; Изд.-полиграф. комплекс «Звезда», 1999. – 366 с.
132. Раков, А. А. «Деревню опустошают» : сталинская коллективизация и «раскулачивание» на Урале в 1930-х гг. / А. А. Раков. – М. : РОССПЭН, 2013. – 327 с.
133. Рассказов, Л. П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках / Л. П. Рассказов // Экономическая история : Ежегодник. 2002. – М. : РОССПЭН, 2003. – С. 269–319.

134. Репина, Л. П. Историческая биография и «новая биографическая история» / Л. П. Репина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 5. Спец. вып. : Историческая биография и персональная истории. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – С. 5-12.
135. Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2009. – 320 с.
136. Репина, Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории / Л. П. Репина // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 7–38.
137. Славко, Т. И. «Кулацкая» ссылка на Урале (1930–1936) / Т. И. Славко. – М. : Мосгосархив, 1995. – 173 с.
138. Соколов, А. К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) / А. К. Соколов // Экономическая история : Ежегодник, 2003. – М. : РОССПЭН, 2004. – С. 74–99.
139. Соколов, А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) / А. К. Соколов // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л. И. Бородкина. – Вып. 4. – М., 2000. – С. 39–80.
140. Сосновских, С. В. А. В. Бакунин о месте репрессий в системе советского тоталитаризма / С. В. Сосновских // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Мат. VIII всерос. науч. конф. – В 2 т. – Т. 2. – Екатеринбург : Изд-во «АМБ», 2007 – С. 237–241.
141. Страхов, В. В. О реформе лесоустройства в России / В. В. Страхов, А. И. Писаренко // Использование и охрана природных ресурсов в России. – 2010. – № 3. – С. 23–34.
142. Суслов, А. Б. Принудительный труд на Урале (кон. 1920-х – начало 1950-х гг.) : эффективность и производительность / А. Б. Суслов // ГУЛАГ : Экономика принудительного труда. – М. : РОССПЭН ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – С. 255–278.

143. Суслов, А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.) / А. Б. Суслов. – М. : РОССПЭН ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 424 с.
144. Суслов, А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х – начале 50-х гг. XX в. : Автореф. дис. ... докт. ист. наук / А. Б. Суслов. – Екатеринбург : Уральский гос. ун-т, 2004. – 21 с.
145. Терехов, В. С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации / В. С. Терехов. – Екатеринбург : УрО РАН, 2003. – 243 с.
146. Терехов, В. С. Тарифная политика в сфере оплаты труда специалистов уральской промышленности в 1930-е годы / В. С. Терехов // Урал в прошлом и настоящем. Мат. науч. конф. – Ч. 1. – Екатеринбург : НИСО УрО РАН ; БКИ, 1998. – С. 509–512.
147. Тиунов, В. Индустриальные пятилетки Западного Урала / В. Тиунов. – Пермь : Пермское кн. изд-во, 1977. – 514 с.
148. Ткаченко, М. Е. Рационализация лесного хозяйства на Урале в связи с обороной страны / М. Е. Ткаченко. – Свердловск : Издание Урал. лесотехнического ин-та, 1943. – 26 с.
149. Токмянина, С. В. Роль уральских лагерей лесной промышленности в развитии лесозаготовительной отрасли Урала в 1945–1952 гг. / С. В. Токмянина // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : Мат. VI всерос. науч. конф. – В 2 т. – Т. 2. – Екатеринбург : Изд-во «АМБ», 2004. – С. 302–308.
150. Тягай, Д. Н. Бумага и бумажная промышленность в СССР / Д. Н. Тягай; Под ред. Ф. Ф. Боброва. – М. : Гослестехиздат, 1937. – 427 с.
151. Урал в панораме XX века / Гл. ред. В. В. Алексеев. – Екатеринбург : Изд-во «СВ-96», 2000. – 496 с.
152. Уральский торгово-промышленный справочник : 1925 год. – Пермь, 1925. – 600 с.
153. Фабрики и заводы Уральской области : 1927–1928 год. – Свердловск : Изд-е Урал. обл. стат. отдела, 1930. – 264 с.

154. Фельдман, В. В. Восстановление промышленности на Урале (1921–1926 гг.) / В. В. Фельдман. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 156 с.
155. Фельдман, М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик) : Автореф. дис. ... докт. ист. наук / М. А. Фельдман. – Екатеринбург : УрГУ, 2001. – 43 с.
156. Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: город / Ш. Фицпатрик; Пер. с англ. Л. Ю. Пантина. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН ; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 336 с.
157. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е гг.: деревня / Ш. Фицпатрик; Пер. с англ. – М. : РОССПЭН, 2001. – 422 с.
158. Фомичев, И. А. Политические репрессии в Надеждинске. 1918–1952 гг. / И. А. Фомичев / Верхотурский гос. историко-архитектурный музей-заповедник. – В 2 т. – Т. 2. Екатеринбург, 2012. – 282 с.
159. Шевырин, С. А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края : Конец 1920-х – середина 1950-х гг. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. А. Шевырин. – Ижевск, 2008. – 20 с.
160. Шегельман, И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.) / И. Р. Шегельман. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2008. – 240 с.
161. Шпотов, Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920–1930-е гг. : лабиринты экономического сотрудничества / Б. М. Шпотов. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 320 с.
162. Шувалов, Е. Л. Тавда – город леса / Е. Л. Шувалов. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – 118 с.
163. Шургин, И. Н. От лесной избушки до церкви дивной : Деревянная архитектура коми / И. Н. Шургин. – М. : Совпадение, 2009. – 264 с.
164. Юричев, Е. Н. Очерки истории лесного хозяйства Вологодской области / Е. Н. Юричев, Н. Н. Неволин, И. В. Евдокимов. – Вологда : ВГМХА, 2011. – 216 с.

Электронные ресурсы

165. Докладная записка «О расселении и использовании кулацкой ссылки в Уральской области» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.hrono.info/dokum/193_dok/1930ssylka.html.
166. Лесное хозяйство России: от пользования – к управлению [Электронный ресурс] / А. И. Писаренко, В. В. Страхов – Режим доступа : <http://www.booksite.ru/fulltext/les/noy/eho/zya/yyst/vo/index.htm>.
167. Лесное хозяйство СССР за 50 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.booksite.ru/fulltext/za5/let/index.htm>.
168. Колданов, В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства [Электронный ресурс] / В. Я. Колданов. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/rusles/koldanovocerk/Koldanov.htm>.
169. Медико-санитарное обслуживание спецпереселенцев в Уральской области. Из докладной записки Уральского облздравотдела в Народный комиссариат здравоохранения (на 10 февраля 1932 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.hrono.info/dokum/193_dok/1930ssylka.html.
170. Постановление центрального исполнительного комитета и СНК СССР «Об условиях труда рабочих и служащих, занятых в лесной промышленности и лесном хозяйстве» от 3 июля 1933 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа : <http://istmat.info/node/35982>.
171. Шевырин, С. А. Развитие лесной отрасли в Прикамье в 1930–1950-е гг. [Электронный ресурс] / С. А. Шевырин. – Режим доступа : <http://www.politarchive.perm.ru/publikatsii/stati/razvities-lesnoj-otrasli-v-prikame-v-1930-1950-e-gody.html>.

Приложение

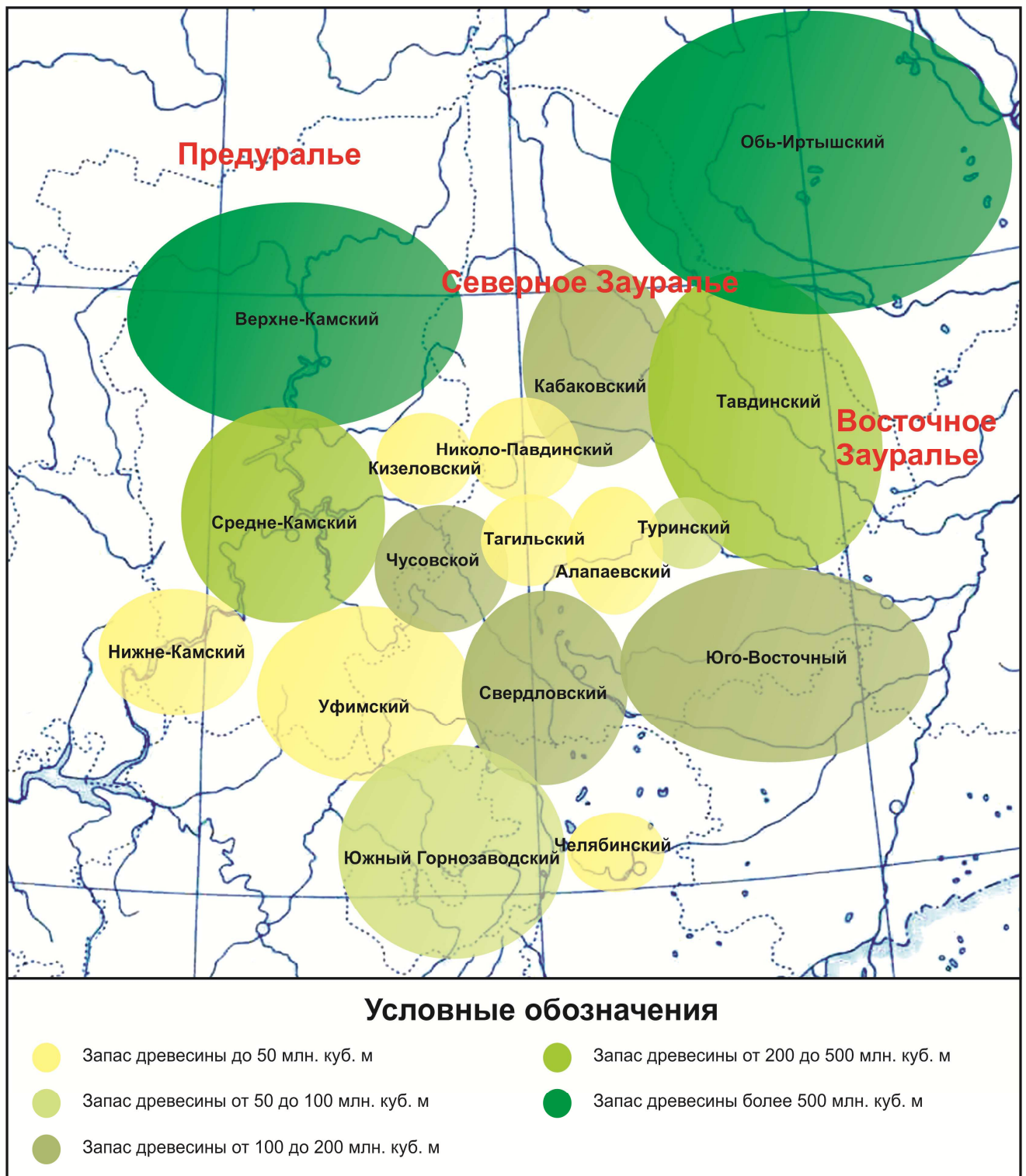
Приложение 1.

Схема. Концентрация предприятий лесопромышленного комплекса в Уральском регионе в 1930-х гг.

Источник: Составлено автором.

Схема. Запас древесины спелых и переспевающих хвойных и лиственных насаждений в лесоэкономических районах Урала в начале 1930-х гг.

Источник: Составлено автором по: Дульский И. Указ. соч. С. 33–34.

Схема. Распределение лесопользователей по подсистемам лесного комплекса с точки зрения охвата видов деятельности в лесозэксплуатации в конце XX в. –

начале XXI в.

Вид деятельности	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Лесное хозяйство											
Заготовка древесины и недревесных ресурсов											
Механическая обработка											
Глубокая переработка											

Типы лесопользователей:

1 – комплексная деятельность, включая ведение лесного хозяйства, заготовку древесных и недревесных ресурсов, их обработку и переработку;

2 – лесохозяйственная, лесозаготовительная деятельность и механическая обработка древесины;

3 – лесохозяйственная и лесозаготовительная деятельность;

4 – заготовка древесины, ее механическая обработка, переработка;

5 – заготовка и глубокая переработка древесины;

6 – заготовка и механическая обработка древесины;

7 – механическая обработка и глубокая переработка древесины;

8 – глубокая переработка;

9 – механическая обработка древесины;

10 – только лесозаготовка;

11 – ведение лесного хозяйства.

Схема. Распределение лесопользователей по подсистемам лесного комплекса с точки зрения охвата видов деятельности в лесозаготовке в 1930-х гг.

Вид деятельности	1	2	3	4	5	6	7
Лесное хозяйство							
Заготовка древесины и недревесных ресурсов							
Механическая обработка							
Глубокая переработка							

Типы лесопользователей:

1, 2 – ведение лесного хозяйства и лесозаготовки, выделенные в самостоятельный вид деятельности в рамках лесного комплексов, за исключением случаев комбинирования лесохозяйственных и лесопромышленных видов деятельности при создании крупных производств;

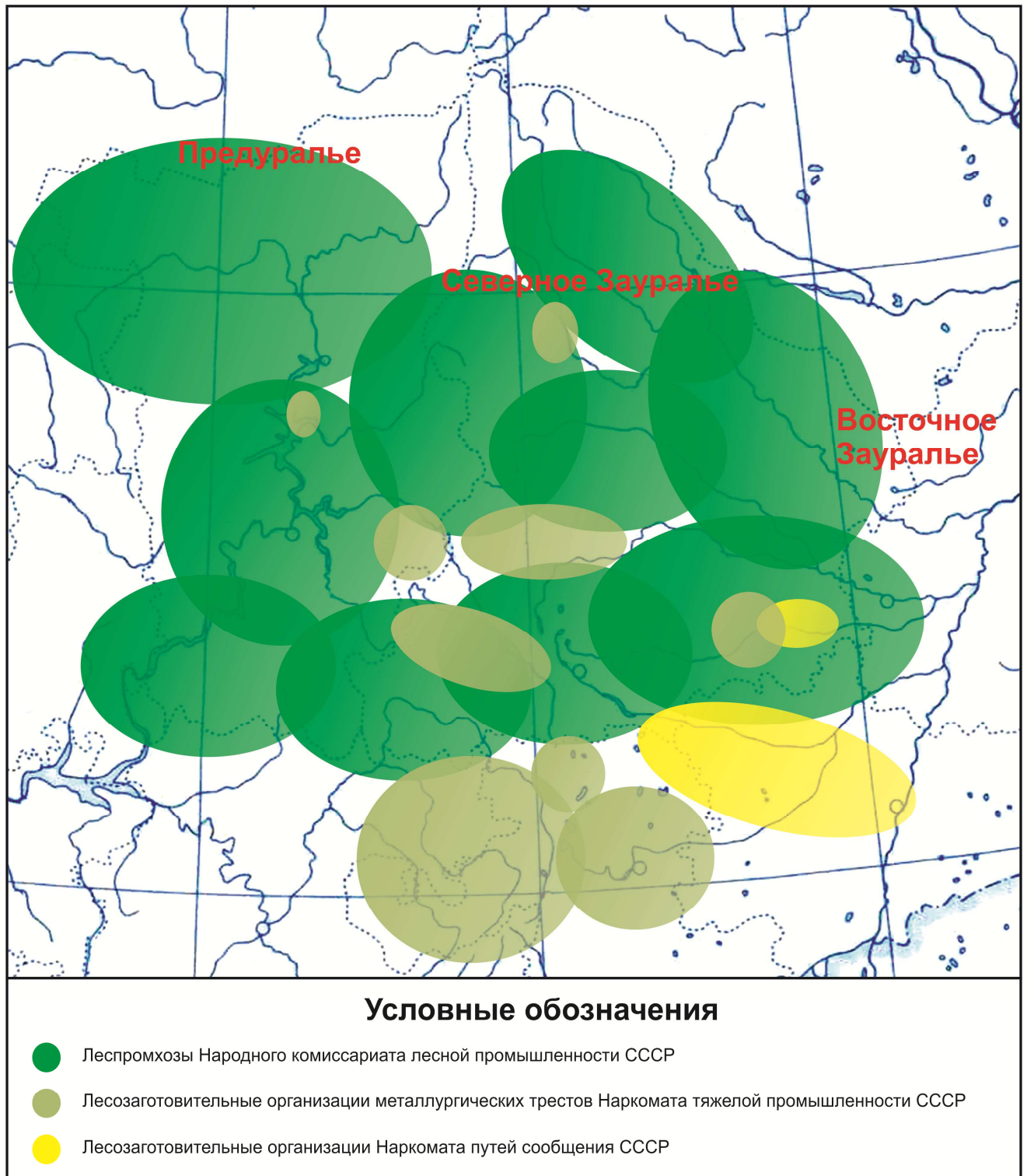
3 – лесозаготовки, механическая обработка и глубокая переработка древесины, характерные для крупных производств – лесопромышленных комбинатов;

4, 5 – лесозаготовки и механическая обработка древесины (в том числе и без ведения лесозаготовок, когда данная функция остается за лесозаготовительными организациями), характерные для мелких (районная промышленность, предприятия обслуживающие производства других отраслей) и средних (региональная и союзная промышленность) предприятий;

6 – лесозаготовки и глубокая переработка древесины, характерные для комбинированных производств лесохимической, целлюлозно-бумажной отраслей лесного комплекса;

7 – механическая обработка и глубокая переработка древесины, характерные для комбинированных производств лесохимической, целлюлозно-бумажной отраслей лесного комплекса.

Схема. Распределение лесов Уральского региона между основными
лесозаготовителями в начале 1930-х гг.

Источник: Составлено автором по: Дульский И. Указ. соч. С. 24–25.

Таблица. Заготовка, вывозка древесины и производство пиломатериалов в Уральском регионе в 1925–1938 гг.

Вид деятельности, наименование продукции	Заготовка древесины			Вывозка древесины			Производство пиломатериалов, тыс. м ³
	Всего, тыс. ф. м, в том числе:	деловой	дровяной	Всего, тыс. ф. м, в том числе:	деловой	дровяной	
Год							
1925/1926*	11770	4011	7759	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.
1925/1926**	3978	2537	1440	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.
1926/1927**	3276	1752	1523	Н. с.	Н. с.	Н. с.	288
1927/1928*	14074	4059	10015	12205	3259	8946	824
1927/1928**	5283	3057	2227	Н. с.	Н. с.	Н. с.	469
1928/1929*	13755	5444	8311	13493	5013	8480	Н. с.
1930*	22230	11433	10797	19956	9383	10573	Н. с.
1931*	33210	17987	15233	28861	14799	14562	Н. с.
1932*	24300	12077	12223	22632	11091	11541	3218
1937*	34600	19500	15100	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.
1937**	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.	1700
1938*	27900	13100	14800	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.

* Включая «районную промышленность».

** Без «районной промышленности».

Составлено по: История индустриализации Урала: док. и мат. 1933–1937... С. 40; Горчаковский П. Указ. соч. С. 77; Петров Б. С. Указ. соч. С. 62, 76; Тарасевич В. Итоги лесозаготовок за пятилетие и их дальнейшее развитие... С. 28, 29.

Таблица. Показатели лесопользования в Уральском регионе* в 1937–1940 гг.

Вид деятельности	1937	1938	1939	1940
Заготовка леса, тыс. ф. м	33903	36277	51025	48480
Вывозка леса, тыс. ф. м	31648	36652	45960	42070
Производство пиломатериалов, тыс. м ³	3657	3742	3961	4222
Удельный вес Уральского региона в производстве пиломатериалов в СССР, %	10,8	10,8	11,5	12,1
Производство бумаги, тыс. т	117,7	114,8	133,9	157,1
Производство целлюлозы, тыс. т	91,9	83,4	100,1	138,7
Производство картона, тыс. т	3,4	3,1	2,1	3,8
Производство фанеры, тыс. м ³	39,0	34,6	41,6	37,3
Удельный вес Уральского региона в производстве фанеры в СССР, %	5,7	5,2	6,2	5,1
Производство крафт-мешков**, млн. шт.	Н. с.	Н. с.	37,8	33,0
Удельный вес Уральского региона в производстве крафт-мешков в СССР, %	Н. с.	Н. с.	Н. с.	44,0

* Курганская, Оренбургская, Пермская, Свердловская, Челябинская области, Башкирская, Удмуртская автономные республики.

** Производство крафт-мешков было организовано только в Свердловской области.

Составлено по: Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 65, 67, 68, 70, 209; Народное хозяйство в Свердловской области в 1939–1941 гг. Свердловск, 1941. С. 9об.

Таблица. Объем заготовки и вывозки леса, производства пиломатериалов в Уральском регионе в 1937–1940 гг.

Год	1937			1938		1939		1940		
	Заготовка леса, тыс. ф. м	Вывозка леса, тыс. ф. м	Производство пиломатериалов, тыс. м ³	Заготовка леса, тыс. ф. м	Вывозка леса, тыс. ф. м	Заготовка леса, тыс. ф. м	Вывозка леса, тыс. ф. м	Заготовка леса, тыс. ф. м	Вывозка леса, тыс. ф. м	Производство пиломатериалов, тыс. м ³
Курганская область	1719	1536	-	1678	1685	1883	1805	2763	2390	149
Оренбургская область	383	408	128	419	410	772	763	551	389	44
Пермская область	8126	6870	700	8302	7942	10340	10143	12286	11426	748
Свердловская область	14563	13826	1952	14608	15572	23462	20996	19602	17746	2393
Челябинская область	1906	1707	336	3010	3023	4392	3491	3439	3039	346
Башкирия	3148	2898	361	4489	4178	4774	4219	4959	3540	213
Удмуртия	3968	4403	180	3771	3842	5402	4543	4880	3540	329
Всего	33903	31648	3657	36277	36652	51025	45960	48480	42070	4222

Таблица. Производство продукции предприятиями лесопромышленного комплекса Уральского региона, РСФСР, СССР в 1940 г.

Регион, страна	Пиломатериалы, тыс. м ³	Фанера, тыс. м ³	Бумага, т	Целлюлоза, т	Картон, т
Свердловская область	2393,0	-	29169	20455	-
Пермская область	748,0	-	125422	118214	2367
Челябинская область	346,0	-	-	-	1361
Курганская область	149,0	-	-	-	-
Оренбургская область	44,0	-	-	-	-
Башкирия	213,0	37,3	-	-	-
Удмуртия	329,0	-	-	-	-
Урал	4222,0	37,3	157112	138669	3728
РСФСР	27818,0	388,6	642500	409500	112700
СССР	34831,0	731,9	812400	528800	150800

Таблица. Удельный вес дровяной древесины в общем объеме заготовленного леса в 1937–1955 гг., %

Год	Хозяйственная организация, предприятие	Удельный вес дровяной древесины
1937	Лесопромышленные предприятия Урала*	53,5
1940	Лесопромышленные предприятия СССР*	52,2
	Лесопромышленные предприятия Урала*	57,9
	Предприятия Народного комиссариата черной металлургии в Свердловской области	65,0
1943	Лесопромышленные предприятия СССР*	71,7
	Лесопромышленные предприятия Урала*	67,5
1945	Лесопромышленные предприятия СССР*	63,5
	Лесопромышленные предприятия Урала*	62,3
	Тресты «Алапаевсклесдревмет», «Свердлесдревмет», «Серовлесдревмет», «Свердлес», «Свердтранслес», Новолялинский и Талицкий ЛПХ	56,2
1950	Лесопромышленные предприятия Свердловской области*	59,7
1955	Лесопромышленные предприятия Свердловской области*	37,3

* Включая «районную промышленность».

Составлено по: Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 66, 202; Горчаковский П. Указ. соч. С. 76, 79, 96; Народное хозяйство Свердловской области и города Свердловска... С. 30; Советская лесная экономика... С. 383.

Таблица. Распределение рабочих по занятиям в лесном комплексе Уральского региона (включая «районную промышленность»), по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1939 г., чел.

Занятие	Административно-территориальная единица	Мужчины	Женщины	Всего
1	2	3	4	5
Лесничество, таксаторы	Башкирская АССР	422	36	458
	Удмуртская АССР	265	11	276
	Молотовская обл.	352	32	384
	Чкаловская обл.	210	27	237
	Челябинская обл.	163	23	186
	Свердловская обл.	278	27	305
	Всего	1690	156	1846
Охрана и восстановление леса	Башкирская АССР	3488	125	3563
	Удмуртская АССР	1490	26	1516
	Молотовская обл.	2571	54	2625
	Чкаловская обл.	806	76	882
	Челябинская обл.	1746	71	1817
	Свердловская обл.	2351	36	2387
	Всего	12452	388	12790
Лесозаготовки и лесосплав	Башкирская АССР	14016	1711	15727
	Удмуртская АССР	13535	3564	17099
	Молотовская обл.	33126	8663	41789
	Чкаловская обл.	2574	90	2664
	Челябинская обл.	13961	2443	16404
	Свердловская обл.	26175	9905	36080
	Всего	103387	26376	129763

1	2	3	4	5
Лесозаготовки и лесосплав (только рабочие)	Башкирская АССР	6557	870	7427
	Удмуртская АССР	6157	1970	8127
	Молотовская обл.	23317	5663	28980
	Чкаловская обл.	Н. с.	Н. с.	Н. с.
	Челябинская обл.	9870	1639	11509
	Свердловская обл.	17743	7114	24857
	Всего	63644	17256	80900
Деревообделочники	Башкирская АССР	12978	3586	16564
	Удмуртская АССР	6296	2145	8441
	Молотовская обл.	13031	4550	17581
	Чкаловская обл.	3664	225	3889
	Челябинская обл.	11470	1269	12739
	Свердловская обл.	15173	3483	18656
	Всего	62612	15258	77870
Бумажники	Башкирская АССР	40	50	90
	Удмуртская АССР	-	-	-
	Молотовская обл.	703	1039	1742
	Чкаловская обл.	-	-	-
	Челябинская обл.	18	54	72
	Свердловская обл.	384	432	816
	Всего	1145	1575	2720

Составлено по: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион... С. 40, 44, 46, 47, 48, 95, 99, 101, 102, 146, 150, 152, 153, 197, 201, 203, 250, 254, 256, 257, 305, 309, 311, 312.

Таблица. Среднемесячная начисленная заработная плата по СССР, промышленности, отдельным отраслям и предприятиям лесопромышленного комплекса Уральского региона в 1930–1940 гг., руб.

Год		Инженерно-технические работники	Служащие	Рабочие	Младший обслуживаю- щий персонал	Средняя заработная пла- та
1	2	3	4	5	6	7
1930	Крупная промышленность Уральского региона (факт)	215	-	49	-	-
1932	Промышленность СССР (факт)	-	-	-	-	116
1933	Строительство Сосьвинского ДОКа (план)	265	178	118	67	124
	Верхотурский ЛЗ (факт)	-	-	-	-	103
1934	Наркомлес СССР (план)	299	178	121	89	127
	Крупная промышленность Уральского региона (факт)	407	207	134	-	-
1935	Крупная промышленность Уральского региона (факт)	466	248	182	-	-
1936	Крупная промышленность Уральского региона (факт)	553	-	233	-	-
1937	Промышленность СССР (факт)	-	-	-	-	243
	Камский ЦБК (план)	607	309	241	110	250
1938	Строительство Сосьвинского ДОКа (факт)	559	270	207	116	218

1	2	3	4	5	6	7
1939	Крупная промышленность Уральского региона (факт)	661	-	353	-	-
	Строительство Сосьвинского ДОКа (факт)	960	413	236	108	266
	Сосьвинский ДОК (факт)	575	394	266	125	273
1940	Предприятия Народного коммисариата целлюлозно-бумажной промышленности СССР (основное производство) (план)	637	333	294	149	316
	Краснокамская БФ «Гознак» (факт)	883	539	390	290	429
	Камский ЦБК (план)	677	380	348	151	376
	Черноярский ЛЗ (факт)	667	342	273	157	283
	Новолялинский ЛПХ (план)	508	225	195	113	211

Составлено по: АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2. Л. 12; АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 2. Л. 78; Д. 8. Л. 25; Д. 10. Л. 26–26об.; Д. 13. Л. 16; Д. 14. Л. 17; Ф. р-482. Оп. 3-л. Д. 2; Д. 3; Бакунин А. В. Борьба большевиков за индустриализацию Урала во второй пятилетке... С. 389; ГАПК. Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 6. Л. 106; Д. 9. Л. 54–55, 61, 62–63; Оп. 4. Д. 3. Л. 17; Д. 5. Л. 8об.; Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 7. Л. 128об.; РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, 7; Ильюхов А. А. Указ. соч. С. 124, 213, 269.

Таблица. Оклады, начисленная заработная плата и суммы, удержанные заводоуправлением с заработков работников Черноярского ЛЗ, в мае, июне 1940 г., руб.

Должность	Май 1940 г.			Июнь 1940 г.		
	Оклад	Начислено	Остаток за конторой	Оклад	Начислено	Остаток за конторой
1	2	3	4	5	6	7
Директор	900,00	900,00	315,15	900,00	900,00	381,85
Технический руководитель	363,00	528,00	0,45	387,00	2089,40	0
Начальник планового отдела	528,00	853,36	450,45	550,00	550,00	11,43
Начальник сбыта	450,00	450,00	173,60	450,00	506,23	269,48
Начальник снабжения	400,00	500,00	142,61	400,00	500,00	281,81
Начальник спецсектора	83,35	440,00	308,18	400,00	440,00	218,38
Начальник ОТК	375,00	591,67	229,61	375,00	480,00	234,89
Начальник цеха	575,00	672,00	271,69	198,99	718,00	373,50
Начальник цеха	550,00	838,88	455,78	550,00	640,00	285,86
Начальник ширпотреба	230,21	403,15	206,48	400,00	400,00	181,57
Заведующий кадрами	266,72	395,92	205,07	400,00	418,93	199,65
Заведующий столовой	350,00	378,00	226,65	-	342,00	0,56
Главный бухгалтер	770,00	770,00	337,89	770,00	770,00	333,54
Бухгалтер	400,00	477,20	161,59	400,00	400,00	179,00
Бухгалтер	307,00	307,00	16,76	307,00	307,00	33,12
Специалист по охране труда	311,61	468,30	177,04	140,80	835,04	0

1	2	3	4	5	6	7
Управделами	200,00	228,00	41,60	184,65	237,15	16,01
Кассир-инкассатор	325,00	585,00	138,60	325,00	325,00	27,47
Нормировщик	-	-	-	277,00	277,00	121,76
Счетовод (бухгалтер)	250,00	250,00	99,73	300,00	300,00	140,43
Счетовод	225,00	225,00	19,08	216,35	216,35	83,59
Статистик	208,40	248,88	60,07	250,00	250,00	131,98
Счетчица	151,35	181,01	109,27	165,48	188,90	110,00
Старший табельщик	225,00	320,50	346,30	24,00	339,96	15,71
Табельщица	66,64	183,28	9,62	146,11	147,39	14,11
Картотехник	200,00	200,00	85,44	200,00	208,00	103,18
Механик	600,00	702,00	266,60	600,00	702,00	370,73
Старший электрик	450,00	602,50	337,04	450,00	465,00	219,80
Сменный электрик	207,14	330,86	185,00	210,60	257,02	113,24
Электрик	197,17	340,01	196,35	178,20	256,90	116,25
Мастер сплава	147,52	318,56	189,19	242,50	349,08	192,93
Сменный мастер	394,16	484,49	191,44	313,06	421,99	159,85
Дежурный слесарь	214,20	383,83	197,79	289,43	441,38	279,26
Бригадир железнодорожных работ	300,00	383,00	124,50	303,30	303,30	139,47
Бригадир	296,26	563,34	328,51	260,82	433,12	239,49
Старший пилоправ	312,49	326,49	99,69	0	0	153,69
Пилоправ	236,16	329,11	122,22	236,16	361,03	213,17
Бракер	123,75	247,01	127,03	281,25	340,96	212,64
Кузнец	365,80	465,80	406,30	385,98	720,98	648,99
Разводчик	110,88	359,47	163,94	255,84	404,07	269,18
Отфактуровщица	250,00	312,70	146,31	250,00	276,00	120,58
Токарь	167,04	257,51	153,87	180,46	207,52	101,49

1	2	3	4	5	6	7
Смазчик	141,16	258,98	627,60	205,26	290,96	176,31
Столяр	181,55	197,32	193,90	322,89	338,66	259,21
Плотник	190,00	350,00	108,89	182,70	242,70	120,35
Десятник	320,89	452,05	283,57	369,04	481,39	298,10
Моторист	104,72	191,39	117,36	161,04	264,02	187,49
Экспедитор	350,00	510,98	272,11	400,00	512,00	197,76
Колесник	300,00	300,00	122,90	300,00	345,00	175,30
Возчик	297,50	373,80	230,92	350,00	350,00	185,06
Кучер	175,00	219,00	103,48	175,00	235,00	128,75
Начальник конного двора	300,00	300,00	118,76	300,00	326,06	164,48
Конюх	143,52	173,65	84,53	138,00	169,54	83,20
Начальник пожарно- сторожевой охраны	400,00	534,00	268,21	400,00	440,00	214,78
Постовая	155,00	247,23	148,05	155,00	155,00	69,99
Командир	215,00	373,04	237,94	215,00	275,00	163,88
Боец	175,00	275,12	162,30	175,00	317,50	179,07
Боец	165,00	256,57	164,21	105,00	253,12	76,77
Боец	150,00	233,25	129,51	155,00	165,00	57,05
Шорник	166,61	234,39	117,74	245,86	345,42	117,77
Кочегар	130,00	167,54	91,59	130,00	220,66	145,38
Телефонистка	175,00	272,12	166,52	175,00	175,00	84,11
Рабочая парников	115,92	121,88	43,91	138,00	160,08	94,49
Уборщица	150,00	150,00	63,24	80,78	215,31	150,35
Уборщица	115,00	146,06	81,25	123,76	146,23	86,48
Техничка	95,00	107,35	50,14	95,00	110,80	60,94
Сторож	115,00	131,01	66,05	115,00	119,42	59,47
Педагог	93,75	109,12	109,70	126,94	172,46	96,30

Источник: Составлено по: АОАСГО. Ф. р-482. Оп. 3-л. Д. 2, 3.

Таблица. Месячные оклады работников предприятий лесопромышленного комплекса Уральского региона, руб.

Год	1931	1932	1934	1937	1938	1940
Предприятие, организация	Лобвинский ЛЗ	Управление треста «Уралзападлес»	Камский ЦБК	Камский ЦБК	Верхотурский ЛЗ	Краснокамская БФ
Должность						
1	2	3	4	5	6	7
Начальник строительства (предприятия)	260	Н. с.	Н. с.	Н. с.	800– 910	Н. с.
Заместитель начальника строительства (предприятия)	220	Н. с.	Н. с.	1100	Н. с.	1600
Помощник начальника строительства (предприятия)	Н. с.	Н. с.	600	Н. с.	Н. с.	1300
Начальник отдела	100– 300	350	700	500– 700	Н. с.	1200– 1600
Начальник группы	Н. с.	300– 500	575	Н. с.	Н. с.	650– 900
Начальник сектора	Н. с.	250– 500	Н. с.	Н. с.	Н. с.	1400
Заведующий частью	Н. с.	200– 375	Н. с.	800	Н. с.	900– 1000
Начальник цеха	250– 300	Н. с.	400– 450	800– 1200	350– 550	900– 1300
Заведующий хозяйственным объектом	100	180– 350	625	Н. с.	150– 440	600– 1200
Главный бухгалтер	Н. с.	500	750	Н. с.	Н. с.	1500

1	2	3	4	5	6	7
Старший бухгалтер	Н. с.	300– 450	450	500– 650	600	500– 750
Бухгалтер	300	275– 350	275– 350	275– 300	300	450– 700
Старший экономист	Н. с.	350	Н. с.	Н. с.	Н. с.	650– 725
Экономист	Н. с.	225– 400	375	Н. с.	Н. с.	650
Старший счетовод	120– 175	200	Н. с.	225– 240	Н. с.	350– 425
Счетовод	80– 120	150– 175	Н. с.	170– 200	200	250– 375
Статистик	120	175	Н. с.	Н. с.	Н. с.	400
Кассир	Н. с.	300	Н. с.	225	225	Н. с.
Инженер	275	350	450– 600	550	Н. с.	1000
Механик	300	Н. с.	Н. с.	500– 1000	Н. с.	750– 900
Техник	Н. с.	450	350– 400	500	Н. с.	450– 900
Производитель работ	Н. с.	275– 300	850	Н. с.	Н. с.	800
Мастер	Н. с.	Н. с.	400	500– 550	Н. с.	600– 900
Сменный мастер	200	Н. с.	Н. с.	500– 550	380	750– 875

Инспектор	Н. с.	250– 350	Н. с.	600– 700	Н. с.	350– 600
Нормировщик	170	Н. с.	200– 325	Н. с.	350	275– 750
Ответственный исполнитель	Н. с.	150– 350	325– 400	Н. с.	Н. с.	550– 650
Инструктор	Н. с.	175– 275	225– 250	Н. с.	Н. с.	Н. с.
Табельщик	75– 80	Н. с.	125	Н. с.	Н. с.	200– 400
Картетчик	Н. с.	140– 175	Н. с.	Н. с.	Н. с.	350
Десятник	75– 100	Н. с.	175– 350	350	Н. с.	400– 550
Экспедитор	120	120– 175	225	Н. с.	Н. с.	400
Агент	Н. с.	100– 250	275	Н. с.	Н. с.	400– 550
Комендант	Н. с.	175– 250	Н. с.	Н. с.	Н. с.	350– 725
Секретарь	Н. с.	Н. с.	450	Н. с.	Н. с.	300– 350
Копировщик	75	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.	250– 300
Телефонистка	Н. с.	Н. с.	98	Н. с.	Н. с.	300– 325

Источник: Составлено по: АООАГОВ. Ф. 56. Оп. 1-л. Д. 1. Л. 183, 188; Д. 2. Л. 6; ГАПК. Ф. р-1074. Оп. 6. Д. 3. Л. 1, 2, 2об., 3, 3об., 4, 5, 7, 8, 9, 9об., 10об., 12, 13, 16, 17об., 18, 18об., 19, 23, 23об., 24, 27об., 29, 29об., 30об., 31, 34, 38, 39, 39об., 40об., 42, 45об., 52об., 54об., 56, 63, 64, 66, 69–72, 74; Д. 4. Л. 2, 2об., 3, 4, 4об., 5, 7, 7об., 8, 9об., 10об., 12, 16, 16об., 17, 18, 19, 20, 20об., 25, 26об., 30, 34об., 36, 37, 40, 45об., 49об., 53об., 59об., 64об., 73об.; Д. 6. Л. 4об., 6, 9об., 13, 15, 15об., 21об., 29–32, 41, 51об., 56, 66об.; Ф. р-1086. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 8, 12, 15, 17, 18, 20, 21, 22, 35, 38, 45, 55, 56, 60, 63, 85, 95, 98, 147, 151, 163, 178, 179, 181, 182, 193, 202, 203, 207; Д. 2. Л. 5, 33, 48, 51, 82, 84, 95, 96, 101, 105, 128, 139, 150, 154, 161, 172, 177, 179, 195, 209, 212, 214, 217, 218, 228, 231, 235, 240, 256, 301; Д. 3. Л. 32, 38, 73, 75, 77, 83, 90, 101, 107, 109, 119, 125, 141, 144, 145, 160, 163, 199, 231, 237, 301; Д. 4. Л. 8, 24, 27, 40, 56–59, 93, 95, 114, 132, 140, 141, 146, 147, 158, 160, 192, 201, 202, 210, 212, 241, 242, 243, 244, 245, 314; Д. 5. Л. 28, 29, 37, 52, 64, 155, 173, 178; Д. 6. Л. 33, 38, 75, 83, 93; Д. 7. Л. 3, 90, 98; Д. 10. Л. 147; Ф. р-1541. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 10, 21, 22, 25, 32, 35, 40, 41, 50, 54, 54об., 55, 60, 65, 66, 70, 72, 73, 74, 77, 79, 85, 87, 88, 94, 102, 104, 108, 114, 118, 122, 123, 125, 126, 128, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 161, 163, 164, 167, 168, 169, 170, 173, 174, 175, 176, 180, 181, 182, 184, 192, 193, 194, 198, 201, 202, 208, 210, 211, 213, 214, 216, 218, 219, 224, 231, 233, 234, 235, 237, 251, 252, 253, 254, 279, 283, 284, 292, 302, 310, 316, 322, 324, 325, 334, 336, 337, 338, 341, 342, 350; Д. 4. Л. 3, 12, 25, 33, 38, 40, 45, 48, 57, 59, 62, 66, 68, 72, 75, 81, 82, 83, 85, 86, 89, 92, 95, 98, 99, 100, 108, 113, 116, 117, 122, 128, 129, 144, 151, 154, 156, 160, 161, 163, 169, 185, 187об., 197, 202, 208, 213, 238, 247, 254, 255, 259, 260; Д. 7. Л. 20; Д. 8. Л. 1, 2, 3, 4, 7, 10, 11, 14, 15, 18, 23, 25, 37, 42, 43, 44, 53, 55, 61, 66, 85, 87, 96, 100, 101, 102, 103, 108, 109, 116, 135, 140, 141, 143, 150, 153, 168, 172, 176, 177, 183, 192, 193, 200, 208, 213, 216, 220, 223, 228, 230, 232, 233, 237, 238, 240; Д. 9. Л. 2, 4, 6, 8, 9, 10, 14, 15, 17, 23, 25, 27, 31, 37, 39, 42, 43, 49, 50, 54, 56, 57, 63, 65, 69, 72, 74, 80, 97, 136, 138, 147, 154, 161, 173, 202, 204, 225, 231, 236, 239, 240, 252, 257, 259, 261, 268; Д. 10. Л. 15, 19, 26, 27, 28, 34, 38, 43, 45, 53, 55, 63, 64, 65, 71, 80, 81, 83, 91, 93, 96, 99, 100, 104, 107, 121, 126, 143, 144, 152, 159, 160, 162, 168, 169, 171, 172, 173, 178, 205, 206, 211; ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 62. Л. 64–65.

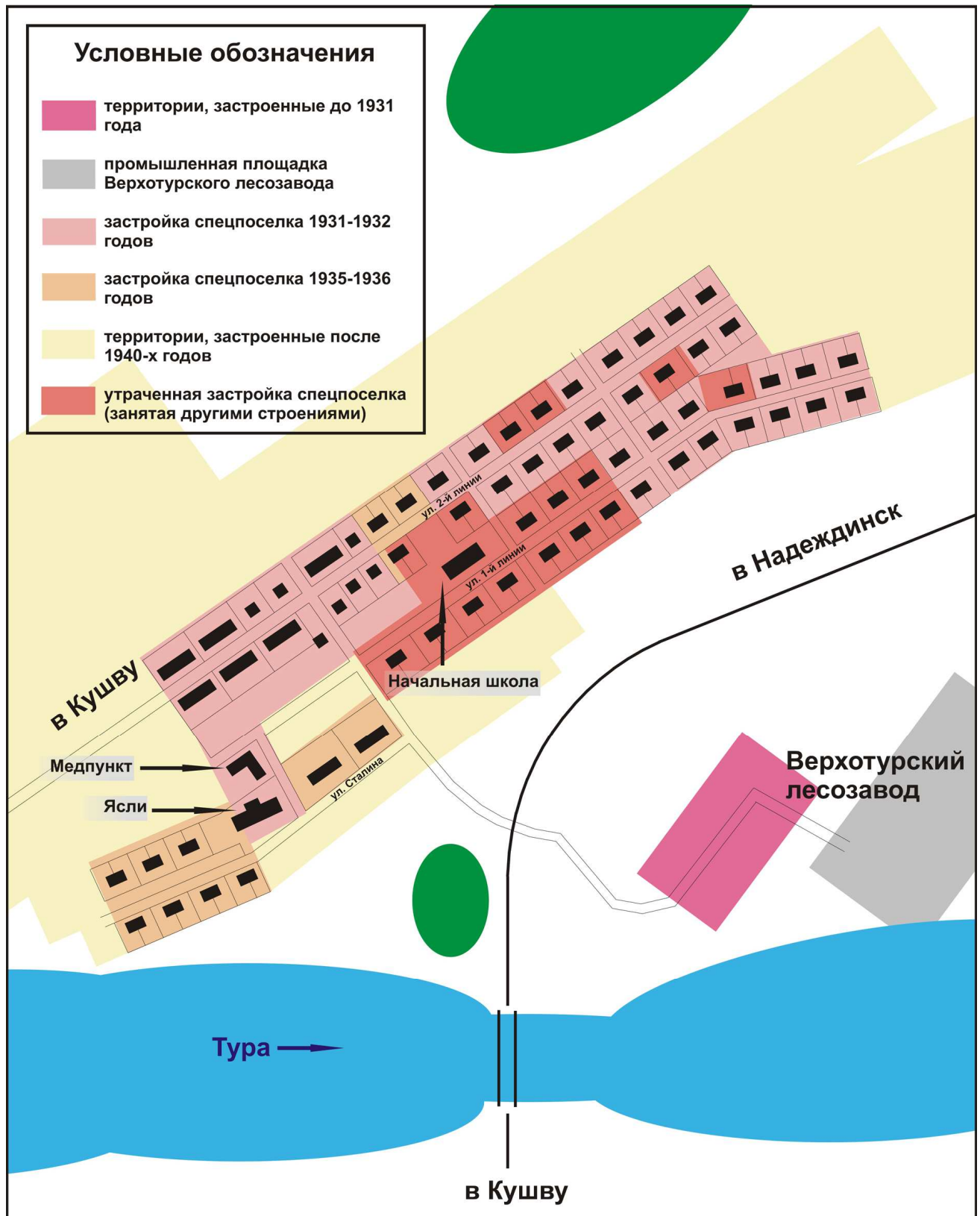
Таблица. Месячные оклады работников Сосьвинского ДОКа в 1932–1939 гг.,
руб.

Год	1932	1934	1935	1936	1937	1938	1939
Должность							
1	2	3	4	5	6	7	8
Начальник строительства	Н. с.	800	1200	Н. с.	1600	Н. с.	Н. с.
Главный инженер	1500	1500	1200	Н. с.	1200	Н. с.	Н. с.
Главный бухгалтер	750	750	750	600	Н. с.	Н. с.	Н. с.
Бухгалтер	Н. с.	Н. с.	350	Н. с.	400	Н. с.	450
Начальник сектора снабжения	Н. с.	1000	Н. с.	600	650	Н. с.	900
Начальник планового отдела	Н. с.	750	550	Н. с.	Н. с.	Н. с.	750
Заведующий складом	Н. с.	Н. с.	300	Н. с.	400	Н. с.	400
Заведующий гаражом	Н. с.	Н. с.	250	Н. с.	Н. с.	Н. с.	650
Производитель работ	Н. с.	Н. с.	600	Н. с.	650	750	Н. с.
Экономист по труду	Н. с.	500	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.	600
Конструктор	Н. с.	Н. с.	Н. с.	500	400	600	500
Старший счетовод	300	Н. с.	Н. с.	350	Н. с.	300	350
Счетовод	Н. с.	150	200	Н. с.	250	250	300
Кассир	Н. с.	175	200	Н. с.	Н. с.	250	250
Нормировщик	200	250	250	Н. с.	250	350	Н. с.
Статистик	Н. с.	Н. с.	Н. с.	Н. с.	150	150	250
Учетчик	Н. с.	Н. с.	125	Н. с.	150	Н. с.	160
Табельщик	Н. с.	Н. с.	100	Н. с.	180	Н. с.	175
Секретарь	150	Н. с.	275	275	Н. с.	Н. с.	350
Машинистка	Н. с.	175	175	Н. с.	Н. с.	200	200
Копировщик	Н. с.	Н. с.	140	Н. с.	175	175	250
Мастер паросиловых установок и механической мастерской	Н. с.	Н. с.	450	Н. с.	Н. с.	400	600

1	2	3	4	5	6	7	8
Сменный мастер	Н. с.	Н. с.	Н. с.	300	350	Н. с.	400
Десятник	175	Н. с.	250	Н. с.	300	200	Н. с.
Десятник строительства	Н. с.	Н. с.	300	350	350	400	Н. с.
Уполномоченный Сосьвостроя при Уралвагонзаводе	Н. с.	Н. с.	300	Н. с.	350	400	Н. с.
Заведующий перевалочной базой в Надеждинске (Кабаковске)	Н. с.	Н. с.	300	300	400	Н. с.	400
Начальник пожарной и сторожевой охраны	Н. с.	350	400	375	450	400	600
Рядовой	Н. с.	Н. с.	75	Н. с.	Н. с.	Н. с.	175
Кладовщик	Н. с.	Н. с.	175	Н. с.	250	225	Н. с.
Уборщица	45	Н. с.	51	Н. с.	74	Н. с.	Н. с.
Рассыльная	Н. с.	Н. с.	51	Н. с.	Н. с.	Н. с.	85
Сторож	Н. с.	Н. с.	85	Н. с.	Н. с.	100	Н. с.
Телефонистка	Н. с.	Н. с.	85	Н. с.	120	120	Н. с.

Источник: Составлено по: АОАСГО. Ф. р-325. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4, 18, 19, 21, 34, 35, 36; Д. 3. Л. 28–29; Д. 4. Л. 15, 51, 51об., 53, 54об., 55, 56, 56об., 57, 58, 61, 61об., 62об., 64, 65об., 67, 69, 69об., 70об., 71, 73, 73об., 74об., 77, 78, 80, 81об., 87, 88, 88об., 91, 91об., 99об.; Д. 5. Л. 1, 2, 3об., 8об., 11об., 13об., 15, 16, 18, 19, 19об., 20об., 21, 21об., 24, 29, 30, 33, 33об., 36, 38, 39об., 40об., 44, 46об., 47, 49об., 56-56об., 57, 59, 59об., 60, 60об., 63, 63об., 64, 67об., 68об., 71, 74, 76, 77об., 78, 78об., 81, 81об., 83об., 85, 86, 87, 88, 89, 91об., 92, 92об., 94об., 97, 98об., 99об., 102об., 103, 104об., 105, 105об., 106об., 107, 107об., 108, 113, 123, 127, 127об., 128об.–130, 134, 135, 136, 138об., 140, 141, 143; Д. 7. Л. 1, 4об., 9об., 10, 12об., 13, 15, 18об., 22об., 25об., 26об., 28, 31об., 36об., 37об., 43, 43об., 44об., 45об., 52, 55, 58об., 60об., 67, 67об., 68, 69, 73, 74об., 75, 78об., 79, 79об., 80об., 81, 82, 83, 84, 85, 86об., 87, 90об., 93об., 96, 97, 98, 104, 104об., 105, 106об., 110, 112об., 113об., 125об., 128об.; Д. 9. Л. 2, 6об., 8, 10, 13об., 16, 19, 23об., 24, 34об., 37об., 38об., 41об., 43об., 46об., 49, 56об.; Д. 11. Л. 3, 3об., 4об., 6об., 8, 11об., 14об., 12об., 13, 15об., 17, 20, 21, 24, 24об., 25, 26, 26об., 30об., 36, 39об., 43, 44, 44об., 45, 45об., 46об., 48об., 49, 49об., 50об., 52об., 59, 60, 62, 63об., 64, 65, 71, 71об.; Д. 12. Л. 1, 16, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 29, 43, 45, 48, 51, 52, 63, 67, 69, 76, 93, 94, 97, 101, 104, 105, 106, 111, 112, 113, 115, 116.

Схема. Спецпоселок Верхотурского ЛЗ

Источник: Составлено автором.

Таблица. Картотека жилых и социальных объектов спецпоселка Верхотурского
ЛЗ (современное состояние)

Современный адрес объекта	Год по- стройки, на- значение	Строи- тель- ный материал	Число квар- тир	Состояние
1	2	3	4	5
Ул. 1-й линии				
Ул. Чапаева, 10	1932, фельдшер- ско- акушерский пункт	Брусья	-	Жилой дом на 3 квартиры, все засе- лены
Ул. Чапаева, 14	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его участке построен жилой дом
Ул. Чапаева, 16	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его участке построен жилой дом
Ул. Чапаева, 18	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его месте построено со- циальное учреждение
Ул. Чапаева, 20	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его участке построен жилой дом
Ул. Чапаева, 22	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его участке построен жилой дом

1	2	3	4	5
Ул. Чапаева, 24	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его участке построен жилой дом
Ул. Чапаева, 26	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его месте построен жилой дом
Ул. Чапаева, 28	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Ул. Чапаева, 30	1932, жилой дом	Бревна	2	1/2 дома заселена
Ул. Чапаева, 32	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Ул. Чапаева, 34	1932, жилой дом	Бревна	2	1/2 дома заселена
Ул. Чапаева, 38	1932, жилой дом	Бревна	2	1/2 дома заселена
Ул. Чапаева, 40	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Ул. Чапаева, 42	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Ул. Чапаева	1935, начальная школа	Брусья	-	Здание снесено, на его участке построено социальное учреждение
Ул. Чапаева, 31	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его месте построено социальное учреждение

1	2	3	4	5
Ул. Чапаева, 33	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его месте построено социальное учреждение
Ул. Чапаева, 35	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его месте построено социальное учреждение
Ул. Чапаева, 37	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом не заселен
Ул. Чапаева, 39	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Ул. Чапаева, 41	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Ул. Чапаева, 43	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его участке построен индивидуальный дом
Ул. Чапаева, 47	1932, жилой дом	Бревна	2	1/2 дома заселена
Ул. Чапаева, 51	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Ул. Чапаева, 53	1932, жилой дом	Бревна	2	1/2 дома заселена
Ул. 2-й линии				
Гагарина, 16	1932, барак	Брусья	16	Жилой дом на 5 квартир, все заселены
Гагарина, 18	1932, барак	Брусья	14	Жилой дом, частично заселен

1	2	3	4	5
Гагарина, 20	1932, барак	Брусья	12	Дом разрушен
Гагарина, 22	Частный дом	Бревна	1	Дом заселен
Гагарина, 24	Частный дом	Бревна	1	Дом заселен
Гагарина, 26	Частный дом	Бревна	1	Дом заселен
Гагарина, 28	Частный дом	Бревна	1	Дом не существует
Гагарина, 30	1936, жилой дом	Брусья	2	Дом не существует
Гагарина, 32	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом не существует
Гагарина, 34	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Гагарина, 36	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом разрушен
Гагарина, 38	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом разрушен
Гагарина, 40	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Гагарина, 42	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом разрушен
Гагарина, 44	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, на его месте построен дом
Гагарина, 46	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Гагарина, 48	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом разрушен
Гагарина, 11	1932, барак	Брусья	16	Жилой дом, частично заселен

Продолжение табл. с. 214

1	2	3	4	5
Гагарина, 13	1932, барак	Брусья	14	Жилой дом на 5 квартир, все заселены
Гагарина, 15	Частный дом	Бревна	1	Дом не существует, сгорел
Гагарина, 17	Частный дом	Бревна	1	Дом заселен
Гагарина, 19	1932, барак	Брусья	12	Дом разрушен
Гагарина, 21	Частный дом	Бревна	1	Дом заселен
Гагарина, 23	1936, жилой дом	Брусья	2	Дом заселен
Гагарина, 25	1936, жилой дом	Брусья	2	Дом заселен
Гагарина, 27	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Гагарина, 29	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Гагарина, 31	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом снесен, построены другие дома
Гагарина, 33	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом разрушен
Гагарина, 35	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Гагарина, 37	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом разрушен
Гагарина, 39	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен

1	2	3	4	5
Гагарина, 41	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом заселен
Гагарина, 43	1932, жилой дом	Бревна	2	Дом разрушен
Ул. Сталина				
Ул. Набережная, 6	1935, жилой дом	Брусья	4	1/2 дома заселена
Ул. Набережная, 8	1935, жилой дом	Брусья	4	Дом не заселен
Ул. Набережная, 10	1932, детский сад	Брусья	-	Жилой дом на 2 квартиры, заселен
Ул. Набережная, 12	1936, жилой дом	Брусья	2	Дом заселен
Ул. Набережная, 14	1936, жилой дом	Брусья	2	Дом заселен
Ул. Набережная, 16	1936, жилой дом	Брусья	2	1/2 дома сгорела, 1/2 дома заселена
Ул. Набережная, 7	1936, жилой дом	Брусья	2	1/2 дома заселена
Ул. Набережная, 9	1936, жилой дом	Брусья	2	Дом заселен
Ул. Набережная, 11	1936, жилой дом	Брусья	2	1/2 дома заселена
Ул. Набережная, 13	1936, жилой дом	Брусья	2	1/2 дома заселена

Схема. Планировка двухквартирного дома 1931–1932 гг. постройки
(спецпоселок Верхотурского ЛЗ)

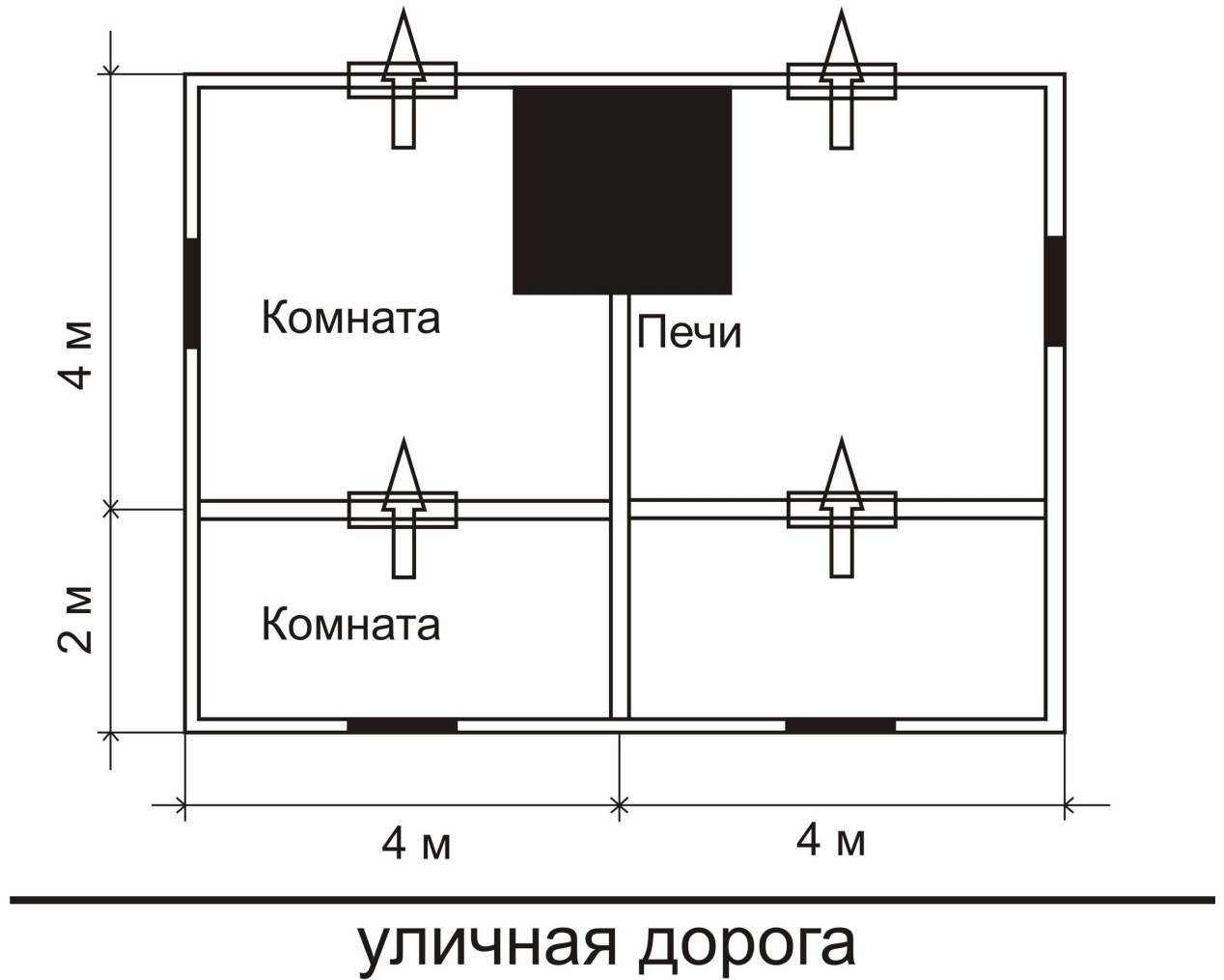
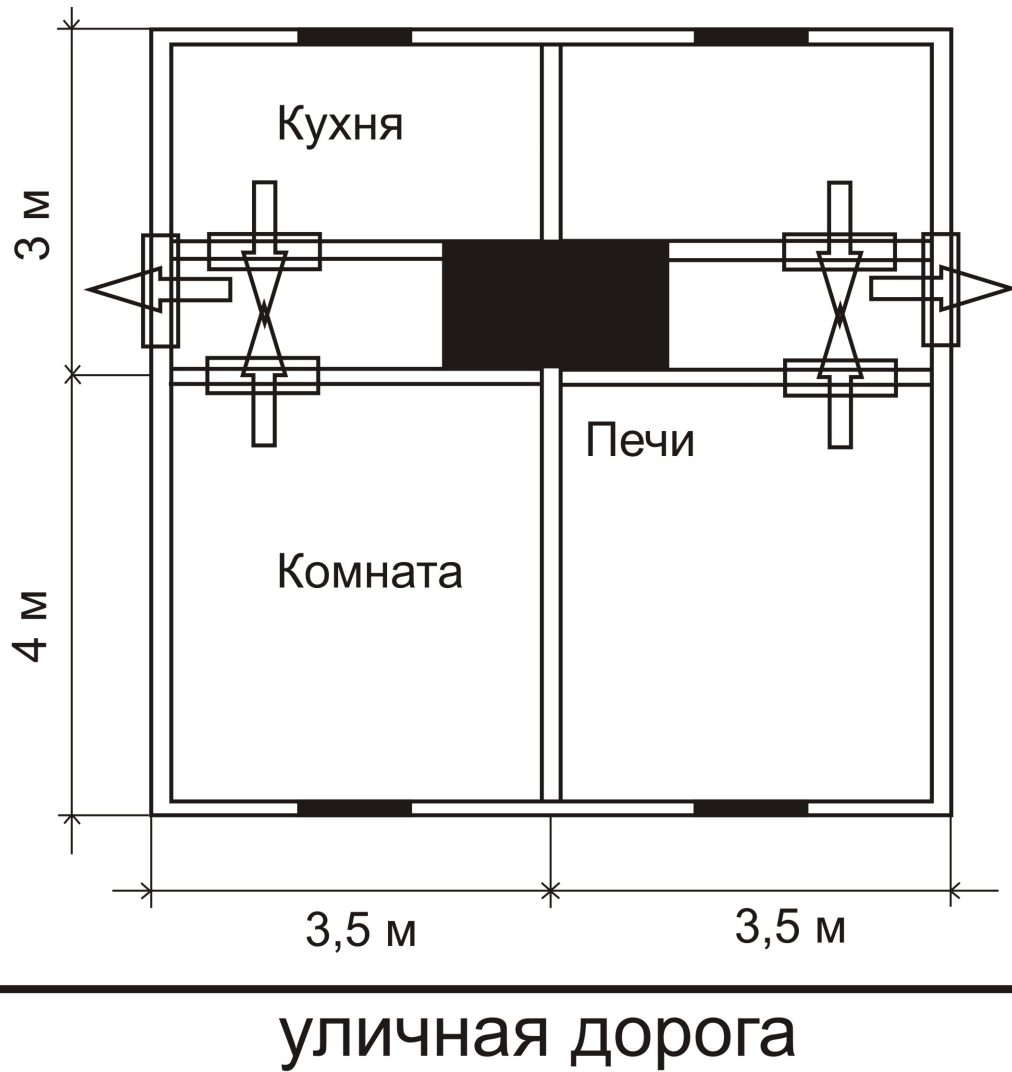
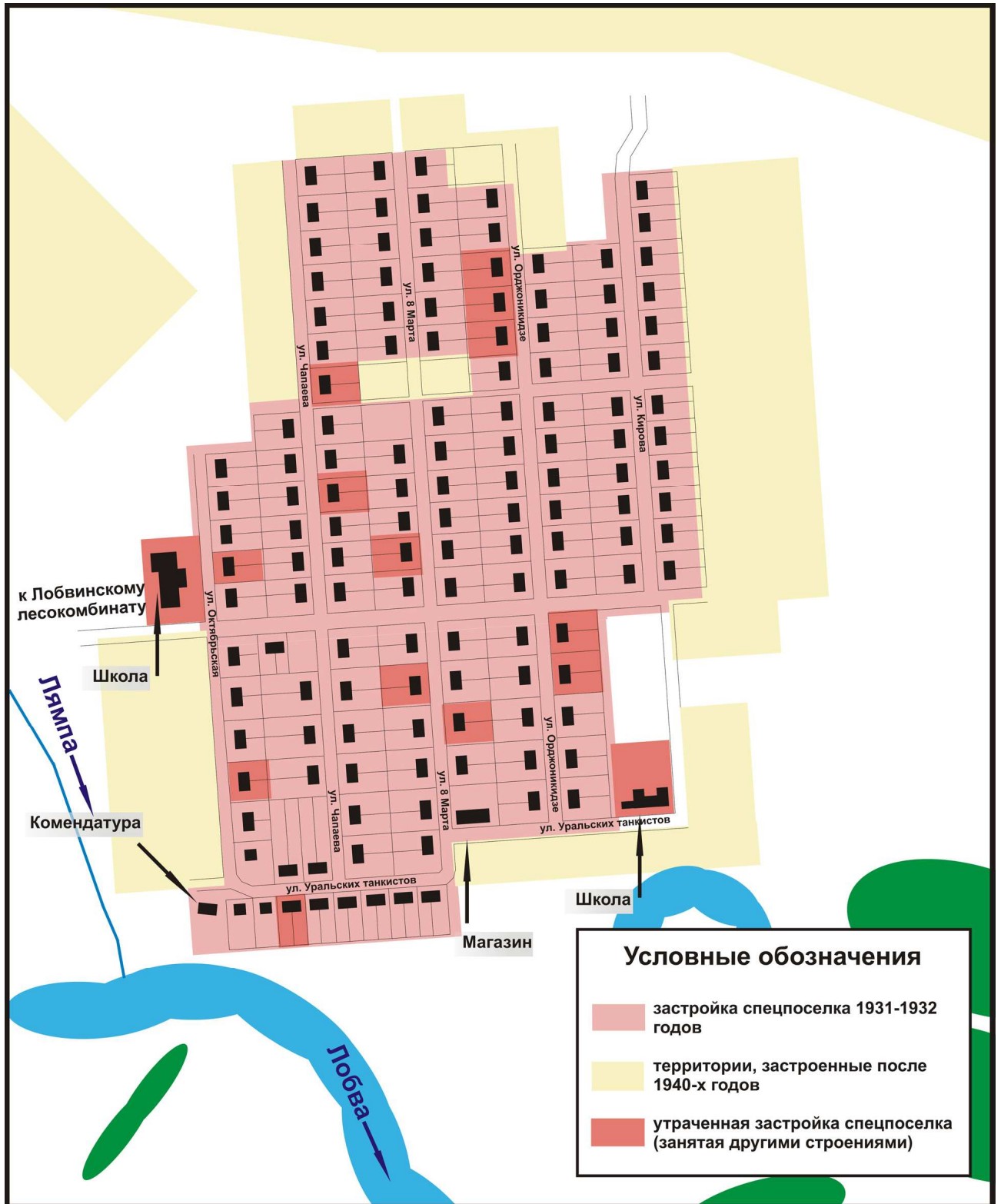

Схема. Планировка двухквартирного дома 1936 г. постройки (спецпоселок
Верхотурского ЛЗ)

Схема. Спецпоселок Лобвинского ЛК

Источник: Составлено автором.

Таблица. Картотека жилых и социальных объектов спецпоселка Лобвинского ЛК (современное состояние)

Современный адрес объекта	Год постройки, назначение	Строительный материал	Современное состояние
1	2	3	4
Ул. Октябрьская			
Ул. Октябрьская, 2	1932, жилой дом	Бревна	Дом заселен
Ул. Октябрьская, 4	1932, жилой дом	Брусья	Дом не сохранился
Ул. Октябрьская, 6	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Октябрьская, 8	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Октябрьская, 10	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Октябрьская, 12	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Октябрьская, 14	1932, жилой дом	Брусья	Дом не сохранился
Ул. Октябрьская, 16	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Октябрьская, 18	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Октябрьская, 20	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Октябрьская, 9	1932, начальная школа	Брусья	Здание не сохранилось
Ул. Чапаева			
Ул. Чапаева, 1	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 3	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 5	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 7	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 9	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 11	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 13	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 15	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен

1	2	3	4
Ул. Чапаева, 17	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 19	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 21	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 2	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 4	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 6	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 8	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 10	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 12	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 14	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 16	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 18	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 20	1932, жилой дом	Брусья	Дом не сохранился, на его месте по- строен другой
Ул. Чапаева, 22	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 24	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 26	1932, жилой дом	Брусья	Дом не сохранился, на его месте по- строен другой
Ул. Чапаева, 28	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 30	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 32	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 34	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 36	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Чапаева, 38	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен

1	2	3	4
Ул. Уральских танкистов			
Ул. Уральских танкистов, 5	1932, жилой дом	Бревна	Дом заселен
Ул. Уральских танкистов, 7	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Уральских танкистов, 9	1932, магазин	Брусья	Действует
Ул. Уральских танкистов, 11	1936, средняя школа	Брусья	Здание не сохрани- лось
Ул. Уральских танкистов, 4	1932, комендату- ра	Бревна	Жилой дом, засе- лен
Ул. Уральских танкистов, 6	1932, жилой дом	Бревна	Дом заселен
Ул. Уральских танкистов, 8	1932, жилой дом	Бревна	Дом заселен
Ул. Уральских танкистов, 10	1932, жилой дом	Брусья	Дом не сохранился, построен другой
Ул. Уральских танкистов, 12	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Уральских танкистов, 14	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Уральских танкистов, 16	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Уральских танкистов, 18	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Уральских танкистов, 20	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта			
Ул. 8 Марта, 1	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 3	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 5	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 7	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен

1	2	3	4
Ул. 8 Марта, 9	1932, жилой дом	Брусья	Дом разрушен
Ул. 8 Марта, 11	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 13	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 15	1932, жилой дом	Брусья	Дом не сохранился, на его месте по- строен другой
Ул. 8 Марта, 17	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 19	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 21	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 23	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 25	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 27	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 29	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 31	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 33	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 2	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 4	1932, жилой дом	Брусья	Дом разрушен
Ул. 8 Марта, 6	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 8	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 10	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 12	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 14	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 16	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 18	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 20	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 22	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 24	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен

1	2	3	4
Ул. 8 Марта, 26	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 28	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 30	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. 8 Марта, 32	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе			
Ул. Орджоникидзе, 1	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 3	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 5	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 7	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 9	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 11	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 13	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 15	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 17	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 19	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 21	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 23	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 25	1932, жилой дом	Брусья	Дом не сохранился
Ул. Орджоникидзе, 27	1932, жилой дом	Брусья	Дом не сохранился, здесь построен дру- гой
Ул. Орджоникидзе, 29	1932, жилой дом	Брусья	Дом не сохранился, на его месте по- строен другой
Ул. Орджоникидзе, 31	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 33	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 2	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен

1	2	3	4
Ул. Орджоникидзе, 4	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 6	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 8	1932, жилой дом	Брусья	Дом разрушен
Ул. Орджоникидзе, 10	1932, жилой дом	Брусья	Дом не сохранился, построен другой
Ул. Орджоникидзе, 12	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 14	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 16	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 18	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 20	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 22	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 24	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 26	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 28	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Орджоникидзе, 30	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова			
Ул. Кирова, 1	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 3	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 5	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 7	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 8	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 9	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 11	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 13	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 15	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 17	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 19	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен

1	2	3	4
Ул. Кирова, 2	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 4	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 6	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 8	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 10	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 12	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 14	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 16	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 18	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 20	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 22	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен
Ул. Кирова, 24	1932, жилой дом	Брусья	Дом заселен

Интервью Н. И. Буркица (Скрипник). Записано 13 января 2008 г.

- Наталья Ивановна, расскажите, откуда родом Ваша семья, каковы были условия ее жизни?

- Моя семья проживала в украинском селе Андреевка, что в Харьковской области. В просторной хате посреди гостиной, совмещенной с кухней, стояла большая русская печь. Пол в комнатах был глиняный, систематически посыпался песком, на который стелили половики. В семье было девять детей. Я родилась последней в 1926 г. Отец и мать держали лошадей, коров, свиней и другую мелкую живность. Отец трудился в поле «день и ночь», чтобы прокормить семью. Излишки продукции – зерно, мясо, молоко – возил продавать в город. Мать занималась хозяйством и детьми, в свободное время ткала, пряла, шила одежду.

- Почему Ваша семья оказалась «раскулачена» и как осуществлялось «раскулачивание»?

- Скот, который держали родители, условия жизни способствовали отнесению семьи к «кулацкой». Кроме этого, отец противился вступлению в колхоз. Собрание жителей села постановило в начале 1930 года выслать за пределы Харьковской области ряд семей, в их числе оказалась и моя семья. Скот, одежда, запасы хлеба были в тот же день изъяты и распределены между жителями села. К дому пригнали подводы, и раскулаченные семьи отвезли на ближайшую железнодорожную станцию, где был подготовлен эшелон из крытых товарных вагонов. По прибытию на вокзал люди с подвод сразу кинулись искать своих родных. Было страшно: слезы и крики. «Вас вышлют на Урал, где небо сходится с землей», – презрительно подкалывали нас прохожие и охранники.

- Как Ваша семья и остальные «раскулаченные» перенесли переезд на Урал и как выжили в первые годы «спецсылки»?

- Ехали долго. Спали на устроенных вдоль стен вагона нарах. Спертый воздух, луч солнца через отверстие в крыше, заплесневелый хлеб, плач детей – вот то немногое, что окружало нас. Со станции Верхотурье подводы развозили «кулацкие» семьи по разным местам. Моя семья попала в лесозаготовительный поселок за

Старой Лялей. Жуткий дремучий лес, глухая местность. Казалось, все способствовало нашему уничтожению. Мой отец умер с голода и от тяжелых рубных работ. Когда он еще был жив, я ходила в специально организованное для детей учреждение и там прятала под платок ломти хлеба, приносила их голодному после рабочего дня отцу.

- Как Вы оказались в спецпоселке Верхотурского лесозавода? Что он из себя представлял? Каковы были условия проживания?

- В 1933 году оставшихся в живых мать, сестер Веру, Полину и меня отправили пешком в спецпоселок Верхотурского лесозавода «Пролетарий». По разбитой дороге преодолели более 70 километров. Нам дали квартиру в доме на улице 2-й линии, ныне Гагарина. Посреди комнаты стояла русская печь. Ее использовали для сна. Чтобы тепло не выходило из квартиры, сделали завалинки, вставили в окна вторые рамы. Купили железную буржуйку, на которой готовили пищу. Стол у нас был самодельным, вместо стульев – чурки. Света в квартире не было – жгли лучину. Чуть позже, когда стало лучше с деньгами, старшая сестра Вера, трудившаяся на лесопильном заводе, купила в поселке Верхотурье патефон. Основным блюдом на столе был картофель. Летом и в начале осени я с сестрами заготавливала в окрестном лесу ягоды, грибы и травы.

В 1934 году я пошла в школу. В шести классных комнатах обучалось свыше 250 детей. Преподавалось естествознание, география, история, русский язык, арифметика и некоторые другие предметы. В зимнее время после школы я с подружками каталась на лыжах, на коньках и на санях с горки. Лето, как правило, проводила в огороде или в лесу, занимаясь сбором ягод.

Таблица. Показатели работы трестов и предприятий лесопромышленного комплекса Свердловской области в 1940 г.

Трест, предприятие	Объем заготовки древесины, тыс. ф. м	Удельный вес механизированной вывозки леса, %	Численность персонала, чел.
1	2	3	4
Трест «Свердлес», в т. ч.:	2255	Н. с.	Н. с.
Афанасьевский механизированный лесной пункт;	59	7,3	435
Ирбитский ЛПХ;	117	38,5	975
Красноуфимский механизированный лесной пункт;	57	63,2	Н. с.
Скородумский механизированный лесной пункт.	127	66,9	430
Трест «Серовлесдревмет», в т. ч.:	1689	57,0	7900
Танковский механизированный лесной пункт;	178	20,8	Н. с.
Ларьковский механизированный лесной пункт;	113	Н. с.	325
Красноярский механизированный лесной пункт;	112	Н. с.	529
Покровский механизированный лесной пункт;	101	82,5	336
Сотринский механизированный лесной пункт.	152	51,0	570
Трест «Алапаевсклесдревмет»	895	46,1	3773
Трест «Свердлесдревмет», в т. ч.:	911	Н. с.	Н. с.

1	2	3	4
Уральский механизированный лесной пункт;	125	98,0	433
Нижнесергинский ЛПХ;	196	Н. с.	781
Саргинский механизированный лесной пункт;	58	48,4	Н. с.
Шамарский ЛПХ.	89	Н. с.	517
Трест «Чусовлесдревмет»	302	Н. с.	Н. с.
Трест «Свердтранслес», в т. ч.:	669	Н. с.	Н. с.
Камышловский ЛПХ;	247	1,1	1104
Тугулымский ЛПХ.	257	51,9	1650
Лобвинский ЛПХ	660	77,4	2590
Новолялинский ЛПХ	603	62,0	1320
Талицкий ЛПХ	190	Н. с.	Н. с.
«Севераллаг»	2675	Н. с.	Н. с.
«Ивдельлаг»	2137	Н. с.	Н. с.

Составлено по: Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 201; Глузман В. Л. Указ. соч. С. 56–57, 60, 63, 88, 90, 105, 128, 138, 154, 182, 192, 202, 211, 221, 230, 273, 286, 294, 295, 303, 310, 319–320, 333, 356.

Таблица. Удельный вес механизированной вывозки древесины в общем объеме вывезенного леса в 1933–1946 гг., %

Год	Хозяйственная организация, предприятие	Механизированная вывозка
1933	Лесозаготовительные тресты Наркомлеса СССР	5,0
	Лесозаготовительные тресты Наркомлеса СССР в Уральском регионе	1,9
1937	Лесозаготовительные тресты Наркомлеса СССР	32,2
	Лесозаготовительные тресты Наркомлеса СССР в Уральском регионе	51,4
1938	Леспромхозы «Главвостлеса»	46,6
	Предприятия управления лагерей лесной промышленности НКВД СССР	23,9
1940	Тресты «Молотовбумлес», «Комипермлес», «Уралзападолес»	41,0
	«Усоллаг», «Ныроблаг»	44,0
	Трест «Свердлес»	49,9
	Предприятия «Главлесчермета»	37,8
1942	Трест «Свердлес»	50,4
1944	Трест «Свердлес»	54,0
1945	Предприятия «Главлесчермета»	45,9
1946	Тресты «Молотовбумлес», «Комипермлес», «Уралзападолес»	33,0
	«Усоллаг», «Ныроблаг»	57,0

Составлено по: Антуфьев А. А. Указ. соч. С. 200, 202; Белых Н. Ю. Указ. соч. С. 96–97, 181; Кузнецов А. Ф. Борьба партийных организаций за развитие лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности Урала в 1933–1937 гг... С. 15; РГАЭ. Ф. 7637. Оп. 1. Д. 137. Л. 16, 21; Суслов А. Б. Принудительный труд на Урале (кон. 1920-х – нач. 1950-х гг.)... С. 270.

Таблица. Удельный вес механизированной валки, трелевки, вывозки древесины
в общем объеме заготовленного леса в 1940–1955 гг., %

	1940	1950	1955
Трест «Свердлес»:			
Валка леса	0	62,5	99,0
Трелевка леса	12,9	36,7	90,2
Вывозка леса	62,5	79,0	93,5
Трест «Главлесмет»			
Валка леса	0,3	77,3	98,3
Трелевка леса	14,7	62,2	92,5
Вывозка леса	49,4	81,6	94,0
Трест «Серовлесдревмет»			
Валка леса	0,6	90,9	99,5
Трелевка леса	23,6	85,2	96,8
Вывозка леса	57,8	93,9	98,3
Трест «Алапаевсклесдревмет»			
Валка леса	0	67,4	100,0
Трелевка леса	5,0	31,4	83,5
Вывозка леса	46,1	71,7	94,8

Таблица. Производство пиломатериалов за рамосмену предприятиями
лесопромышленного комплекса в 1928–1939 гг., м³

Годы	1928/ 1929	1929/ 1930	1932	1933 (первое полугодие)	1936	1939
Предприятие						
Предприятия лесопро- мышленного комплекса СССР	Н. с.	Н. с.	23,2	Н. с.	36,4*	37,5**
Предприятия Наркомле- са СССР	25,40	Н. с.	23,90	Н. с.	Н. с.	Н. с.
Тавдинский ЛЗ № 7	39,20	34,40	Н. с.	43,91	Н. с.	Н. с.
Тавдинский ЛЗ № 9	38,90	33,00				
Лобвинский ЛЗ	40,20	30,72	Н. с.	39,15	Н. с.	Н. с.
Тюменский ЛЗ № 12а	32,60	33,80	Н. с.	31,76	Н. с.	Н. с.
Тюменский ЛЗ № 12в	27,50	33,20				
Тюменский ЛЗ «Респуб- ликанец»	36,70	33,20				
Пермский ЛЗ	31,40	27,20	Н. с.	35,01	Н. с.	Н. с.
Наеждинский ЛЗ	Н. с.	Н. с.	Н. с.	34,19	Н. с.	Н. с.
Верхотурский ЛЗ	-	-	Н. с.	28,54	44,78	57,86
Яйвенский ЛЗ	Н. с.	Н. с.	Н. с.	25,04	Н. с.	Н. с.
Сарапульский ЛЗ	Н. с.	Н. с.	Н. с.	28,67	Н. с.	Н. с.
Кунгурский ЛЗ	Н. с.	Н. с.	Н. с.	23,29	Н. с.	Н. с.
Таватуйский ЛЗ	Н. с.	Н. с.	Н. с.	29,13	Н. с.	Н. с.

* В 1937 г.

** В 1940 г.

Составлено по: АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 28; Д. 18. Л. 2, 7; ГАСО. Ф. р-1518. Оп. 1. Д. 30. Л. 34об.; Петров Б. С. Указ. соч. С. 79, 88.

Таблица. Изменения фактических показателей работы Верхотурского ЛЗ в
1933–1948 гг.

Показатель	Годы						
	1933	1934	1935	1936	1938	1939	1948
Количество рам	2	2	2	2	2	2	2
Среднесписочное число рабочих, чел.	170	180	Н. с.	252	Н. с.	262	Н. с.
Количество дней ра- боты	300	289	Н. с.	Н. с.	234	264	280
Выпуск пилопродук- ции, м ³	33867	41165	23117	30985	45442	72963	57107
Расход сырья для производства 1 м ³ пиломатериалов, м ³	Н. с.	Н. с.	1,531	1,433	1,527	1,478	Н. с.
Количество рамосмен	1554	1591	810	692	892	1261	1192
Количество рамосмен в один день работы	5,18	5,50	Н. с.	2,47	3,81	4,78	4,26
Выработка пиломате- риалов за рабочий день, м ³	112,9	142,4	Н. с.	Н. с.	194,2	276,4	204,0
Выработка пиломате- риалов за рамосмену, м ³	21,8	25,9	28,5	44,8	50,9	61,0	47,9
Количество рамосмен для производства 1000 м ³	45,9	38,6	35,0	22,3	19,6	16,4	20,9

Источник: Подсчитано по: АОАГОВ. Ф. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 4; Д. 4. Л. 3, 4, 5; Д. 18. Л. 1, 2, 6, 7, 9; Д. 88. Л. 3.